S 32/239
Кн. IX.

S 32/239

А. Я. Максимовъ.

НА ДАЛЕКОМЪ ВОСТОКѢ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

Жертва волкамъ (Святочная быль).—Попъ Симеонъ (Быль объ одномъ забытомъ подвигѣ).—Унесенные въ море (Разсказъ изъ быта ловцовъ морской капусты).—Волшебная падь (Разсказъ изъ жизни китайскихъ авантюристовъ).—На соболей (Разсказъ изъ быта ходзеновъ).—Скиталецъ (Изъ сибирскихъ воспоминаній).—Злодѣй (Разсказъ изъ жизни «несчастныхъ»).

Изданіе М. К. МАКСИМОВОЙ.

ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦЕВ. МУЗЕИ БИБЛІОТЕКА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типо-Литографія К. Л. Пентковскаго, Б. Подъяческая, 22.
1901.

2007041405

Жертва волкамъ.

Святочная быль.

I.

Ясный, морозный вечеръ. Въ бездонной глубинѣ таинственнаго неба привѣтливо мерцаютъ тысячи звѣздъ, словно радостныя очи сонма ангеловъ, парящихъ въ безконечномъ пространствѣ недоступномъ человѣческому уму. Полная луна величественно плыветъ среди чудныхъ созвѣздій, бросая на застывшую землю снопы мягкихъ, нѣжныхъ лучей. Волны фосфорическаго свѣта придаютъ всему окружающему дивный, фантастическій видъ. Подъ неотразимымъ вліяніемъ этого ласкающаго свѣта вся природа находится въ сладкой дремотѣ. Въ недвижномъ воздухѣ стоитъ невозмутимая тишь. Лѣсъ, безгранично раскинувшійся во всѣ стороны, не шелохнется. Мохнатыя, сплошь опушенныя рыхлымъ снѣгомъ, ели точно охвачены очарованнымъ сномъ. Ихъ мшистыя вѣтви низко опущены, какъ будто онѣ рѣвниво охраняютъ отъ посторонняго взора тайны дремучаго бора.

Могучія сосны замерли въ какомъ-то сказочномъ раздумьѣ. Ихъ роскошныя, темныя вершины, художественно изукрашенныя снѣжными хлопьями, рельефно вырисовываются на сравнительно свѣтломъ фонѣ ночного небосклона. Рядомъ уснули стройныя березы, широко раскинувъ свои нѣжные, тонкіе, оголенные сучья и вѣтки...

Струи луннаго свѣта проникаютъ въ сокровеннѣйшіе уголки уснувшаго лѣса. На снѣжномъ, пышномъ коврѣ прогалинъ и просѣкъ тянутся, скрещиваясь, пересѣкаясь и сливаясь, какія-то фантастическія тѣни. Такія-же тѣни легли поперекъ широкой, почтовой дороги, которая извивается сверкающей лентой среди лѣсной чащи и теряется во мглистой дали...

Пустынно и глухо какъ въ лѣсу, такъ и на дорогѣ. Мертво и тихо кругомъ. Ничто не нарушаетъ величественнаго безмолвія зимней ночи. Но это отсутствіе жизни только кажущееся. Въ этомъ можно убѣдиться—стоитъ лишь внимательнѣе приглянуться къ опушкѣ дремучаго бора. По окраинамъ извилистой дороги недвижно сидятъ, отдѣльными группами, громадные волки, съ всклокоченною шерстью и съ подведенными отъ продолжительнаго голода боками. Задравъ кверху острыя морды, хищники упорно глядятъ на луну, какъ будто приведенные ея фосфорическимъ свѣтомъ въ странное оцѣпенѣніе...

Время идетъ. Луна уже склонилась почти къ самымъ вершинамъ деревьевъ, но волки все еще сидятъ на прежнихъ мѣстахъ и съ тѣмъ же оцѣпенѣніемъ смотрятъ въ звѣздное, безоблачное небо... Но вотъ одинъ изъ крайнихъ хищниковъ вдругъ встрепенулся, насторожилъ уши и съ жаднымъ любопытствомъ сталъ смотрѣть на дорогу. Вслѣдъ за нимъ какъ по командѣ и остальные хищники повернули головы въ ту же сторону, видимо стараясь уловить чуткимъ ухомъ какіе-то неясные, едва уловимые звуки, неожиданно нарушившіе торжественное безмолвіе дивной ночи. Съ каждой

секундой звуки эти ближе и ближе; яснѣе и отчетливѣй раздаются въ морозномъ воздухѣ... Вотъ уже слышно, какъ вдали звенятъ, то бойко, то захлебываясь, то совсѣмъ замирая, звучные колокольцы, подобранные въ терцію. Изрѣдка уже доносятся топотъ и фырканье лошадей. Рѣзкій скрипъ полозьевъ сливается съ мелодичными звуками колокольчиковъ и нарушаетъ ихъ своеобразную гармонію. Встревоженные хищники сполошились и шарахнулись въ чащу, утопая въ рыхломъ снѣгу.

II.

Въ открытой, рогожаной кошевѣ сидятъ двое; мелкій торговецъ Коркинъ, бородатый мужчина, плотно закутавшійся въ лисью шубу, и мальчикъ лѣтъ десяти, племянникъ Коркина, бережно завернутый въ громадный бараній тулупъ, повидимому, съ отцовскаго плеча, крѣпко стянутый, чуть ли не подъ мышками, безконечнымъ краснымъ кушакомъ. На узкомъ облучкѣ примостился какъ-то бокомъ, въ полуоборотъ къ сѣдокамъ коренастый, плечистый ямщикъ, въ мохнатой козьей дохѣ и енотовомъ малахѣ. Ямщикъ, видимо, вполнѣ доволенъ всѣми: и разговорчивыми сѣдоками, и собой, и своею лихою тройкою. Изрѣдка покрикивая на лошадей, онъ ведетъ бойкую рѣчь, постоянно мѣняя темы разговора и съ удивительною легкостью перебрасываясь мыслями съ предмета на предметъ:

— Лучше моей тройки въ цѣлой округѣ не сыщешь: конь къ коню на подборъ... Стоитъ лишь крикнуть имъ: милые выручайте!.. и кнута не надоть: птицей легкокрылой полетятъ... А ты, купецъ, кунгурцевъ знаешь?.. Не знаешь?.. Это мѣщане изъ города Кунгура: одно слово—пропащій народъ. Ну, и мазурики же они ловкіе: такихъ мазуриковъ во всей Москвѣ не сыщешь... Вырѣзать задокъ у тарантаса, сорвать съ возовъ, налетомъ, нѣсколько мѣстъ чаю или иного товару—это ихъ

дѣло!.. А гляди, лѣсъ-то нашъ какой!.. Ты, поди, и во снѣ такого не видалъ?..

— Не видалъ,—согласился бородачъ, зорко поглядывая по сторонамъ, не то съ любопытствомъ, не то съ затаеннымъ страхомъ.

— То-то!..—самодовольно усмѣхнулся ямщикъ.— Наши лѣса—благодать. Такихъ лѣсовъ, почитай, нигдѣ не сыщешь...

— А разбойники и волки есть въ нихъ?—раздался трепещущій голосъ мальчугана.

Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ слышалась дрожащая нотка какой-то душевной тревоги, навѣянной фантастическимъ видомъ дремучаго бора.

— Полно, Ванюша, пустяки говорить... Какіе тутъ вдругъ разбойники?.. Да и волковъ, вѣроятно, ужъ всѣхъ извели разные охотники,—успокоительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-то неувѣренно проговорилъ бородачъ, продолжая озираться.

— Э... эхъ, купецъ, охота тебѣ выдумывать, прости за мужицкое слово, разную канифоль!—съ укоризной обратился ямщикъ къ сѣдоку.—Положимъ, правъ ты, что разбойниковъ теперича въ этакую зимнюю стужу нѣтъ пока, а волковъ—сколько хочешь; хоть лопатами ихъ отгребай... И лютые, скажу тебѣ, въ нашихъ лѣсахъ волки! Сколько разнаго скота и людей поѣли—не сосчитаешь, право!..

— А на проѣзжихъ нападаютъ они?—тревожно спросилъ бородачъ, нащупывая въ боковомъ карманѣ шубы ручку крупнаго револьвера, пріобрѣтеннаго по случаю отъ какого-то встрѣчнаго офицера, возвращавшагося изъ Сибири въ Петербургъ.

— Не случалось этого... Даже не пришлось слышать объ этомъ... Волкъ, милый человѣкъ, рветъ больше пешехода, которому обороняться нельзя, да, окромя того, на гуляющую скотину нападаетъ... Прозѣвалъ ты малость, а ужъ волки тутъ какъ тутъ, по-своему расправляются...

— Почему же волки проѣзжихъ не трогаютъ?— удивился бородачъ, испуская изъ стѣсненной груди вздохъ облегченія.

— Знать хочешь, почему?.. Изволь, милый человѣкъ, скажу,—началъ-было ямщикъ благодушно поучать проѣзжаго, но лѣвая пристяжная вдругъ отвлекла его вниманіе.—Не шали!—прикрикнулъ онъ съ внезапнымъ озлобленіемъ на широкогрудаго сѣраго жеребца, который, неожиданно ослабивъ постромки, сталъ, съ чего-то, энергично нажимать на коренника, точно силясь спихнуть его съ дороги.

— Не шали! —повторилъ свой озлобленный окрикъ ямщикъ, и въ воздухѣ раздался рѣзкій ударъ кнута.

Жеребецъ стремительно вытянулъ постромки, но все еще продолжалъ наваливаться на оглоблю, искоса поглядывая въ лѣсную чащу.

— Что съ нимъ?—робко спросилъ бородачъ, начавшій опять трусить.

— Волковъ почуялъ,—какъ-то глухо отвѣтилъ ямщикъ, подбирая вожжи, и тотчасъ же добавилъ, какъ-бы въ оправданіе жеребца:

— Конь онъ молодой, небывалый еще—ему и боязно оттого...

— Ахъ, дядя, мнѣ страшно!—вскрикнулъ вдругъ Ванюша, крѣпко прижимаясь къ бородачу.—Страшно!..

И мальчикъ зажмурилъ глаза.

Этотъ внезапный крикъ произвелъ на Коркина сильное впечатлѣніе. Онъ весь затрепеталъ. Холодный потъ выступилъ у него на лбу, а въ сердцѣ появилась щемящая боль, точно оно попало въ какіе-то тиски.

— Ишь, малышъ-то, тоже испугался,—разговорился опять ямщикъ, озираясь по сторонамъ.—Чуетъ, вѣрно, онъ, что волки въ лѣсу сидятъ и зубами на насъ щелкаютъ!.. Пущай пощелкаютъ. Какъ ни охочи они до человѣческаго мяса, а все колокольцовъ опасаются... Давно бы уже напали на насъ, кабы не колокольцы...

И чего они этихъ самыхъ колокольцовъ пужаются—самъ не знаю, да и никто, почитай, не знаетъ...

— Гляди!—съ ужасомъ перебилъ Коркинъ ямщицкую рѣчь, указывая лѣвой рукой на лѣсную опушку.—Гляди, два волка сидятъ!

И, ухватившись невольно другой рукой за револьверъ, онъ потащилъ его изъ кармана.

— Пущай себѣ сидятъ!—съ напускнымъ ухарствомъ отозвался ямщикъ, наматывая на рукавицы вожжи.—Эй, вы, милые, выручайте!—неожиданно крикнулъ онъ на лошадей, упираясь грудью въ высокій передокъ кошевы.

Тройка мгновенно вытянулась и понеслась вскачь, взметывая копытами тучи снѣжной пыли. Отполированные полозья рѣзко завизжали. Колокольцы забили дробную тревожную трель... Ванюша, не открывая глазъ, плотно прижался къ бородачу. Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, вдругъ охватившаго все его молодое, нѣжное существо, онъ замеръ въ необъяснимомъ, мучительномъ ожиданіи чего-то невообразимо страшнаго и неотвратимаго...

III.

Спустя нѣсколько секундъ, тройка поравнялась съ двумя хищниками, смѣло вышедшими изъ чащи на дорогу, какъ бы для рекогносцировки. Ихъ горящіе, какъ раскаленные уголья, глаза слѣдили за кошевой съ жаднымъ любопытствомъ, подстрекаемымъ нестерпимымъ голодомъ. Злобно щелкая зубами, волки, казалось, ждали только удобнаго момента, чтобы отчаянно ринуться на лошадей или людей. Они были совсѣмъ близко, всего въ двухъ-трехъ шагахъ...

Близость эта произвела на Коркина подавляющее впечатлѣніе, и въ то мгновеніе, когда два хищника совсѣмъ приблизились, онъ безотчетнымъ движеніемъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и сдѣлалъ, не цѣ-

лясь, два выстрѣла. Одинъ изъ волковъ высоко подпрыгнулъ, точно подъ нимъ вдругъ развернулась могучая пружина, перевернулся въ воздухѣ и съ размаху шлепнулся спиной въ рыхлый снѣгъ. Раздался ужасный вой, на который тотчасъ же отозвались всѣ притаившіеся хищники. Дремавшій лѣсъ ожилъ и огласился дикими завываніями, потрясавшими душу и сердце.

— Теперь бѣды не миновать!—отчаянно закричалъ ямщикъ.—Голубчики, выручайте! Милые, выручайте!.. Э-эхъ, купецъ,—обратился онъ съ свирѣпымъ упрекомъ къ Коркину:—кой чортъ дернулъ тебя палить!?.. Говорилъ тебѣ: не замай... Ну, а теперь пропали мы! Не отстанутъ, окаянные, какъ крови попробовали... Милые, выручайте!.. Не отстанутъ!..

Дѣйствительно, цѣлая стая волковъ, выскочивъ изъ лѣса и почти мгновенно растерзавъ раненаго товарища, уже неслись вдогонку за кошевой. Свѣсивши на сторону окровавленные языки, хищники мчались съ поразительною быстротою. Разстояніе между ними и кошевой сокращалось съ каждой секундой, несмотря на головоломную скачку обезумѣвшей тройки, инстинктивно чуявшей страшную опасность. Волки преслѣдовали тройку съ остервенѣніемъ и упорствомъ. Повидимому недавняя кровавая трапеза привела ихъ въ то состояніе, при которомъ даже самый трусливый звѣрь становится отважнымъ до безумія и смѣлымъ до наглости.

Коркинъ слѣдилъ за гигантскими прыжками хищниковъ съ невыразимымъ ужасомъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ отчаянною рѣшимостью продать свою жизнь какъ можно дороже. Держа наготовѣ револьверъ, онъ ждалъ только удобнаго момента, чтобы поразить шальной пулей какого-нибудь ближайшаго волка, но моментъ этотъ, какъ-то, постоянно ускользалъ. Уже нѣсколько разъ онъ цѣлился то въ одного, то въ другого звѣря, изъ числа особенно насѣдавшихъ на кошеву, но все не могъ спустить курокъ даже съ малѣйшею увѣренностью на удачный выстрѣлъ. Въ помутившихся гла-

захъ Коркина стоялъ какой-то невообразимый хаосъ. Среди едва проглядной снѣжной мглы хищники представлялись чудовищными, неуловимыми тѣнями, то исчезавшими неизвѣстно куда, то вновь появлявшимися совершенно съ противоположной стороны. При всемъ этомъ, кошева такъ подпрыгивала на ухабахъ, съ такою стремительностью перебрасывалась съ боку на бокъ, что надо было очень крѣпко держаться за нее, чтобы не вылетѣть прямо въ раскрытыя пасти волковъ. Стрѣлять при такихъ условіяхъ можно было только зря и наугадъ, но на такую безцѣльную стрѣльбу Коркинъ пока не рѣшался, вслѣдствіи ничтожнаго запаса патроновъ. Онъ берегъ пули до крайняго случая. Надвигавшаяся опасность еще не окончательно помутила его разсудокъ, и онъ достаточно ясно сознавалъ что очень скоро придется сойтись съ хищниками грудь съ грудью, что приближается рѣшительный моментъ, когда заряженный револьверъ можетъ оказать спасительную услугу. Съ напряженными допельзя нервами, онъ ждалъ этого момента, какъ вдругъ раздался злобный крикъ ямщика, который все оглядывался на преслѣдовавшую стаю волковъ:

— Чего не палишь!?.. Началъ палить, такъ пали!.. Бей ихъ, окаянныхъ!.. Не зѣвай!.. А то какъ разъ впередъ забѣгутъ и на лошадей бросятся... Пали, говорятъ тебѣ толкомъ!.. Пали!..

Этотъ неожиданный крикъ былъ каплей, переполнившей нервное напряженіе Коркина. Онъ разомъ впалъ въ какое-то полубезсознательное состояніе, не позволявшее ни думать, ни разсуждать. Онъ утратилъ силу воли и съ поразительною покорностью подчинился рѣзкому требованію ямщика. Началась положительно шальная стрѣльба по волкамъ, бѣшено прыгавшимъ на довольно близкомъ разстояніи отъ кошевы. Рѣдкій выстрѣлъ достигалъ своей цѣли, поражая того или другого хищника, случайно подвернувшагося подъ пулю. Разъ какой-нибудь звѣрь падалъ, остальные съ остерве-

нѣніемъ набрасывались на раненаго товарища и почти мгновенно разрывали его на клочья. Послѣ короткой кровавой свалки, волки вновь, съ поразительною настойчивостью, пускались въ погоню за кошевой, не обращая вниманія на револьверные выстрѣлы.

— Пали, пали! —дико поощрялъ ямщикъ совершенно растерявшагося сѣдока.—Бей ихъ, окаянныхъ, бей! .

И Коркинъ палилъ съ лихорадочною, безсознательною поспѣшностью. Уже нѣсколько разъ ему пришлось перезаряжать револьверъ, а волки, не уменьшаясь въ числѣ, продолжали свое яростное преслѣдованіе. Нѣкоторые звѣри уже были такъ близко, что ясно доносилось до кошевы ихъ прерывистое дыханіе... Но выстрѣлы вдругъ смолкли.

— Пали, пали!—завопилъ ямщикъ въ какомъ-то дикомъ изступленіи.

— Патроновъ больше нѣтъ,—прохрипѣлъ Коркинъ упавшимъ, глухимъ голосомъ.

— У, чортъ этакой!—сталъ неожиданно ругаться ямщикъ съ свирѣпымъ видомъ.—Дьяволъ ты, окаянный!.. Зачѣмъ тогда палилъ, коли запасу порохового нѣту?.. Изъ-за тебя, окаяннаго, погибать теперь приходится... Ну, нѣтъ, шалишь!.. Шалишь!.. Не хочу помирать страшной смертью!.. Бросай..

Ямщикъ на секунду смолкъ, точно поперхнулся чѣмъ, но затѣмъ взвизгнулъ съ какимъ-то безумнымъ ожесточеніемъ:

— Бросай малыша-то!.. Волки безпремѣнно отстанутъ... Имъ только человѣчьяго мяса охота попробовать... Говорятъ тебѣ, бросай!..

— Выдумалъ что!?.. Бога ты не боишься!—съ ужасомъ простоналъ Коркинъ, прижимая къ себѣ племянника.—Мать ждетъ сына на праздникъ, а я его на съѣденье звѣрямъ брошу... Не извергъ я, не убійца!..

— Голубчикъ, дяденька, миленькій, спаси меня, спаси!—замолилъ вдругъ Ванюша, судорожно цѣпляясь за шубу бородача.

— Бросай, бросай!—настойчиво, съ угрозой твердилъ ямщикъ... Смотри, поздно будетъ!.. Сію минутку волки на лошадей насядутъ и всѣхъ въ клочья разнесутъ... Бросишь малыша—спасемся; не бросишь—лютой смерти не миновать... Бросай, а не то самого выброшу изъ кошевы!

И ямщикъ съ угрожающимъ видомъ обернулся къ сѣдокамъ. Въ этотъ моментъ подскочилъ къ самой кошевѣ громадный волкъ и однимъ махомъ вцѣпился острыми зубами въ приподнятый воротникъ Коркина; Тотъ положительно осатанѣлъ отъ этого неожиданнаго нападенія и съ безумнымъ крикомъ рванулся впередъ Смѣлый хищникъ не выдержалъ подобнаго стремительнаго движенія своей жертвы и кубаремъ полетѣлъ на дорогу, не выпуская изъ крѣпко стиснутыхъ зубовъ вырваннаго клочка воротника. Среди стаи волковъ произошелъ незначительный переполохъ, но вскорѣ они опять дружно бросились преслѣдовать кошеву, все наровя вскочить въ послѣднюю то съ одной, то съ другой стороны. Два хищника забѣжали даже впередъ съ явнымъ намѣреніемъ вцѣпиться въ лошадей. Смертельная опасность, казалось, была неотвратима.

— Бросай малыша живѣй, пока время не ушло!.. Бросай, а не то самъ вылетишь!—съ прежнимъ ожесточеніемъ ревѣлъ ямщикъ, дѣлая угрожающее движеніе по направленію къ Коркину.

Тотъ отшатнулся въ глубь кошевы и съ невыразимымъ ужасомъ простоналъ:

— Не могу... не брошу... Самъ... самъ бросай...

— Дяденька, голубчикъ, миленькій, спаси меня!—продолжалъ молить Ванюша, замирая отъ страха и инстинктивно прячась за спину дяди.

Ямщикъ потянулся за мальчикомъ, стараясь поймать его за ноги. Коркинъ не шелохнулся, чтобы защитить племянника. Его вдругъ охватило чувство, превращающее человѣка въ звѣря. Ему хотѣлось жить, жить во что бы то ни стало. Призракъ мучительной

смерти заглушилъ въ немъ все честное, хорошее и доброе, превратилъ его въ чудовище готовое, ради собственнаго, хотя бы даже призрачнаго спасенія, на самое возмутительное преступленіе. Коркина не тронули отчаянные мольбы племянника: онъ былъ къ нимъ совершенно глухъ. Сердце его, какъ будто, мгновенно зачерствѣло и обратилось въ камень. Ямщикъ между тѣмъ, уже успѣлъ поймать мальчика за ногу и, несмотря на его сопротивленіе, выбросилъ его изъ кошевы...

Волки безпорядочной толпой накинулись со всѣхъ сторонъ на свою жертву... Воздухъ огласился пронзительнымъ крикомъ, ударившимъ, точно острымъ ножемъ, въ самое сердце Коркина. Нервы послѣдняго не выдержали. Съ безумнымъ воплемъ, съ искаженнымъ отъ невыразимаго ужаса лицомъ, кинулся Коркинъ на дно кошевы и неожиданно разразился страшными рыданіями...

IV.

Волки, увлекшись ожесточенной борьбой за лакомый кусокъ, какъ будто забыли о кошевѣ, но, впрочемъ, не надолго. Едва взмыленная тройка успѣла промчаться двѣ-три версты, какъ хищники вновь стали насѣдать на нее еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ. Напрасно ямщикъ гналъ лошадей, напрасно немилосердно хлесталъ ихъ то кнутомъ, то вожжами. Несмотря на бѣшеный бѣгъ тройки, разстояніе между нею и волками замѣтно сокращалось, а до города оставалось еще не менѣе пяти верстъ.

«Успѣемъ ли доскакать?—загвоздилъ въ воспаленномъ мозгу ямщика жгучій, мучительный вопросъ.—„Успѣемъ ли!?..“

И ямщикъ вновь оглашалъ лѣсъ самымъ отчаяннымъ крикомъ, постепенно затихавшимъ отъ судорожной хрипоты:

— Милые, выручайте!.. Голубчики, выручайте!..

Изрѣдка онъ оглядывался и съ безумнымъ ужасомъ замѣчалъ, какъ быстро настигали тройку хищники, разлакомившіеся, повидимому, человѣческою кровью.

Лошади продолжали нестись стрѣлою, не зная усталости. Страхъ окрылилъ ихъ, придалъ имъ какую-то сверхъестественную силу. Кошева, окутанная льдистою пылью, бѣшено ныряла въ ухабахъ, едва не опрокидываясь на раскатахъ и поворотахъ. Только благодаря широкимъ, крѣпкимъ отводамъ, она стойко выдерживала безумную скачку. Визжа полозьями, она металась изъ стороны въ сторону, бороздила дорогу то однимъ, то другимъ отводомъ, вновь выпрямлялась, а черезъ секунду опять норовила опрокинуться.

Деревья и телеграфные столбы мелькали мимо кошевы съ поразительною быстротою. Гигантскія тѣни, легшія фантастическими узорами на сверкающую снѣжную пелену, казалось, ожили и неслись вслѣдъ за обезумѣвшей тройкой, тщетно силившейся уйти отъ кровожадныхъ враговъ, число которыхъ не убывало. Напротивъ, съ каждой минутой къ преслѣдовавшей стаѣ примыкали новые и новые хищники.

Коркинъ ничего уже не видѣлъ и не слышалъ. Уткнувшись лицомъ въ сѣно, раскинутое на днѣ кошевы, онъ находился въ полуобморочномъ состояніи. Онъ ничего не сознавалъ и не понималъ. Страхъ парализовалъ его мозгъ, сковалъ его члены и привелъ въ какой-то ужасный столбнякъ.

Ямщикъ уже не кричалъ, а едва слышно хрипѣлъ, повторяя одно и то же:

— Милые, выручайте!.. Голубчики, выручайте!

Нервная судорога сдавливала ему горло. Онъ холодѣлъ отъ одной мысли попасть на зубы хищникамъ. Страшная смерть казалась ямщику неотвратимою, если не смилуется Всевышній надъ несчастными... Надежда на помощь свыше мелькнула въ воспаленномъ мозгу ямщика молніей и тотчасъ же потухла.

Онъ торопливо пошарилъ подъ облучкомъ и вытащилъ топоръ, зловѣще блеснувшій въ лучахъ луннаго свѣта. Привставшему Коркину вдругъ почудилось, что сейчасъ этотъ острый топоръ опустится на его голову и раскроитъ ее до плечъ, что сейчасъ онъ будетъ выброшенъ озвѣрѣлой рукой убійцы на растерзаніе волкамъ... Смертельная опасность совершила во всемъ существѣ Коркина удивительный, внезапный переломъ. Застывшая-было кровь неожиданно закипѣла ключомъ. Упавшій духъ его воспрянулъ. Робость смѣнилась отчаяннымъ мужествомъ. Словно наэлектризованный Коркинъ мгновенно вскочилъ на ноги и, стремительно бросившись на ямщика, судорожно обхватилъ его обѣими руками поперекъ туловища. Ямщикъ пошатнулся отъ неожиданнаго натиска, и не удержался въ кошевѣ, но не выпустилъ изъ рукъ топора.

Волки казалось, только этого и ждали. Безпорядочной массой накинулись они на лакомую добычу и мгновенно вцѣпились въ ямщика съ неистовымъ остервенѣніемъ. Началась неравная, страшная борьба одного человѣка съ полсотней кровожадныхъ хищниковъ, обезумѣвшихъ отъ голода и преслѣдованія. Ямщикъ-атлетъ наносилъ мощные удары направо-налѣво; охваченный бѣшенымъ порывомъ продать свою жизнь возможно дороже, онъ работалъ топоромъ съ дикой энергіей. Уже нѣсколько волковъ опрокинулось навзничь съ раскроенными черепами, а число ихъ, повидимому, не убывало, но, напротивъ, какъ будто, возрастало. Ожесточеніе хищниковъ росло съ каждой секундой. Видъ крови и отчаянное сопротивленіе жертвы довели ихъ до неистовства. Они бросались на ямщика со всѣхъ сторонъ съ безумною смѣлостью и, несмотря на наносимые имъ удары топоромъ, въ клочья рвали крѣпкую козью доху, добираясь до теплаго, трепещущаго мяса. Силы ямщика быстро ослабѣвали. Залитый кровью, искусанный, онъ махалъ топоромъ уже не съ прежнею быстротою. Уставшая рука работала уже

почти машинально и какъ-то безтолково. Мощь и вѣрность ударовъ исчезли... Приближался моментъ полнаго изнеможенія.

Волки словно чуяли это и становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Вотъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ могучій прыжокъ прямо на грудь ямщика и сбилъ его съ ногъ. Въ одно мгновеніе десятокъ другихъ хищниковъ вцѣпился ему въ лицо, шею, въ руки и ноги. Наступилъ послѣдній актъ ужасной борьбы. Жертва и разъярившіеся звѣри слились въ одну общую массу. Ямщикъ потерявъ сознаніе, уже не отбивался, но только хрипѣлъ и судорожно вздрагивалъ всѣмъ истерзаннымъ тѣломъ. Волки съ бѣшенствомъ рвали это тѣло въ клочья, ссорясь и споря изъ-за каждаго куска, изъ-за каждой капли горячей крови.

Тройка, между тѣмъ, все мчалась и мчалась, быстро приближаясь къ городу, привѣтливые огни котораго уже мелькали сквозь порѣдѣвшій лѣсъ...

V.

Въ небольшомъ деревянномъ особнячкѣ, стоящемъ на городской окраинѣ, кипитъ суетливая дѣятельность. Сквозь ярко освѣщенныя окна можно различить, какъ быстро мелькаютъ изъ комнаты въ комнату тѣни двухъ женщинъ, хлопотливо готовящихся къ какому-то торжеству. Посреди уютнаго зала стоитъ разукрашенная, но еще не зажженная, елка, вокругъ которой медленно похаживаетъ степеннаго вида мужчина съ большой окладистой бородой и добрыми, слегка смѣющимися, глазами. Судя по домашнему костюму полукупеческаго покроя, не трудно отгадать въ степенномъ мужчинѣ зажиточнаго хозяина особнячка, Петра Ивановича Хотина—мелкаго мѣхопромышленника, держащаго, однако, въ рукахъ всю городскую торговлю бѣличьими шкурками. Хотинъ, видимо, любуется блестящей елкой, на славу убранной не безъ его собственнаго дѣятельнаго

участія. Благодушно поглаживая бороду, онъ внимательно и съ явнымъ удовольствіемъ оглядываетъ разноцвѣтныя украшенія, красиво выдѣляющіяся на темной зелени пушистой хвои. Изрѣдка, его смѣющійся взоръ останавливается на всевозможныхъ подаркахъ, симметрично разставленныхъ подъ елкой. Вотъ онъ чего-то спохватился и сталъ звать жену:

— Маша, а Маша, поди сюда! А гдѣ гармоника, что́ я Ванюшѣ съ ярмарки привезъ? Не видать ее что-то...

— Тутъ она... Я нарочно въ зелень ее припрятала. Ужъ очень онъ музыку эту любитъ,—любовно проговорила, прибѣжавшая на зовъ, молодая, симпатичная женщина, одѣтая въ простое купеческое платье, по провинціальному. Немного помолчавъ, она вдругъ воскликнула съ неожиданной тревогой:

— Ахъ, скоро ли голубчикъ пріѣдетъ?.. Повѣришь ли, все сердце мое изболѣлось... Ужъ не случилось ли что съ нимъ въ дорогѣ?..

— Не каркай, Маша, понапрасну,—недовольнымъ тономъ перебилъ Хотинъ жену.—Нечего задарма пыть... Вся тварь въ такой праздникъ радоваться должна, а ты и подавно; вѣдь, почитай, годъ цѣлый сынишку не видала, а теперь онъ на побывку къ намъ ѣдетъ...

— Доѣдетъ ли, голубчикъ?—съ душевной тоской прошептала мать, глубоко вздохнувъ.

— Какъ не доѣхать—доѣдетъ... Вѣдь, не одинъ онъ ѣдетъ, а съ дядюшкой... Доѣдутъ съ Богомъ!..

Успокоительныя слова мужа, какъ будто, нѣсколько облегчили Хотину, и она опять побѣжала хлопотать по хозяйству, но вдругъ, остановившись въ дверяхъ, воскликнула:

— Чу, колокольцы звенятъ! Слышишь али нѣтъ?

— Ничего не слышу.

— Звенятъ, право звенятъ,—лихорадочно зашептала Хотина:—совсѣмъ близко... Побѣгу на крыльцо, да погляжу...

И она метнулась къ выходной двери.

— Накинь что-нибудь!—крикнулъ ей мужъ вслѣдъ и побѣжалъ за женином бѣличьей шубкой, ворча самъ подъ носъ:

— Совсѣмъ баба съ панталыку сбилась, словно полоумная стала... Вишь, въ одномъ платьѣ на морозъ побѣжала... Тьфу, прости Господи!

Хотинъ нагналъ жену уже на дворѣ у воротъ, и накинувъ ей на плечи шубу, продолжалъ ворчать:

— Ну, чего ты зря изъ горницы выбѣжала? Того и гляди, лихоманку схватишь. Пойдемъ обратно...

— Пустое говоришь ты,—запротестовала Хотина, пытливо поглядывая на дорогу, освѣщенную луной.— Не пойду я въ горницу, буду здѣсь поджидать... Слышишь, какъ колокольцы звенятъ?

— Теперь-то слышу, а допрежь ничего не слыхалъ... Сюды тройка скачетъ: звонъ гулче становится,—опредѣлилъ Петръ Ивановичъ, всматриваясь въ даль.—Навѣрное Семенъ Аоанасьичъ съ нашимъ парнишкой жалуетъ: вѣдь, время ужъ и прибыть имъ,—добавилъ онъ съ оживленіемъ.

Между тѣмъ, показавшаяся вдали тройка быстро приближалась, поощряемая безумными вскрикиваніями Коркина (это былъ онъ), стоявшаго за облучкомъ кошевы безъ шапки, въ разодранной шубѣ. Его длинные волосы развѣвались по воздуху; обледенѣлая, запорошенная снѣгомъ борода стояла торчкомъ, въ видѣ безобразнаго кома.

Спустя минуту, тройка вихремъ пронеслась мимо особнячка, едва не сбивъ съ ногъ Хотина, заоравшаго благимъ матомъ:

— Стой, стой!.. Семенъ Аоанасьичъ, одурѣлъ, что-ли?.. Стой, говорятъ!..

И Хотинъ бросился за кошевой, продолжая кричать во все горло:

„Стой, стой!..“

Коркинъ, распозна въ знакомый голосъ, сдержалъ

лошадей. Петръ Ивановичъ, нагнавъ тройку, вскочилъ въ кошеву и взявъ въ руки вожжи, круто повернулъ лошадей къ особнячку. Онъ чуялъ страшную бѣду. Не было уже никакихъ сомнѣній, что съ Ванюшей что то случилось, но что именно? У Хотина не хватило духу спросить шурина, безпомощно опустившагося на дно кошевы.

Повернувъ тройку, Петръ Ивановичъ увидѣлъ жену которая бѣжала, спотыкаясь, по дорогѣ. Поровнявшись съ кошевой, Хотина съ безумнымъ порывомъ бросилась къ Коркину и, ухватившись обѣими руками за его плечи, вдругъ застонала самымъ отчаяннымъ, жалостливымъ голосомъ:

— Братецъ, братецъ, гдѣ мой сынъ?..

Этотъ материнскій вопль произвелъ на Семена Аѳанасьева потрясающее дѣйствіе. Онъ вскочилъ на ноги и съ ужасомъ закричалъ, порываясь выскочить изъ кошевы:

— Волки, волки!..

Хотинъ во время поймалъ шурина за воротникъ шубы и сурово проговорилъ:

— Сиди смирно!.. Дома разскажешь какъ дѣло было... Маша, полѣзай въ кошеву и поѣдемъ домой елку зажигать... Наши дѣвочки, чай, ужъ скоро изъ церкви съ бабушкой пріѣдутъ...

Жена покорно, автоматически исполнила приказаніе мужа. Она, какъ-бы, разомъ одервянѣла. Съ застывшимъ, неподвижнымъ лицомъ усѣлась она на дно кошевы, рядомъ съ братомъ, опять впавшимъ въ прежнее оцѣпенѣніе. Она ничѣмъ не выражала своей страшной душевной и сердечной муки. Ни въ одной чертѣ ея бѣло-мраморнаго лица нельзя было подглядѣть нестерпимую горечь невыразимо-тяжкой, неожиданной утраты обожаемаго сына. Только широко-раскрытые глаза ея съ ужасомъ уставились въ согбенную фигуру брата, да блѣдныя губы беззвучно шептали, твердя одни и тѣ же слова, странныя и таинственныя:

— Я это знала, я это знала...

VI.

Хотинъ пустилъ тройку шагомъ, точно онъ старался оттянуть страшную исповѣдь шурина о гибели несчастнаго первенца. Его чуткое отцовское сердце чувствовало, что это будетъ именно исповѣдь. Онъ инстинктивно предугадывалъ, что произошло нѣчто особенное, нѣчто такое, что должно лечь на совѣсть шурина тяжкимъ бременемъ. Въ его возбужденномъ мозгу засѣлъ неразрѣшимый вопросъ:

„Почему шуринъ спасся, а Ванюша съ ямщикомъ растерзаны волками? Почему не всѣ погибли?..“

Онъ хорошо зналъ, что въ послѣднее время волки свирѣпствовали въ окрестностяхъ города съ рѣдкою безпощадностью, но еще ни разу не нападали на почтовыя тройки. Подобныя нападенія казались всегда невѣроятными всѣмъ, кому было извѣстно, какъ хищники боятся бойкаго перебоя колокольцовъ? И вдругъ, невѣроятное свершилось, да еще при такой таинственной обстановкѣ. . . . . .

„Почему онъ одинъ спасся?“ продолжалъ мучительно думать Хотинъ посматривая на шурина съ недоброжелательствомъ, все возраставшимъ до предѣла какой-то необъяснимой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неотразимой ненависти.

Это удивительное спасеніе представлялось въ воображеніи Петра Ивановича чѣмъ-то чудовищнымъ, какою-то вопіющею несправедливостью судьбы. Мысль объ этой несправедливости начала угнетать его все сильнѣй и сильнѣй. Сердце его ожесточалось и закипало укоромъ Провидѣнію. Смятенная ужаснымъ несчастіемъ душа терзалась мучительными сомнѣніями, доселѣ невѣдомыми и недоступными. Съ каждой секудной душевное смятеніе все увеличивалось и наконецъ излилось въ неудержимомъ протестующемъ воплѣ:

— За что, Господи, караешь!?..

— Петя, не богохульствуй,—съ необычайною строгостью проговорила Хотина, переводя свои глаза на мужа.

Въ этихъ глазахъ отражался уже не прежній ужасъ, а дивная покорность волѣ Божіей. Окаменѣвшее лицо оживилось, по зардѣвшимся щекамъ полились обильныя слезы.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ: Его святая воля! продолжала Хотина трепещущимъ голосомъ.—Ты самъ это давеча сказалъ, а теперь богохульствуешь... Не хорошо это, Петя, не хорошо... Не слѣдъ гнѣвить Господа, а то и остальныхъ дѣтокъ отниметъ... Пожалѣй ихъ, родимый!.. Сеня, а, Сеня,—обратилась она послѣ секунднаго молчанія къ брату:—полно и тебѣ убиваться... Вотъ мы и дома... Пойдемъ въ горницу!..

И она кротко взяла Семена Аѳанасьевича за руку. Тотъ вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго прикосновенія и вдругъ застоналъ:

— Прости, сестрица, прости... Ей-Богу, не я... не я... Прости меня, окаяннаго!..

— Богъ проститъ, Сеня,—просто проговорила Хотина, но слезы такъ и лились изъ ея глазъ.

— Да, Богъ проститъ, Семенъ Аѳанасьевичъ,—надорваннымъ голосомъ повторилъ Хотинъ, вылѣзая изъ кошевы и отворяя ворота, чтобы ввести измученную тройку во дворъ.

Онъ, какъ добрый хозяинъ, не хотѣлъ оставлять лошадей на морозѣ до тѣхъ поръ, пока удастся передать ихъ на почтовую станцію.

Сдавъ тройку на руки вызванному рабочему и сдѣлавъ необходимыя распоряженія, Хотинъ вошелъ въ комнаты, вслѣдъ за женой и шуриномъ. Молча приблизился онъ къ разукрашенной елкѣ, розыскалъ среди колючей хвои, гармонику, купленную для сына на ярмаркѣ, отобралъ и другіе, предназначенные ему, подарки и заперъ ихъ въ своей конторкѣ. Затѣмъ, съ прежнимъ суровымъ видомъ онъ подошелъ къ кіотѣ,

поправилъ фитиль у лампадки и пытливо взглянулъ на ликъ Спасителя, словно ожидая отъ Него отвѣта на свой нѣмой вопросъ. Вскорѣ онъ перевелъ глаза на распростертыхъ передъ образами жену и шурина и вдругъ почувствовалъ неотразимый, благоговѣйный трепетъ. Изъ его стѣсненной груди вырвался глубокій вздохъ. Что-то подступило къ самому горлу и прилило къ воспаленнымъ глазамъ. Колѣни его невольно согнулись, и онъ бросился ницъ, рядомъ съ женой, весь охваченный неизъяснимымъ молитвеннымъ порывомъ.

Попъ Симеонъ.

(Быль объ одномъ забытомъ подвигѣ).

I.

Не такъ давно, англійскій капитанъ Бойтонъ переплылъ Па-де-Кале въ гуттаперчевомъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія. Ради оригинальности, онъ поставилъ себѣ на грудь мачту съ небольшимъ парусомъ. Море было спокойно и сверкало на лѣтнемъ солнцѣ, словно гигантскій, отшлифованный, стальной листъ. Разстояніе между берегами не превышало сорока миль. Два парохода, переполненные избранной публикой, въ особенности дамами, провожали отважнаго пловца, готовые оказать ему быструю, своевременную помощь, если бы она понадобилась. Мужчины ободряли его энергичными криками; дамы воодушевляли своими прекрасными разгорѣвшимися глазками, внимательно слѣдившими за каждымъ движеніемъ храбраго, статнаго, ловкаго капитана... На французскомъ берегу Бойтона встрѣтили красивыя рыбачки и щедро усыпали цвѣтами всю дорогу, отъ морского прибрежья до гостинницы, гдѣ

капитанъ намѣревался переодѣться и позавтракать. Всѣ восхваляли необычайное мужество пловца: газеты прокричали о немъ, какъ о героѣ дня. Всюду, гдѣ бы ни показывался Бойтонъ въ первые дни послѣ подвига, ему устраивали овацiи, какъ коронованной особѣ...

Впрочемъ, я хочу разсказать вамъ отнюдь не о храбромъ, мужественномъ капитанѣ Бойтонѣ—о немъ уже достаточно писали въ журналахъ и газетахъ, какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ. Нѣтъ, я разскажу вамъ о смиренномъ, никому неизвѣстномъ, попѣ Симеонѣ, тоже пловцѣ, но пловцѣ другого закала, совершившимъ свой *скромный* подвигъ въ отдаленной глуши безъ театральной обстановки, безъ криковъ „ура“ и цвѣтовъ, даже безъ всякой мечты о какой либо наградѣ или благодарности...

Случилось это въ самое тревожное время для всей Россiи: въ разгаръ Турецкой войны, когда англичане, ошеломленные нашими военными успѣхами, начали также проявлять относительно насъ явно враждебныя намѣренiя. Со дня на день, мы ждали объявленiя войны со стороны гордой Великобританiи, испугавшейся предстоявшаго паденiя Константинополя, къ которому приближалась наша побѣдоносная армiя.

Неожиданно обострившiяся отношенiя Англiи къ Россiи поставили наши далекiя, восточныя окраины въ критическое положенiе. Нашъ аванпостъ на Великомъ океанѣ—Владивостокъ оказался совершенно беззащитнымъ. Суда Сибирской флотилiи, плохо снабженныя и вооруженныя, искали убѣжища въ Санъ-Франциско, чтобы избѣгнуть погрома отъ сильной англiйской эскадры, сосредоточившейся въ водахъ Тихаго океана. Весь крайнiй Востокъ былъ охваченъ паникой, вызванной полною беззащитностью. Мѣстныя власти, въ силу полученныхъ свыше инструкцiй, приступили къ энергичной постройкѣ вокругъ Владивостока кое-какихъ укрѣпленiй и въ то же время, не надѣясь на нихъ, спѣшили вывезти изъ порта, въ глушь ближайшихъ лѣсовъ, все казенное имущество,

провіантъ и т. п. запасы. Въ это тревожное время, всѣ мысли властей сосредоточились только на спасеніи нашего аванпоста отъ вражескаго нашествія. Въ общей суматохѣ совершенно забыли наши военные посты, разбросанные на побережьѣ и, въ особенности, на островѣ Сахалинѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ всего міра. Въ то время островъ еще не былъ соединенъ съ материкомъ посредствомъ телеграфнаго кабеля; почтовыхъ сообщеній также не имѣлъ, но пользовался только оказіями, т. е. случайно проходившими судами Сибирской флотиліи, на обязанность которыхъ было возложено снабженіе всѣхъ военныхъ постовъ, расположенныхъ на островѣ, необходимыми припасами. Мы уже упомянули, что Сибирская флотилія скрылась въ Санъ-Франциско, совершивъ блестящій переходъ чрезъ океанъ. Такимъ образомъ, громадный островъ остался брошеннымъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, въ виду его уже стали изрѣдка показываться англійскія военныя суда. Видимо, англичане намѣревались завладѣть Сахалиномъ тотчасъ по объявленіи войны Россіи, чтобы воспользоваться его богатыми угольными залежами...

Изъ сахалинскихъ прибрежныхъ пунктовъ особенно въ опасномъ положеніи оказался Корсаковскій постъ, находящійся въ заливѣ Анива, куда военныя суда Сибирской флотиліи не успѣли доставить, предъ уходомъ въ Санъ-Франциско, необходимый запасъ провизіи. Взамѣнъ послѣдней, власти, для очистки своей совѣсти, отправили въ Дуэ, расположенный на западномъ берегу Сахалина, 40,000 рублей и предложили начальнику поста передать эту сумму, при случаѣ, въ Аниву, для пріобрѣтенія кое-какихъ запасовъ, хотя бы рису, отъ японцевъ. Послѣдніе уже не разъ и прежде спасали Корсаковскій постъ отъ голодной смерти, помогали также и въ разгаръ Турецкой войны, но, при появленіи у Сахалина англійскихъ военныхъ судовъ, начали опасаться посылать свои джонки съ рисомъ, чтобы онѣ не были схвачены, какъ военные призы. Надо помнить,

что какъ сахалинцы, такъ и сосѣди-японцы находились въ полномъ невѣдѣніи относительно времени открытія враждебныхъ дѣйствій со стороны англичанъ, такъ какъ отсутствіе не только телеграфовъ, но даже и почты, не давало возможности получить своевременное извѣстіе объ объявленіи войны Англіей Россіи. Такимъ образомъ, снабженіе Корсаковскаго поста провизіей со стороны острова Іезо, расположеннаго почти въ ста верстахъ, стало крайне затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что у начальника поста не было денегъ для поощренія предпріимчивости японскихъ подрядчиковъ. Начальникъ поста написалъ тогда въ Хакодате русскому консулу о своемъ безвыходномъ положеніи, но письмо это, отправленное съ оказіей, на японской джонкѣ, дошло по адресу почти чрезъ мѣсяцъ. Русскій консулъ, въ свою очередь, сообщилъ о положеніи Корсаковскаго поста во Владивостокъ, но тамъ не могли помочь дѣлу, за уходомъ всѣхъ судовъ въ Санъ-Франциско. Такимъ образомъ, вся надежда оставалась только на японцевъ и русскаго консула. Послѣдній всѣми силами старался поощрить японцевъ къ снабженію Корсаковскаго поста необходимыми запасами и, дѣйствительно, помогъ ему пережить тревожное время. Между тѣмъ въ Дуэ находились въ совершенномъ невѣдѣніи, что творится въ Корсаковскомъ посту, и считали его положеніе безнадежнымъ, если не доставить туда присланныхъ денегъ. Съ этого момента и начинается нашъ разсказъ о „скромномъ“ подвигѣ попа Симеона.

Глубокая, холодная осень. Лазурь неба давно уже скрыта тяжелыми, свинцовыми облаками, быстро несущимися надъ мрачнымъ и пустыннымъ Японскимъ моремъ. Море кипитъ и бушуетъ. Волна за волной, подгоняемыя пронизывающимъ, холоднымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, неудержимо стремятся куда-то вдаль, завернувъ впередъ пѣнистые, грозные гребни. Море,

оживленное непогодой, реветъ и стонетъ. Могучій вѣтеръ вдунулъ въ него несокрушимую, страшную, необузданную жизнь и превратилъ его въ тысячеглавую, стихійную гидру. Грозно ползетъ это чудовище на скалистое, неровное прибрежье Сахалина, словно хочетъ поглатить громады камней, нагроможденныя на дорогѣ. Съ яростнымъ ревомъ ударяютъ волны въ крѣпкую грудь отвѣснаго берега, будто силясь разбить ее; бѣшено вскидываются онѣ вверхъ на огромную высоту и, обрушившись съ грохотомъ внизъ, отпрядываютъ назадъ съ какою-то стихійною злобою. Отброшенныя волны сталкиваются съ прибывающими вновь, дружно бѣгущими, какъ грозная рать, на отчаянный приступъ мрачнаго острова; накопляясь новыми, ужасающими громадами, волны опять яростно хлещутъ въ отвѣсныя скалы, потрясая ихъ основаніе и обдавая до вершинъ серебряною пылью. Шумитъ и бѣснуется могучій прибой по всему безлюдному берегу Сахалина. Слышатся то стоны, то ропотъ, будто плачется предъ небесами необъятное, вскипѣвшее море, за разбитыя грезы и надежды. Ежеминутно раздаются глухіе громовые удары, точно гдѣ-то вдали, подъ землею, гремятъ могучіе залпы орудій; это бьютъ волны въ глубокія пещеры и гроты, созданные, въ скалистомъ прибрежьѣ, неутомимымъ, вѣчно бушующимъ моремъ. Могучее эхо вторитъ грозному шуму прибоя короткими, надрывающими душу, отзвуками, будто гдѣ-то, въ непроницаемой и непроглядной чащѣ, безнадежно вскрикиваетъ затерявшійся путникъ...

Среди вскипѣвшаго моря, островъ Сахалинъ тянется длинною, мрачною полосою, вздымаясь почти отвѣсной стѣной надъ пѣнящимся прибоемъ. Хлопья снѣга лежатъ, въ видѣ причудливыхъ шапокъ, на вершинахъ отдѣльныхъ скалъ и кекуръ, придавая общей картинѣ необыкновенно суровый колоритъ. Таинственный, дѣвственный лѣсъ раскинулся почти по всему острову, покрывая щетинистою одеждой всѣ склоны и вершины

малоизвѣданныхъ холмовъ; безмолвный и мрачный, онъ угнетаетъ своею безжизненностью: ни звука, ни шороха... Все будто вымерло въ его необъятныхъ трущобахъ или притихло подъ гнетомъ быстро наступающей, суровой зимы. Первый снѣгъ уже легъ тяжелыми хлопьями на темныя, непроницаемыя ели, прикрылъ фантастическими, пышными шапками стройныя и вмѣстѣ съ тѣмъ величественныя сосны, развѣсился прихотливыми кружевами на оголенныхъ березахъ, печально простирающихъ къ небу тонкія, граціозныя вѣтви. Первый снѣгъ уже накрылъ, словно саваномъ, низины и тундры, совершенно засыпалъ узкія, звѣриныя тропы, заглушилъ собою каждый, едва доступный, клочокъ земли, еще не скованной морозомъ. Снѣгъ легъ пышнымъ ковромъ вдоль рокочущихъ ручьевъ и ручейковъ, несущихъ свинцовыя, быстрыя воды въ потемнѣвшее, грозное море; онъ засыпалъ одинокія юрты инородцевъ, разбросанныя на необъятномъ просторѣ обширнаго острова, точно оазисы среди безграничной Сахары; снѣгъ, наконецъ, еще болѣе омертвилъ и безъ того безжизненный постъ Дуэ, расположенный на западномъ берегу Сахалина, въ центрѣ каторжной колонизаціи острова. Непривѣтливыя, деревянныя постройки поста разбросаны въ безпорядкѣ. Мрачныя казармы каторжныхъ, съ толстыми, желѣзными рѣшетками въ небольшихъ окнахъ, тянутся болѣе правильными линіями, нѣсколько въ сторонѣ отъ зданій мѣстнаго военнаго и гражданскаго управленія, казармъ квартирующей здѣсь роты солдатъ, невзрачныхъ хижинъ мелкихъ служащихъ, а также чистенькихъ, привѣтливыхъ домиковъ людей наживы—разныхъ торговцевъ всевозможными товарами, но преимущественно спиртомъ, имѣющимъ на островѣ наибольшій и выгоднѣйшій сбытъ. Благодаря навязчивой услугѣ этихъ хищниковъ-купцовъ, безстыдно спаивается инородческое населеніе Сахалина, готовое промѣнять на соблазнительный, жгучій спиртъ всю годовую свою добычу: лѣтнюю—рыбную, и зимнюю—пушную. На ряду съ

инородцами, спаиваются и каторжные, ухитряющіеся пріобрѣтать спиртъ, несмотря на самый строгій надзоръ со стороны начальства, вопреки всѣмъ распоряженіямъ мѣстныхъ властей. Вмѣстѣ съ каторжными, напиваются и солдаты, видящіе въ крѣпкихъ напиткахъ наслажденіе среди крайне однообразной, до-нельзя скучной и тревожной жизни на безлюдномъ, каторжномъ островѣ...

II.

Солнце прятавшееся цѣлый день за нависшими, свинцовыми облаками, уже исчезло за горизонтомъ. Всюду легли темныя тѣни быстро наступившаго осенняго вечера. Пронизывающій, сѣверозападный вѣтеръ жалобно воетъ и мечется, точно не находя простора среди невзрачныхъ построекъ заброшеннаго поста. Бѣшено крутится онъ подъ окнами, неистово потрясая закрытые ставни и силясь пробраться въ жарко натопленныя комнаты. Злобно свиститъ вѣтеръ во всѣхъ едва замѣтныхъ, щеляхъ, стонетъ въ трубахъ и гулко проносится по пустымъ чердакамъ, встряхивая по пути порожними кадушками, бочками и ящиками. Чрезъ мгновеннье, какъ будто недовольный только что сдѣланнымъ бѣглымъ осмотромъ пустыхъ чердачныхъ помѣщеній, вихрь съ воемъ выносится опять на просторъ и мчится къ чернѣющему вдали лѣсу, подхватывая по дорогѣ засохшіе листья и неся ихъ куда-то вдаль, въ непроглядную тьму ближайшей тайги... Постъ словно вымеръ; всюду господствуетъ мертвая тишина; на единственной улицѣ—ни души. Только часовые бодро шагаютъ вокругъ каторожныхъ казармъ, чутко прислушиваясь къ каждому подозрительному шороху, зорко всматриваясь въ едва проницаемый мракъ осенняго вечера. Изрѣдка слышится, среди воя непогоды, ихъ протяжный, взаимно ободряющій и призывающій къ бдительности, окрикъ: „Слушай!.." „Слушай!.." Этотъ

окрикъ, перехватываемый въ теченіе нѣкотораго времени всѣми часовыми, наконецъ замираетъ гдѣ-то вдали, словно унесенный въ тайгу налетѣвшимъ буйнымъ вихремъ...

Почти все населеніе поста уже спитъ, стараясь сномъ скоротать длинный, убійственно скучный, осенній вечеръ и, слѣдующую за нимъ, не менѣе длинную ночь. Только въ окнахъ постоваго управленія чуть мерцаетъ привѣтливый огонекъ... Тамъ еще бодрствуютъ: обсуждаютъ чрезвычайно важный, не терпящій отлагательства вопросъ о томъ, какъ снабдить присланными изъ Николаевска деньгами батальонъ, расположенный въ южной части обширнаго Сахалина—въ заливѣ Анива. Въ присутственной комнатѣ, вокругъ самодѣльнаго, четыреугольнаго стола, накрытаго сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, испачканнымъ до неузнаваемости чернилами, сидѣли трое: начальникъ поста, старенькій, сильно сутоловатый маіоръ Аникинъ, его помощникъ поручикъ Орловъ и дѣлопроизводитель управленія титулярный совѣтникъ Крышевъ. Небольшіе, вѣчно бѣгающіе глаза маіора глядѣли строго и проницательно; его кругленькое, лоснящееся лицо, обрамленное сѣдыми баками николаевскихъ временъ, носило на себѣ печать добродушнаго довольства своей персоной, занимающей важный служебный постъ, средній между губернаторомъ и главнымъ смотрителемъ каторжныхъ тюремъ. Поручикъ Орловъ, испитой, неряшливый, уже давно предавшій забвенію всѣ свои человѣческія достоинства, представлялъ разительный контрастъ своему солидному, всегда съ иголочки одѣтому, начальнику. Постоянно пьяный, съ посоловѣвшими, глупыми глазами, Орловъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе. Подобострастный, трусливый съ высшими, онъ былъ до-нельзя наглъ съ каждымъ, кто стоялъ хотя ступенью ниже его. Въ отношеніи подчиненныхъ, солдатъ и каторжныхъ, Орловъ былъ хищнымъ звѣремъ; онъ находилъ необычайное наслажденіе

истязать тѣхъ и другихъ, при каждомъ представлявшемся случаѣ. За свою изумительную жестокость, поручикъ носилъ среди каторжныхъ характерную кличку „людоѣдъ“... Дѣйствительно, если бы дали Орлову волю, то онъ навѣрное запоролъ бы до смерти всѣхъ... даже, пожалуй, своего друга и собутыльника, чиновника Крышева, сухого, какъ щепка, и длиннаго, какъ верстовой столбъ. Крючковатый красный носъ, подъ которымъ торчала, вмѣсто усовъ, какая-то грязная, засыпанная нюхательнымъ табакомъ, щетина, придавала дѣлопроизводителю видъ хищной птицы, собирающейся клюнуть падаль. Изъ подъ его нависшихъ, сѣдыхъ бровей злобно глядѣли зеленоватые, хитрые глаза, безпокойно бѣгавшіе съ предмета на предметъ, будто Крышевъ отыскивалъ жертву для своего алчнаго крючкотворства. Выдающійся кляузникъ и наушникъ, Крышевъ очень напоминалъ подъячихъ былыхъ временъ. Онъ говорилъ всегда съ разстановкой, обдумывая каждое слово и бойко забрасывая собесѣдниковъ всевозможными параграфами, статьями, пунктами многочисленныхъ законоположеній, а также изумительными подчасъ разъясненіями разныхъ высшихъ инстанцій, выкопанными Богъ вѣсть изъ какихъ сводовъ, документовъ и архивовъ. Въ силу этого, яко-бы необъятнаго знакомства съ законами, а также любви къ кляузничеству и сутяжничеству, Крышевъ считался на Сахалинѣ чрезвычайно опаснымъ человѣкомъ, который, будто бы, можетъ подвести каждое дѣяніе подъ извѣстную уголовную статью и пунктъ, состряпать длинный доносъ, отослать его куда слѣдуетъ и обрушить затѣмъ на головы совершенно неповинныхъ людей громы начальства и зоркаго правосудія. Всѣ ненавидѣли Крышева и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись, опасаясь навлечь на себя его непріязнь, за которою всегда слѣдовала какая нибудь выдающаяся кляуза или доносъ. Маіоръ Аникинъ былъ единственнымъ здѣсь человѣкомъ, который не особенно опасался Крышева—и то только въ

силу крѣпкаго убѣжденія, что служебная его дѣятельность безукоризненно непорочна и не омрачена, за цѣлый почти полувѣкъ службы, ни единымъ, болѣе или менѣе, грязнымъ поступкомъ. Это глубокое сознаніе своего высокаго нравственнаго превосходства ставило почтеннаго старика-служаку, въ отношеніи Крышева, въ весьма выгодныя условія. Кляузникъ-дѣлопроизводитель хорошо это сознавалъ и не безпокоилъ пока маіора безполезными на него доносами, хотя и ловилъ моментъ повредить ему при случаѣ, повредить прсто въ силу своей злой привычки подкладывать „свинки“ всѣмъ безъ разбору, какъ выражаются сибиряки...

III.

Итакъ, въ управленіи рѣшался вопрóсъ о доставкѣ денегъ въ Корсаковскій постъ, вопросъ, повидимому пустой, но, на самомъ дѣлѣ, казавшійся неразрѣшимымъ для представителей дуйской администраціи.

— Шутка-ли!.. Вѣдь сорокъ тысячъ рублей переслать надо!.. съ отчаяніемъ говорилъ чуть-ли не въ десятый разъ маіоръ Аникинъ, стараясь придумать что-либо путное.

— Да-съ, Иванъ Петровичъ, деньги не малыя, пробасилъ поручикъ Орловъ, глубокомысленно всматриваясь въ закоптѣвшее стекло кривой лампы, точно требуя отъ него вдохновенія для разрѣшенія трудной задачи.

— По точному смыслу статьи 125 и примѣчанія къ параграфу 47 хозяйственнаго устава, деньги эти должны остаться на храненіи въ денежномъ ящикѣ управленія, впредь до первой оказіи, выпалилъ безъ передышки Крышевъ, нервно потирая свой крючковатый носъ.

— Полноте, батенька, бросьте теперь свои статьи и параграфы, началъ Иванъ Петровичъ добродушно урезонивать дѣлопроизводителя.—Надо деньги доставить во что́ бы то ни стало: въ противномъ случаѣ,

батальонъ погибнетъ, погибнетъ позорно, не на полѣ брани, а отъ голоду... Понимаете-ли теперь, что деньги необходимо доставить немедленно!?..

— Надо доставить, опять согласился поручикъ Орловъ совершенно безучастно.

— Я самъ знаю, что надо доставить, но съ кѣмъ, какъ!? началъ горячиться добродушный старикъ.—Подумайте хорошенько—до Корсаковскаго поста около семисотъ верстъ... Зима на носу... Всѣ тропинки засыпаны уже непроходимымъ снѣгомъ... Медвѣди бродятъ по тайгѣ десятками... Кто возьмется, при такихъ условіяхъ, доставить деньги!?.. Вы, что-ли?..

— Нѣтъ-съ, избавьте, пробасилъ поручикъ Орловъ, оторвавшись наконецъ отъ лампы.—Я еще жить хочу, а это... на вѣрную смерть итти...

— Придется обождать какое-нибудь военное судно, вставилъ свое слово дѣлопроизводитель.

— Судно!?.. какое!? удивился Иванъ Петровичъ.—Развѣ вамъ неизвѣстно, что всѣ суда Сибирской флотиліи ушли, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій съ англичанами, Богъ вѣсть куда... Мы, здѣсь, брошены на произволъ судьбы—сами должны обо всемъ позаботиться и о товарищахъ подумать... съ отчаяніемъ повторилъ маіоръ, не видя никакого исхода изъ затруднительнаго положенія и горя въ то-же время искреннимъ желаніемъ помочь бѣдствующему гарнизону Корсаковскаго поста.

Но тутъ въ коридорѣ скрипнули половицы, дверь распахнулась и „въ присутствіе“ вошелъ саженнаго роста священникъ въ темномъ, шерстяномъ, сильно потертомъ, подрясникѣ, плотно облегавшемъ атлетическія плечи и могучіе, сильно выпуклые мускулы громадныхъ рукъ. Большая, львиная голова священника крѣпко сидѣла на короткой, жилистой шеѣ. Смуглое лицо его, обрамленное густою бородкою, дышало несокрушимою отвагою, желѣзною энергіею и непреклонною волею. Сѣрые, проницательные глаза, раздѣленные

крупнымъ орлинымъ носомъ, глядѣли ясно и спокойно, придавая типичной физіономіи священника необыкновенно привлекательное, чарующее выраженіе, преисполненное величаваго добродушія и въ то-же время какого-то горделиваго сознанія нравственной чистоты... Это былъ извѣстный всему Сахалину попъ Симеонъ, самоотверженный и смѣлый миссіонеръ, всецѣло отдавшійся святому и трудному дѣлу христіанскаго просвѣщенія, энергично разносимаго имъ по всему необъятному острову. Это былъ безукоризненно честный, неукротимо отважный поборникъ Христа, совершавшій свои удивительные миссіонерскіе подвиги въ глуши каторжнаго Сахалина, твердо, спокойно, настойчиво, безъ театральной обстановки и безъ желанія обратить на себя чье-либо вниманіе. Попъ Симеонъ не кичился своими выдающимися подвигами и находилъ ихъ вполнѣ естественными, какъ-бы исходящими изъ нравственной силы каждаго человѣка. Вѣчный труженикъ, онъ жаждалъ этихъ подвиговъ, какъ необходимой пищи для своей возвышенной души и громадной энергіи, избытокъ которой онъ былъ готовъ отдать на всякое честное, смѣлое дѣло, хотя бы оно даже не относилось къ его прямой миссіонерской дѣятельности.

Въ данномъ случаѣ, попъ Симеонъ напоминалъ древнихъ русскихъ богатырей, опредѣленно не знавшихъ на какое честное дѣло пожертвовать избытокъ своей силы и отваги, и бродившихъ по бѣлу свѣту только ради всевозможныхъ случайныхъ подвиговъ, въ которыхъ можно было бы лишь найти полное удовлетвореніе своему богатырству. Попъ Симеонъ, по своей рѣдкой скромности и выдающейся нравственной чистотѣ, никогда не сознавалъ всего величія подвиговъ, совершаемыхъ имъ въ невѣдомой глуши. Это былъ необыкновенный человѣкъ высокаго призванія, забывшій „міръ“ ради невѣжественныхъ инородцевъ и, погрязшихъ въ преступленіяхъ каторжниковъ. Попъ Симеонъ жаждалъ только одного: просвѣтить первыхъ и возвратить вто-

рымъ ихъ человѣческое достоинство, нравственную чистоту, совѣсть и, въ то-же время, вѣру въ благость и милосердіе Божіе. Всегда одинъ, совершенно безоружный, съ небольшой котомкой за плечами и съ посохомъ въ рукѣ, онъ бродилъ по мрачному Сахалину, отъ одной юрты инородцевъ къ другой, дѣлая ежегодно по тайгѣ, пѣшкомъ, по тысячѣ слишкомъ верстъ, не страшась ни хищныхъ звѣрей, ни бѣглыхъ каторжныхъ, ни непогоды. Онъ зналъ островъ, какъ свои пять пальцевъ; ему были извѣстны: каждая звѣриная тропа, каждая юрта инородцевъ и каждый, самый ничтожный ручеекъ; онъ чувствовалъ себя въ глухой тайгѣ какъ дома, прекрасно освоившись съ ея капризами, опасностями и природой... Нравственное вліяніе попа Симеона на каторжныхъ было неотразимо. Преступники любили и уважали его за привѣтливое и всегда теплое обращеніе, за рѣдкое вниманіе и заботливость объ ихъ физическихъ и нравственныхъ нуждахъ; въ то-же время, они преклонялись, какъ грубыя натуры, предъ его непомѣрною силою и богатырскимъ тѣлосложеніемъ. Каторжные признавали въ немъ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ необычайнаго и всегда съ удивленіемъ глядѣли, съ какою легкостью перебрасывалъ онъ иногда громаднѣйшія бревна и балки, какъ, почти шутя, носилъ на широкихъ плечахъ по два куля муки, лично поощряя „несчастныхъ“ разгружать судно, привезшее хлѣбъ. Показывая каторжнымъ примѣръ непрерывной дѣятельности и любви къ труду, попъ Симеонъ никогда не забывалъ своего прямого миссіонерскаго дѣла: крестилъ новообращенныхъ, наставлялъ и укрѣплялъ въ новой вѣрѣ уже присоединившихся къ лону православной церкви, совершалъ необходимыя церковныя требы. Мало того, будучи знакомъ съ практическою медициною, онъ лѣчилъ больныхъ и прививалъ оспу, удивляя всѣхъ своею высокочеловѣколюбивою дѣятельностью. Попъ Симеонъ не зналъ устали; никто не видѣлъ его отдыхающимъ. Это былъ рѣдкій типъ замѣчательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ

скромнаго дѣятеля на далекомъ востокѣ, всецѣло преданнаго святому дѣлу, во имя широкой христіанской любви и помощи...

IV.

— Честной компаніи низко кланяюсь, проговорилъ миссіонеръ, перекрестившись предъ образомъ и подходя затѣмъ къ столу.

— Здравствуй, отецъ Симеонъ, здравствуй!.. Какъ живешь-можешь? радушно привѣтствовалъ неожиданнаго гостя маіоръ.

Крышевъ только крякнулъ, какъ-то съежился и угрюмо скосилъ глаза куда-то въ сторону. Онъ очень недолюбливалъ миссіонера за его рѣзкую правдивость и постоянное бичеваніе всякихъ кляузничествъ и доносовъ. Отношенія между нимъ и попомъ Симеономъ были крайне натянутыя, хотя не дошли еще до явнаго разрыва, благодаря только тому, что почтенный миссіонеръ не обращалъ вниманія на злобную антипатію кляузника-дѣлопроизводителя и всегда стоялъ выше его мелкой ненависти и грязныхъ дрязгъ.

Какъ будто не замѣчая непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго его неожиданнымъ приходомъ на желчнаго Крышева, попъ Симеонъ, пожавъ руки маіору и поручику, подошелъ къ насупившемуся чиновнику, видимо избѣгавшему добрыхъ сношеній съ миссіонеромъ.

— Здравствуйте, батенька, Александръ Ильичъ, проговорилъ онъ просто и дружески, протягивая мозолистую руку.

Крышевъ сердито крякнулъ, вскинулъ хитрые, злые глаза на миссіонера, но, встрѣтивъ его ясный, спокойный взглядъ, тотчасъ-же скосилъ ихъ въ темный уголъ комнаты.

— Я для вашего преподобія не батенька, а кавалеръ Святаго Станислава третьей степени и титулярный совѣтникъ, грубо оборвалъ онъ, не подавая руки и нервно

заерзавъ на стулѣ, точно угорь предъ раскаленными угольями.

Попъ Симеонъ хладнокровно спряталъ за подрясникъ протянутую было руку и опустился на ближайшій стулъ, неловко подогнувъ подъ него свои громадныя ноги, обутыя въ грубые сапожища, сшитые имъ самимъ изъ нерпичьей кожи, крѣпкой и непромокаемой.

— Я къ вамъ, Иванъ Петровичъ, обратился онъ къ маіору послѣ непродолжительнаго, неловкаго молчанія.

— Къ вашимъ услугамъ, батюшка, любезно проговорилъ Аникинъ.

— Я только что вернулся въ постъ, началъ попъ Симеонъ издалека объяснять неожиданный свой приходъ въ присутственное мѣсто, въ моментъ наиболѣе торжественнаго и важнаго засѣданія. — Ходилъ къ проливу Невельскаго — тамъ у гиляка Като дѣти разболѣлись, такъ просилъ притти—полѣчить...

— Вотъ охота-то со всякою сволочью возиться, брезгливо проворчалъ поручикъ Орловъ.

— Своего рода сподвижнество! ехидно прошипѣлъ Крышевъ, заерзавъ опять на стулѣ.

Миссіонеръ окинулъ поручика и дѣлопроизводителя яснымъ, спокойнымъ взглядомъ и хладнокровно продолжалъ:

— Услыхалъ я, что въ Анивѣ батальонъ бѣдствуетъ... Деньги какія-то надо переслать туда, да оказіи подходящей нѣтъ...

— Совершенно справедливо, отецъ Симеонъ, обрадовался маіоръ, охваченный предчувствіемъ, что миссіонеръ навѣрное быстро разрѣшитъ головоломный вопросъ о доставкѣ въ Корсаковскій постъ сорока тысячъ рублей.—Посовѣтуйте, что дѣлать?

— Давайте деньги—я ихъ доставлю, просто проговорилъ попъ Симеонъ.

— Возможно-ли это!? съ невольнымъ сомнѣніемъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Да-съ, невозможно-съ, злобно прошипѣлъ Крышевъ.— На основаніи статей...

— Позвольте, Александръ Ильичъ, тутъ надо серьезный вопросъ разрѣшить, а вы только путаете...

— Статья 152 хозяйственнаго устава разрѣшаетъ членамъ хозяйственнаго комитета высказывать свои мнѣнія, а слѣдующая статья воспрещаетъ предсѣдателю оказывать какое-либо давленіе на эти мнѣнія, скороговоркой отчеканилъ Крышевъ, злобно насупившись.

Старикъ-маіоръ опѣшилъ было отъ новаго ряда указанныхъ дѣлопроизводителемъ статей, но тотчасъ же овладѣлъ собою и сдержанно проговорилъ:

— Хорошо-съ, извольте высказать свое мнѣніе... Въ Корсаковскомъ посту нуждаются въ деньгахъ... Необходимо ихъ доставить—въ противномъ случаѣ, батальонъ погибнетъ съ голоду... Ваше мнѣніе?..

— Деньги надо оставить до первой оказіи и отправить ихъ, когда представится возможность, съ надлежащимъ конвоемъ, на основаніи...

— А батальонъ пускай погибаетъ? перебилъ маіоръ, начиная опять терять терпѣніе.

— Пускай погибаетъ... на законномъ основаніи, хладнокровно вставилъ свое слово миссіонеръ.

— На основаніи 154 статьи хозяйственнаго устава, постороннія лица не имѣютъ права не токмо принимать участіе, но даже присутствовать при засѣданіяхъ хозяйственнаго комитета и прочихъ военныхъ собраній и совѣтовъ, еще разъ отчеканилъ Крышевъ, окидывая попа Симеона злобнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующимъ взглядомъ: „вотъ, молъ, какъ тебя отдѣлалъ!...“

— Отъ этихъ статей и параграфовъ съ ума сойти можно!.. Толку въ нихъ не добьешься! съ отчаяніемъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ и глубоко вздохнулъ.

— Ваше мнѣніе? обратился онъ, послѣ краткой паузы, къ поручику Орлову.

— Я во всемъ согласенъ съ почтеннымъ Александромъ Ильичемъ, пробасилъ поручикъ, нетерпѣливо по-

глядывая посоловѣвшими глазами на стоявшій въ углу шкапъ „съ дѣлами“, въ которомъ, среди оффиціальныхъ документовъ, всегда хранилась четверть водки, пріобрѣтаемая вскладчину имъ и Крышевымъ.

— Я не согласенъ съ мнѣніемъ комитета, твердо проговорилъ маіоръ,—и, въ силу дарованной мнѣ Высочайшей власти, поступлю такъ, какъ указываютъ мнѣ честь и совѣсть... Отецъ Симеонъ, обратился онъ затѣмъ къ миссіонеру,—извольте высказать, какимъ способомъ вы намѣрены доставить въ Корсаковскій постъ присланныя батальону сорокъ тысячъ рублей... Берегомъ это сдѣлать нельзя... Всѣ тропы уже засыпаны снѣгомъ—дороги нѣтъ...

— Пойду моремъ, просто сказалъ попъ Симеонъ,

— Ступай, попина, ступай на дно раковъ ловить! проворчалъ поручикъ Орловъ.

— Денежки только выдай ему, такъ онъ лататы задастъ, злобно прошепталъ Крышевъ на ухо своему другу.

— Я согласенъ, энергично проговорилъ Иванъ Петровичъ, послѣ небольшаго раздумья.—Примите отъ меня деньги и сохрани васъ Господь... Исполните великое христіанское дѣло—спасите баталіонъ!

— Позвольте-съ, я долженъ еще указать на статьи Уложенія о наказаніяхъ, по которымъ начальникъ, довѣрившій казенныя суммы частному лицу... началъ было свое словоизверженіе Крышевъ, но тотчасъ же смолкъ, поразившись неожиданно грознымъ видомъ маіора.

— Молчать-съ, приказываю вамъ молчать-съ! крикнулъ выведенный изъ терпѣнія Иванъ Петровичъ, сильно стукнувъ кулакомъ объ столъ. — Я-съ—начальникъ!.. Я-съ отвѣчаю за свои распоряженія предъ Государемъ Императоромъ, и вамъ не позволю указывать на статьи Уложенія о наказаніяхъ?.. Вы-съ—подчиненный!.. Это не ваше дѣло! А я-съ готовъ нести всякую кару, чтобы только спасти баталіонъ... Пускай судятъ-съ, если я поступилъ неправильно!.. Отецъ Симеонъ, обратился

маіоръ торжественно къ миссіонеру,—завтра же утромъ примите отъ меня деньги и отправляйтесь въ опасный путь съ Богомъ... Отдаю въ ваше распоряженіе все, что имѣю. Распоряжайтесь по усмотрѣнію... А теперь, объявляю засѣданіе комитета закрытымъ, добавилъ старикъ и величественно вышелъ изъ комнаты, сопровождаемый почтеннымъ миссіонеромъ.

— Наплачетесь у меня изъ-за этихъ денегъ, ехидно зашипѣлъ Крышевъ, злобно грозя кулакомъ по направленію только что захлопнувшейся двери.—Я васъ упеку туда, куда Макаръ и телятъ не гонялъ... Я васъ въ тартарары сброшу... Проклятый попишка!.. Полоумный старикашка... вишь, какой прыткій!.. Въ силу Высочайше дарованной мнѣ власти, поступлю такъ, какъ укажетъ мнѣ честь и совѣсть, передразнилъ дѣлопроизводитель своего начальника.—Я тебѣ покажу эту силу... Не обрадуешься, какъ привлеку подъ отвѣтственность за небрежное храненіе казенныхъ суммъ...

V.

Попъ Симеонъ всталъ на другой день за часъ до восхода солнца и тотчасъ же пошелъ въ ближайшую каторжную казарму, къ своимъ заблудшимъ овцамъ. Арестанты только что поднялись съ грязныхъ наръ и свертывали свои жесткіе, засаленные тюфяки, извѣстные больше подъ характеристическимъ названіемъ „блиновъ“. Въ казармѣ, едва освѣщенной чадными ночниками, господствовало дикое оживленіе. Въ воздухѣ гудѣли сотни хриплыхъ голосовъ, словно силившихся перекричать одинъ другой. Едва продравши глаза, арестанты, по обыкновенію, уже спорили и переругивались. Въ одномъ углу даже шла безобразная свалка: гремѣли кандалы, слышались звонкія пощечины и глухіе удары кулаковъ, раздавались дикія вскрикиванія обозлившихся буяновъ... Никто не обращалъ вниманія на завязавшуюся драку: каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, своими

утренними дрязгами и „впечатлѣніями“... Даже часовые, поставленные въ коридорахъ, безучастно глядѣли на драчуновъ чрезъ небольшія, рѣшетчатыя окна, прорѣзанныя въ крѣпкихъ дверяхъ: они сознавали свое полное безсиліе возстановить среди каторжныхъ должный порядокъ и тишину...

Попъ Симеонъ, имѣя свободный и постоянный доступъ къ арестантамъ, безъ задержки миновалъ грязный, длинный коридоръ и подошелъ къ дверямъ камеры, охраняемымъ часовымъ. Загремѣлъ засовъ; дверь распахнулась, и въ коридоръ хлынули клубы парного, застоявшагося за ночь, воздуха. Миссіонеръ смѣло переступилъ порогъ и вошелъ въ казарму.

— Батюшка пришелъ, батюшка пришелъ, послышался сдержанный говоръ.

Вѣсть о неожиданномъ приходѣ миссіонера разнеслась по громадной казармѣ съ быстротою молніи. Арестанты разомъ стихли, забывъ только что разгорѣвшуюся драку, взаимное озлобленіе и дикую, непристойную ругань.

— Здравствуйте, дѣтки! звучнымъ голосомъ привѣтствовалъ попъ Симеонъ затихшихъ и присмирѣвшихъ каторжныхъ.

— Здравія желаемъ, батюшка! раздался дружный, единодушный отвѣтъ, и арестанты не замедлили окружить любимаго миссіонера плотнымъ кольцомъ.

— Я зашелъ къ вамъ съ важнымъ, неотложнымъ дѣломъ, объяснилъ попъ Симеонъ свой неожиданный приходъ въ казарму.—Помогите, дѣтки!

— Поможемъ, батюшка, поможемъ, если въ нашихъ силахъ... зашумѣли каторжные, съ любопытствомъ сплочиваясь вокругъ миссіонера.

— Слушайте, дѣтки! началъ послѣдній тѣмъ же звучнымъ голосомъ, отчетливо раздавшимся во всѣхъ углахъ обширной казармы.—Въ Корсаковскомъ посту батальонъ съ голоду помираетъ... Я взялся доставить туда деньги для продовольствія... Кто изъ васъ пойдетъ

со мной моремъ?.. Кто поможетъ мнѣ совершить христіанское дѣло спасти сотни людей отъ тяжелой смерти?..

— Я, я, я! раздались энергичные крики, и арестанты еще плотнѣе сдвинулись вокругъ обожаемаго миссіонера.

— Спасибо, дѣтки!—поблагодарилъ попъ Симеонъ задушевнымъ голосомъ.—Спасибо вамъ!.. Вижу, что всѣ охотно желаютъ помочь несчастнымъ и раздѣлить со мной сугубыя опасности дальняго пути по морю, въ осеннее время... Жалѣю что не могу всѣхъ взять... Мнѣ нужно только пять человѣкъ... Бросьте живо жребій, а о счастливцахъ я доложу маіору.

— Слушаемъ, батюшка! дружно отвѣтили каторжные и тотчасъ же начали группироваться вокругъ своихъ артельныхъ старостъ.

Попъ Симеонъ присѣлъ на ближайшія нары и сталъ терпѣливо ожидать результата выборовъ... Черезъ полчаса толпа каторжныхъ хлынула опять къ миссіонеру. Впереди шелъ казарменный выборный староста, сѣдой, но бодрый еще старикъ, сосланный въ безсрочную каторгу за разбойничество и затѣмъ двукратный побѣгъ съ мѣста заключенія.

— Выбраны, батюшка: Наумовъ, Стручковъ, Головлевъ, Вахрушевъ и Багажевъ, доложилъ староста, низко кланяясь.—Эй, молодцы, выходите впередъ! обратился онъ къ сплотившейся стѣнѣ каторжныхъ.

Изъ толпы вышли пять арестантовъ, пять наиболѣе отчаянныхъ головъ, сосланныхъ въ каторгу преимущественно за разбойничество и убійство, и низко поклонились, въ свою очередь, миссіонеру.

— Ишь, какіе молодцы: богатырь къ богатырю! похвалилъ попъ Симеонъ, съ удовольствіемъ оглядывая коренастыя, мускулистыя фигуры „добровольцевъ“.— Да я съ такими удальцами на край свѣта готовъ итти! энергично добавилъ онъ.

— Не отстанемъ отъ тебя, батюшка!.. Веди, куда

знаешь!.. Наше дѣло слушаться тебя! отвѣтили „добровольцы", до-нельзя польщенные похвалой обожаемаго миссіонера, произнесенной предъ цѣлой казармой. Арестантское ихъ самолюбіе было удовлетворено; они разомъ вскипѣли искреннимъ, твердымъ желаніемъ оправдать широкое довѣріе попа Симеона и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не осрамиться предъ товарищами, бывшими свидѣтелями ихъ доброй воли сопровождать миссіонера въ его опасномъ и трудномъ предпріятіи.

— Готовьтесь, молодцы: сегодня же въ путь тронемся, обратился попъ Симеонъ къ „добровольцамъ".— Золотого времени терять нельзя, а то какъ разъ запоздаемъ въ Корсаковское...

— Чего намъ готовиться!?. Мы готовы... Пищу да полушубки дадутъ—и дѣло въ шляпѣ, энергично проговорилъ Наумовъ, рыжій, сильно рябой мужикъ атлетическаго тѣлосложенія.

— Конечно готовы! дружно подтвердили остальные добровольцы слова товарища.

— Спасибо вамъ, поблагодарилъ попъ Симеонъ.— А теперь побѣгу къ маіору, окончательно дѣло улажу... Прощайте дѣтки! обратился онъ къ арестантамъ, направлясь къ выходу изъ камеры.

— Счастливо оставаться... Возвращайтесь благополучно! дружно крикнули каторжные, провожая миссіонера шумною, но крайне почтительною, гурьбой до самыхъ дверей...

Попъ Симеонъ, выйдя изъ казармы, быстро зашагалъ къ дому начальника поста. Иванъ Петровичъ уже былъ вставши. Выслушавъ краткій докладъ миссіонера о благопріятномъ результатѣ его посѣщенія каторжныхъ, маіоръ молча отперъ, стоявшій въ комнатѣ, письменный столъ и вытащилъ изъ потайного ящика объемистую пачку кредитныхъ билетовъ.

— Тутъ ровно сорокъ тысячъ, коротко проговорилъ онъ, передавая пачку миссіонеру. — Благослови васъ Богъ!...

Попъ Симеонъ принялъ деньги и, не считая, запихнулъ ихъ далеко за пазуху. Трогательный актъ взаимнаго, глубокаго довѣрія прошелъ въ высшей степени просто. Маіоръ, отдавая сорокъ тысячъ казенныхъ денегъ, вмѣстѣ съ ними ввѣрялъ попу Симеону свою воинскую честь и долголѣтнюю репутацію безукоризненно честнаго служаки, ставилъ на карту всю служебную карьеру и благосостояніе своей семьи. Иванъ Петровичъ сознавалъ, что совершаетъ беззаконіе, довѣряя казенныя деньги частному лицу, но въ то-же время хорошо понималъ, что онъ прибѣгаетъ къ единственной возможности спасти батальонъ отъ голодной смерти,—возможности, конечно, призрачной, но все-таки достижимой при желѣзной энергіи и мужествѣ отважнаго миссіонера. Почтенный маіоръ рѣшился „рискнуть“ всею своею службою и честью, въ силу мужественнаго желанія спасти батальонъ, и въ надеждѣ, что Богъ поможетъ попу Симеону совершить безпримѣрный доселѣ подвигъ — сдѣлать на утлой ладьѣ опасный переходъ бурнымъ моремъ, вдоль непривѣтливаго, страннаго Сахалина.

„Будь, что будетъ“, энергично рѣшилъ въ умѣ Иванъ Петровичъ, не стараясь тревожить себя тяжелыми сомнѣніями и предположеніями. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что миссіонеръ, со своей стороны, пожертвуетъ жизнью, чтобы только выполнить задуманное имъ дѣло спасенія батальона. Онъ вѣрилъ въ несокрушимую отвагу попа Симеона, вѣрилъ въ его неотразимое обаяніе на каторжныхъ, избранныхъ имъ себѣ въ спутники. Вотъ почему маіоръ ни слова не сказалъ противъ сдѣланнаго миссіонеромъ выбора, какъ нарочно, наиболѣе отъявленныхъ негодяевъ изо всѣхъ арестантовъ.

— Пойду готовиться къ походу, просто проговорилъ попъ Симеонъ, поднимаясь со стула. — До свиданья, многоуважаемый Иванъ Петровичъ.

— Благослови васъ Господь, набожно прошепталъ маіоръ, крѣпко пожимая богатырскую, закорузлую руку

миссіонера и провожая его до сѣней.—Готовьтесь, а я тѣмъ временемъ распоряжусь о выдачѣ вамъ ружей, патроновъ и необходимой провизіи.

VI.

Готовясь къ опасному предпріятію, попъ Симеонъ *проявилъ кипучую, изумительную дѣятельность.* По старинному капризу судьбы, этотъ замѣчательный человѣкъ оказался моряком въ душѣ, полнымъ несокрушимой, желѣзной энергіей и при томъ достаточно опытнымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, каторжные-добровольцы исправили, подъ его наблюденіемъ, единственную досчатую, неуклюжую лодку, давно уже забракованную для плаванія даже въ тихую погоду. Самъ миссіонеръ скроилъ изъ солдатскаго холста кое-какіе паруса, сшилъ ихъ, соорудилъ мачты и сдѣлалъ необходимыя приспособленія для ихъ постановки. Онъ-же изготовилъ до десятка веселъ и приладилъ къ лодкѣ руль. Обыватели съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдили за энергичной работой богатыря-миссіонера и съ трепетомъ ждали момента, когда этотъ мужественный пловецъ усядется со своими смѣльчаками-добровольцами въ утлую, кое-какъ сколоченную, ладью и ввѣрится бурной, коварной стихіи—морю, хотя нѣсколько стихшему, но все еще грозно шумѣвшему и рокотавшему. Никто не вѣрилъ, что этотъ страшный моментъ наступитъ. Каждому казалось, что попъ Симеонъ не рискнетъ выйти на безумную борьбу съ бурнымъ моремъ и откажется, рано или поздно, отъ своего смѣлаго предпріятія, преисполненнаго, на каждомъ шагу, смертельными опасностями. Между тѣмъ, почтенный миссіонеръ готовился къ походу съ изумительною энергіею, ежеминутно проявляя необычайную физическую и душевную мощь. Около полудня, лодка уже стояла у пристани, совершенно снаряженная всѣмъ необходи-

мымъ. Все населеніе поста собралось на берегу и съ удивленіемъ глядѣло на суровыя, серьезныя лица добровольцевъ-каторжныхъ, рѣшившихся итти съ попомъ Симеономъ на явную смерть. Многіе смотрѣли на нихъ съ сожалѣніемъ, словно на приговоренныхъ къ казни. Никто не вѣрилъ, что они благополучно совершатъ свой богатырскій подвигъ. Поручикъ Орловъ и дѣлопроизводитель Крышевъ, злорадные и выпившіе, казалось, заранѣе предвкушали гибель мужественнаго миссіонера, вмѣстѣ съ сорока тысячами довѣренныхъ ему казенныхъ денегъ,—предвкушали, какъ будто, и послѣдующее затѣмъ „законное“ преслѣдованіе „упрямаго“ маіора за „самовольныя“ дѣйствія. Они съ нетерпѣніемъ ожидали отплытія миссіонера, получавшаго въ постовомъ управленіи послѣднія инструкціи отъ добродушнаго Ивана Петровича. Наконецъ, нетерпѣніе ихъ удовлетворилось. Попъ Симеонъ вышелъ, въ сопровожденіи маіора, изъ управленія и молодцовато направился къ снаряженной лодкѣ. Одѣтый въ полушубокъ, онъ мало походилъ на духовную особу; его атлетическая фигура, не скрытая широкою рясой, выдавалась еще рѣзче и поражала всѣхъ своими необычайными, богатырскими размѣрами. Подойдя къ лодкѣ, миссіонеръ совершенно по-генеральски поздоровался съ добровольцами.

— Здорово, ребята!

— Здравія желаемъ! единодушно крикнули каторжные, нисколько, повидимому, не озадаченные неожиданнымъ превращеніемъ попа Симеона въ браваго военачальника.

— Садись въ весла! властно распорядился почтенный миссіонеръ, быстро входя въ лодку и усаживаясь на руль.

Добровольцы - каторжные безпрекословно заняли мѣста по банкамъ [1]) и живо разобрали весла, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

---

[1]) Скамьи у лодки извѣстны у моряковъ подъ названіемъ „банки“.

— Отваливай! съ апломбомъ завзятаго моряка скомандовалъ попъ Симеонъ.—Весла на воду!

Лодка отошла отъ пристани и тяжело заколыхалась на волнахъ. Добровольцы дружно налегли на весла, стараясь побороть упорное сопротивленіе цѣлой рати шумящихъ валовъ.

— Помоги вамъ Господи! крикнулъ маіоръ, провожая, постепенно удалявшуюся отъ берега, лодку глазами, полными слезъ.—Сохрани васъ Богъ!..

Попъ Симеонъ снялъ мѣховую шапку, истово перекрестился и затѣмъ низко поклонился собравшимся на берегу. Толпа безмолвно и съ трепетомъ слѣдила за прыгавшею въ волнахъ лодкой, ужасаясь несокрушимой удали, миссіонера и добровольцевъ-каторжныхъ, рѣшившихся ввѣриться, на утлой ладьѣ, бурному и коварному морю, особенно грозному въ осеннее время...

Отойдя отъ берега съ трудомъ мили на двѣ, попъ Симеонъ приказалъ поставить паруса. Лодка рванулась впередъ и довольно быстро пошла вдоль острова къ завѣтному заливу Анива, на берегу котораго въ четырехъ стахъ миляхъ далѣе, бѣдствовалъ отъ недостатка продовольствія цѣлый батальонъ... Погода стояла ровная. Вѣтеръ временно стихъ и гналъ предъ собой цѣлыя гряды крутыхъ волнъ, хотя и величественныхъ, но въ то же время далеко не грозныхъ и не страшныхъ. На прояснившемся небѣ блистало солнце, словно привѣтствуя отважныхъ пловцовъ. Яркіе лучи его эффектно переливались, разноцвѣтными огнями, въ рыхлой, снѣжной пеленѣ, прикрывшей, будто саваномъ, безконечную полосу побережья, одинокіе утесы, холмы и темный, хвойный лѣсъ, широко раскинувшійся по необъятному простору мрачнаго, пустыннаго Сахалина.

Бурливыми бурунами набѣгали волны на крутой, скалистый берегъ острова и лѣниво отпрядывали опять назадъ, чтобы незамѣтно слиться съ новыми волнами, величественно катившимися подъ давленіемъ студенаго сѣверо-западнаго вѣтра. Море, шумливое и рокочущее

у скалистаго прибрежья, колыхалось вдали отъ берега безшумно и спокойно, словно могучая грудь сладко спящаго великана. Ничто не нарушало величественнаго отдыха грозной стихіи; никто не оживлялъ безграничной, волнующейся поверхности моря. Всюду прыгали однѣ только крутыя волны, среди которыхъ мелькалъ лишь темный остовъ лодки съ отважными добровольцами. Лодка то тяжело взбѣгала на верхушки валовъ, то стремительно падала въ водную пропасть, на время совершенно исчезая, словно проглоченная ненасытнымъ, жаднымъ моремъ. Попъ Симеонъ, сидя на рулѣ, зорко слѣдилъ за каждой волной, стараясь отвратить отъ утлой ладьи ея разрушающій ударъ. Лодка, послушная смѣлой, ловкой рукѣ, неслась впередъ, точно гигантская птица, широко раскинувъ свои крылья-паруса. Гребцы-каторжники, сильно уставшіе отъ продолжительной, тяжелой гребли противъ волнъ, теперь отдыхали, лѣниво развалившись на днѣ лодки и прячась въ то же время отъ холоднаго, пронизывающаго вѣтра. Кто курилъ, кто безцѣльно глядѣлъ въ глубокое, ясное небо, грустно вспоминая такое же прекрасное небо, раскинувшееся, въ видѣ подобнаго же чуднаго купола, надъ роднымъ селомъ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ злополучнаго, страшнаго Сахалина...

— Ахъ, оказія какая! вдругъ прервалъ молчаніе каторжникъ Стручковъ неожиданнымъ восклицаніемъ и вскочилъ на ноги.

— Что случилось? полюбопытствовалъ попъ Симеонъ, отвлекая на секунду свое вниманіе отъ руля.

— Весь бокъ промокъ!.. Лодка, видно, течетъ... Вона, сколько воды набралось, проговорилъ Стручковъ, выжимая намокшую полу полушубка.

— Да и подъ наши бока вода подступила, замѣтилъ другой гребецъ, Наумовъ, также приподнимаясь со дна лодки.

— Подмочитъ бока — ничего; благо-бы провизія не подмокла, весело добавилъ Головлевъ.—По моему, лучше

ходить съ подмоченными боками, нежели съ голоднымъ брюхомъ.

— Плохо, значитъ, лодку проконопатили. На волнахъ малость подрасшатало ее: она и потекла, хладнокровно замѣтилъ попъ Симеонъ. — Это, впрочемъ, пустячки!.. Возьмите-ка, ребятки, черпалки, да и откачивайте воду.

— Какъ-то мы на такой лодкѣ до Корсаковскаго доберемся? съ сомнѣніемъ прошепталъ молчавшій до сихъ поръ Багажевъ.

— Богъ сохранитъ — доберемся, обнадежилъ Багажева его другъ и землякъ Вахрушевъ.—А если не доберемся, такъ объ этомъ и толковать не стоитъ. Хорошо знаешь, что двухъ смертей не бывать, а одной не миновать...

— Вѣрно твое слово, поддакнулъ Головлевъ.—Помирать-ли въ морѣ, помирать-ли на каторгѣ: одна статья — смерть... Немного раньше, немного позже — и въ этомъ особаго расчету нѣтъ... Жизнь наша каторжная—несладкая: при такой жизни и смерти страшиться нечего...

Перекидываясь словами, каторжники дружно выкачивали изъ лодки воду и вскорѣ почти осушили дно.

— Значитъ, не такъ плоха еще лодка, если воду успѣваемъ откачивать, весело замѣтилъ Головлевъ, вновь разваливаясь на мѣшкѣ съ сухарями.

— Опять набѣжитъ, угрюмо проворчалъ Багажевъ, отличавшійся среди товарищей-колодниковъ постоянно мрачнымъ настроеніемъ духа.

— Набѣжитъ—вновь откачаемъ; руки свои—не занимать стать, отпарировалъ Головлевъ, раскуривая погасшую трубку.

— Ишь какой, прыткій!.. А если погода разбушуется, да насъ тряхнетъ такъ, что и лодка разсыпется... Что тогда скажешь? спросилъ тотъ-же Багажевъ, сердито поглядывая на вздымавшіяся вокругъ вершины крутыхъ волнъ.

— Что скажу? переспросилъ Головлевъ.—Да что тебѣ на это сказать? Поймаю за хвостъ какую-нибудь рыбищу, да и укачу на ней за тридевять земель, въ десятое царство, гдѣ прекрасныя русалочки живутъ и золотыя яблочки ѣдятъ.

— Молодецъ Головлевъ! похвалилъ попъ Симеонъ веселаго каторжника, улыбнувшись.

— Радъ стараться, батюшка! по солдатски гаркнулъ Головлевъ, снимая шапку.—Не прикажите-ли чарочку выпить?

— Нѣтъ, ужъ погоди, голубчикъ, съ улыбкой проговорилъ попъ Симеонъ.—За добрую рѣчь—лишь похвала: отъ похвалы не опьянѣешь... А чарочку выпьешь съ товарищами передъ ужиномъ.

— И за то благодаренъ, согласился Головлевъ, заранѣе предвкушая сладость обѣщанной чарки водки.

Время ужина наступило незамѣтно; какъ только солнце начало приближаться къ горизонту, попъ Симеонъ разрѣшилъ выпить по чаркѣ и закусить. Каторжники-добровольцы мигомъ выкатили, поближе къ миссіонеру, боченокъ съ водкой, развязали мѣшки, добыли сухари, соль, лукъ и юколу [1]). Попъ Симеонъ собственноручно выдалъ каждому добровольцу по чаркѣ и опять закупорилъ боченокъ. Затѣмъ, взялъ нѣсколько сухарей, кусокъ юколы и сталъ закусывать, продолжая править рулемъ. Поѣли.

— Ложитесь отдохнуть, предложилъ миссіонеръ.

Добровольцы не заставили упрашивать себя и тотчасъ-же задремали, убаюкиваемые плавною качкою лодки.

VII.

Ночь прошла спокойно. Попъ Симеонъ бодро просидѣлъ на рулѣ до утра напролетъ и только съ разсвѣтомъ позволилъ себѣ немного вздремнуть, поручивъ

[1]) Юкола—вяленая на солнцѣ красная рыба (кэта).

управленіе рулемъ Головлеву, выказавшему нѣкоторую способность къ морскому дѣлу. Погода вполнѣ пока благопріятствовала добровольцамъ, и плаваніе шло безъ особенныхъ приключеній и тревогъ. Правда, почти каждый часъ приходилось отливать изъ лодки воду, постоянно прибывавшую чрезъ множество невидимыхъ щелей; но къ этому жуткому обстоятельству всѣ успѣли привыкнуть настолько, что перестали даже тревожиться дряхлымъ и малонадежнымъ состояніемъ утлой ладьи. Каторжники-добровольцы чрезвычайно быстро освоились съ моремъ и чувствовали себя, на его, постоянно волнующейся, поверхности, несравненно лучше и свободнѣе, чѣмъ въ каторжной, до-нельзя промозглой, казармѣ. Объ опасностяхъ тяжелаго плаванія они не думали, такъ какъ мало сознавали необычайные капризы коварнаго моря, то ласковаго и прекраснаго, какъ сирена, то грознаго и безумно жестокаго, безпощаднаго и кровожаднаго, словно древній, ненасытный Ваалъ... Попу Симеону не удалось выспаться и отдохнуть послѣ тяжелаго бодрствованія, втеченіе длинной осенней ночи. Не прошло и двухъ часовъ послѣ того, какъ миссіонеръ сомкнулъ свои уставшія вѣки, вдругъ онъ почувствовалъ, что его тормошатъ, сперва осторожно, легко, но затѣмъ все сильнѣе и назойливѣе, съ явнымъ намѣреніемъ разбудить во что бы то ни стало. Попъ Симеонъ съ трудомъ раскрылъ слипшіеся глаза и съ недоумѣніемъ осмотрѣлся. Надъ нимъ склонились всѣ каторжники-добровольцы; лица ихъ были тревожны, а лицо Багажева даже искажено ужасомъ.

— Батюшка, батюшка, шептали каторжные наперерывъ,—поглядите-ка! Кажись, наша смерть пришла!..

Миссіонеръ быстро приподнялся и зорко взглянулъ по указанному направленію.

— Пустяки, успокоилъ онъ до-нельзя встревоженныхъ добровольцевъ. — Сидите только смирно, не шелохнитесь и не шумите... Богъ сохранитъ!..

Каторжные, нѣсколько успокоенные, начали сосре-

доточенно всматриваться на волнующуюся поверхность моря, фантастически освѣщенную яркимъ солнцемъ, уже поднявшимся высоко надъ горизонтомъ. Среди верхушекъ волнъ изрѣдка мелькали какія-то громадныя, безобразныя, совершенно круглыя головы получеловѣчьи, полузвѣриныя. Все ближе и ближе. Страшныя, усатыя морды стали мелькать чаще. Цѣлыя сотни какихъ-то сказочныхъ чудовищъ лѣниво плыли прямо къ лодкѣ, точно намѣреваясь раздавить ее своей массой и растерзать находящихся въ ней. До напряженнаго слуха добровольцевъ сталъ доноситься ужасающій ревъ, очень похожій на ревъ бѣшеныхъ быковъ. По мѣрѣ приближенія чудовищъ, ревъ этотъ все усиливался; воздухъ, казалось, дрожалъ и стоналъ, потрясенный до послѣдняго атома. Каторжниковъ вновь охватило безпокойство, вскорѣ смѣнившееся неодолимымъ ужасомъ, когда лодка вдругъ оказалась окруженною безсчетнымъ множествомъ какихъ-то неизвѣстныхъ чудовищъ. Послѣднія то скрывались подъ водой, то вновь появлялись и вытягивали кверху свои страшныя, круглыя головы, при чемъ воздухъ вылеталъ съ шумомъ изъ ихъ широкихъ ноздрей. Нѣкоторыя чудовища становились въ водѣ совершенно вертикально, выказывая при этомъ часть своего громаднаго, чернаго туловища, съ боковъ котораго безобразно торчали не то лапы, не то плавники. Многія подплывали къ самому борту лодки и съ любопытствомъ заглядывали внутрь ея, точно высматривая подходящую жертву. У каторжныхъ, отъ ужаса, шевелились на головахъ волосы, но они продолжали хранить мертвое молчаніе, хорошо помня приказаніе попа Симеона сидѣть смирно и спокойно. Страшный ревъ оглушалъ ихъ и ужасалъ... Но вотъ одно изъ чудовищъ подплыло къ лодкѣ такъ близко, что едва не опрокинуло ее своею безобразною мордою. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этой критической минуты, Багажевъ безотчетно схватился за ружье и хотѣлъ было выстрѣлить... Попъ Симеонъ во время замѣтилъ порывистое движеніе Бага-

жева, ловко выхватилъ изъ его рукъ ружье и хладнокровно положилъ его рядомъ съ собой.

— Не шевелись, глупый, прошепталъ миссіонеръ, до боли сжавъ своею стальною рукою плечо Багажева. Тотъ съежился и закрылъ отъ ужаса глаза, ожидая каждую минуту послѣдняго часа своей каторжной жизни...

Между тѣмъ несмѣтное стадо чудовищъ стало рѣдѣть и вскорѣ проплыло мимо лодки къ берегу. Ихъ страшный ревъ постепенно стихалъ и наконецъ слился съ хлестомъ волнъ о борта лодки, продолжавшей подвигаться къ цѣли своего опаснаго плаванія. Каторжные-добровольцы вздохнули съ облегченіемъ, точно съ ихъ плечъ свалился тяжелый камень.

— Слава Богу, бѣда миновала! нарушилъ Головлевъ продолжительное молчаніе.—Батюшка, что̀ это за звѣри были? обратился онъ къ попу Симеону.

— Сивучи, удовлетворилъ любопытство миссіонеръ.

— Страшные звѣри, съ содроганіемъ проговорилъ Багажевъ.

— Добродушнѣйшіе, поправилъ попъ Симеонъ. — Бояться этихъ звѣрей нечего... Не тронь ихъ только— и они тебя не тронутъ. А ты вотъ едва-едва большой бѣды не надѣлалъ...

— Какъ такъ, батюшка!? испугался Багажевъ, совершенно забывшій о своемъ безотчетномъ поползновеніи убить одно изъ чудовищъ.

— Ты выстрѣлить хотѣлъ по одному звѣрю, объяснилъ миссіонеръ. — Не вырви я у тебя ружья, ужъ навѣрное теперь и въ живыхъ никого изъ насъ не было-бы. Звѣрь этотъ добродушенъ, пока его не трогаютъ и не пугаютъ. Стоило-же ранить одного, все стадо разсвирѣпѣло-бы—и тогда ниши пропало: слѣдочковъ не оставили-бы какъ отъ насъ, такъ и отъ лодки.

— Куда-же сивучи плывутъ? полюбопытствовалъ Наумовъ, продолжая слѣдить за круглыми головами морскихъ чудовищъ, едва мелькавшими въ отдаленіи.

— А тутъ, вѣроятно, лежбище ихъ по близости:

отдыхать плывутъ. Выползутъ они на песокъ и будутъ себѣ лежать, пока не надоѣстъ имъ.

— Да развѣ они ползаютъ? удивился Головлевъ.— У нихъ, кажись, и лапъ-то нѣтъ, а просто какія-то лопаты съ боковъ висятъ.

— Ласты, а не лопаты, поправилъ попъ Симеонъ Головлева.—Такихъ ластовъ у каждаго сивуча четыре штуки: двѣ—спереди и двѣ—сзади, очень похожія на рыбій хвостъ. Передніе ласты служатъ въ водѣ звѣрю замѣсто веселъ, а заднie — рулемъ; на берегу-же — ногами... И бѣгаютъ-же сивучи, опираясь на эти ласты, не хуже насъ.

— Диковинные звѣри, вставилъ свое слово молчаливый Стручковъ,—и въ водѣ-то живутъ, и на берегу...

— Батюшка, а какъ будто-бы свѣжѣть начинаетъ, перебилъ Стручкова Головлевъ, поглядывая на горизонтъ.—Вона, и зайчики уже поверхъ волнъ заходили.

Попъ Симеонъ пытливо посмотрѣлъ на потемнѣвшее море, затѣмъ на небо, постепенно покрывавшееся свинцовыми тучами; обратилъ вниманіе на громаднаго буревѣстника *), Богъ вѣсть откуда появившагося; оглядѣлъ безконечную полосу мрачнаго Сахалина, предъ которымъ словно раскинулась вдругъ гигантская, мглистая завѣса.

Не даромъ сивучи въ берегъ ударились—будетъ непогода, проговорилъ миссіонеръ, по окончаніи своихъ наглядныхъ метеорологическихъ наблюденій.—Господь шлетъ намъ первое испытаніе... Постараемся встрѣтить его мужественно и съ надеждою на Божію помощь!

Какъ-бы въ подтвержденіе словъ попа Симеона, налетѣлъ легкій шквалъ: лодка слегка накренилась и рванулась впередъ, будто лошадь, получившая жестокій ударъ бичемъ.

— Ишь какъ ходко пошла: замѣтилъ Наумовъ, по-

*) Морская птица, появляющаяся предъ бурей.

глядывая за бортъ, мимо котораго быстро замелькали клочья морской пѣны и отрывки водорослей.

— Еще ходче пойдемъ, какъ погода разгуляется, добавилъ Головлевъ. — Живо до Корсаковскаго поста добѣжимъ.

— Нечего о будущемъ загадывать: будущее въ рукахъ Божіихъ, строго перебилъ попъ Симеонъ.—Лучше спустите-ка задній парусъ: подъ однимъ пойдемъ: а то, того и гляди, лодку перевернетъ.

Парусъ былъ спущенъ совершенно своевременно: налетѣлъ новый вихрь, крѣпче прежняго, и накренилъ лодку такъ сильно, что она черпнула даже бортомъ. Каторжные притихли, поглядывая съ тревогой на разомъ потемнѣвшій горизонтъ. Попъ Симеонъ только встряхнулъ львиной головой и крѣпче сжалъ сильной рукой румпель (рукоять руля). Онъ хорошо видѣлъ, что предстоитъ серьезная борьба со стихіей, борьба на жизнь или смерть, и рѣшился постоять за ввѣренныя ему сорокъ тысячъ рублей честно и мужественно. Смѣло глядѣлъ богатырь-миссіонеръ на вздымавшіяся вокругъ волны, ловко отстраняя отъ лодки ихъ жестокіе, всеразрушающіе удары. Лодка словно потеряла свою прежнюю неуклюжесть; легко взлетала она, подъ напоромъ постепенно свѣжѣвшаго вѣтра, на вершины валовъ и стремительно падала затѣмъ въ разверзавшуюся вдругъ водную пропасть, поскрипывая всѣми сочлененіями. Съ каждой минутой, она совершала эти, захватывавшіе духъ, взлеты и паденія все отчаяннѣе и отчаяннѣе, словно билась въ предсмертной агоніи. Волны видимо росли и вздувались, точно гигантскіе пузыри. Онѣ уже не бѣжали ровными, гладкими рядами, но неслись съ какою-то дикою поспѣшностью, сердито завернувъ впередъ пѣнистые, косматые гребни, неслись съ плескомъ и зловѣщимъ шумомъ, угнетавшимъ душу. Лазурь неба скрылась за свинцовыми тучами, грозно нависшими почти надъ самою поверхностью встревоженнаго моря. Пронизывающій до костей, студеный вѣтеръ все крѣп-

чалъ, срывая съ волнъ, сильными порывами, ихъ пѣнистые гребни. Въ воздухѣ крутились отдѣльныя снѣжинки, какъ-бы предвѣстники мятели, со стономъ мчавшейся изъ сибирскихъ тундръ. Становилось холоднѣе и холоднѣе. Крѣпчавшій вѣтеръ прохватывалъ до мозга костей, несмотря на добрые полушубки. Являлась надобность согрѣться, чтобы не закоченѣть. Кто-то попросился на весла. Опытный попъ Симеонъ отказалъ:

— Пойдемъ, пока возможно, подъ парусомъ... На веслахъ вспотѣете, а вспотѣть въ такой морозъ опасно: никакъ ужъ потомъ не согрѣетесь.

Каторжные послушались и начали похлопывать одинъ другого руками и пошевеливать ногами, чтобы только не отмерзли. Вѣтеръ, между тѣмъ, все крѣпчалъ и крѣпчалъ... Море темнѣло и становилось грознымъ. Небо начало принимать какой-то зловѣщій оттѣнокъ; свинцовыя, тяжелыя облака спускались ниже и ниже, словно желая придавить отважныхъ пловцовъ своею ужасающею громадою. Ясный день превратился почти въ непроницаемую ночь: такъ сдѣлалось вдругъ темно. Порывы вѣтра со свистомъ проносились надъ лодкой, накренивая ее каждый разъ все больше и больше, точно силясь опрокинуть. Попъ Симеонъ не зѣвалъ на рулѣ, хорошо сознавая, что отъ его опытной руки зависитъ общее благополучіе. Когда было нужно, онъ ловко спускался по вѣтру и потравливалъ (перепускалъ) шкоты *), чѣмъ значительно уменьшалъ силу напора разбушевавшейся стихіи. Лодка неслась по изборожденному, пѣнистому морю съ поразительною быстротою, угремъ извиваясь въ хаосѣ грозныхъ волнъ. Она скрипѣла во всѣхъ сочлененіяхъ, дрожала и, казалось, готова была, каждую минуту, распасться на нѣсколько частей. Гигантскіе валы преслѣдовали ее съ злобнымъ шипѣніемъ, свирѣпо завернувъ впередъ косматые, бур

*) Шкоты — веревки, придерживающія нижній, внѣшній уголъ паруса.

ливые гребни. Изрѣдка, несмотря на бдительность попа Симеона, верхушки волнъ захлестывали въ лодку, обдавая всѣхъ брызгами студеной, соленой воды, быстро замерзавшей на полушубкахъ, сапогахъ, парусахъ и мѣшкахъ съ провизіей. Вскорѣ, почти вся лодка покрылась ледяною корою, постепенно утолщавшеюся; она замѣтно стала тяжелѣть, словно обвѣшиваемая новыми пудовыми гирями. Ко всему этому, изъ разошедшихся на качкѣ досокъ обильно засочилась вода, которую пришлось непрерывно откачивать въ нѣсколько рукъ. Положеніе добровольцевъ-пловцовъ становилось критическимъ; но никто изъ каторжныхъ не терялъ еще бодрости духа, глядя на энергичную, смѣлую, самоувѣренную фигуру попа богатыря, отважно всматривавшагося въ полусумракъ бурнаго, мрачнаго дня. Закаленное сердце его билось ровно и спокойно. Обдаваемый волнами, обмерзшій съ головы до ногъ, онъ со стоическимъ хладнокровіемъ велъ отчаянную борьбу съ разсвирѣпѣвшей стихіей, словно сознавая превосходство разумной силы, ободренной надеждой на Божію помощь, надъ стихійною силою, хотя грозною, но въ то же время безсмысленною... Постепенно, становилось темнѣе и темнѣе. Вдругъ, какъ будто разорвалась въ воздухѣ тяжелая завѣса, и надъ лодкой пронеслись, со стономъ и воемъ, тучи снѣга... Началась жестокая мятель на морѣ. Все скрылось въ непроницаемой мглѣ бѣшеной вьюги. Море завыло и заплакало, точно оживленное. Волны съ невѣроятнымъ озлобленіемъ повели противъ слабой скорлупы новыя атаки, несравненно отчаяннѣе и грознѣе всѣхъ предшедшихъ. Казалось, море хотѣло воспользоваться подоспѣвшею помощью снѣжнаго вихря, чтобы поглотить, наконецъ, отважныхъ пловцовъ, осмѣлившихся ввѣриться коварной стихіи. Наступила критическая минута... Во вселенной, какъ будто-бы, господствовалъ первобытный хаосъ, среди котораго нельзя было разглядѣть даже ближайшую поверхность клокочущаго моря. Лодку бросало, точно

щепку, съ волны на волну. Мачта гнулась и трещала. Обледенѣлый парусъ каждую секунду былъ готовъ разлетѣться въ клочья. Вода въ лодкѣ продолжала прибывать, несмотря на то, что ее откачивали непрерывно всѣ каторжные, не только черпалками, но даже шапками. Добровольцы-моряки работали молча, сосредоточенно, стараясь не выказать другъ передъ другомъ гнетущихъ опасеній за жизнь... Каждый хорошо видѣлъ, что жизнь эта виситъ на волоскѣ, но никто не высказалъ слова какой-либо безнадежной жалобы или сѣтованія. Всѣ сознавали что спасеніе, если оно только возможно, въ рукахъ попа Симеона, продолжавшаго сохранять то-же мужественное спокойствіе и богатырскую отвагу. Стихійный хаосъ не ужасалъ его, но, какъ будто, лишь давалъ полный просторъ его внутреннимъ силамъ, долго спавшимъ подъ священническою рясою. Борьба со стихіей воодушевляла отважнаго миссіонера. Молча управляя рулемъ, онъ, въ то-же время, зорко слѣдилъ за тѣмъ, что́ дѣлалось у его ногъ. Онъ уже давно обратилъ вниманіе на энергичную работу каторжныхъ, непрерывно отливавшихъ изъ лодки воду, которая просачивалась чрезъ многочисленныя щели расшатанныхъ досокъ. Замѣтивъ, что вода не убываетъ, попъ Симеонъ пришелъ къ быстрому рѣшенію выброситься на берегъ, находившійся всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ. Несмотря на окружающую мглу, отыскать берегъ было не трудно: стоило лишь спуститься по вѣтру, дувшему прямо на островъ. Не говоря ни слова, попъ Симеонъ положилъ руль на бортъ, и лодка, повинуясь ловкой рукѣ, повернулась и помчалась птицей, подталкиваемая общими усиліями вѣтра и волнъ. Послѣднія силились нагнать лодку и залить ее съ кормы, но попъ Симеонъ всегда успѣвалъ увертываться отъ грознаго натиска свирѣпыхъ валовъ... Каторжные энергично продолжали откачивать воду, не замѣчая ловкаго маневра своего смѣлаго кормчаго. Прошло около получаса. Волна стала вдругъ круче, что доказывало бли-

зость берега. Попъ Симеонъ счелъ своевременнымъ предупредить добровольцевъ, чтобы тѣ не были ошеломлены гибельною неожиданностью:

— Приготовьтесь, молодцы, скоро выскочимъ на берегъ... Попадемъ въ буруны—держитесь крѣпче...

Едва успѣлъ миссіонеръ предупредить каторжныхъ, какъ громадная, крутая волна вдругъ подкинула лодку и тряхнула ее съ такою силою, что едва не выбросила всѣхъ въ воду: лодка перескочила чрезъ первую гряду буруновъ... Вокругъ, безпорядочно прыгали совершенно отвѣсныя волны; вода бурлила и клокотала, словно въ котлѣ. Лодка неистово мчалась въ какомъ-то хаосѣ волнъ, грозя ежеминутно разсыпаться. Мачта обломилась и грузно упала вмѣстѣ съ парусомъ, едва не сбросивъ за бортъ отважнаго миссіонера, продолжавшаго стоять на рулѣ. Лишенная направляющей силы, лодка отчаянно завертѣлась. Волны съ дикимъ озлобленіемъ начали вливаться, одна за другой, смывая за бортъ мѣшки съ провизіей, весла и разную мелочь. Каторжные-добровольцы едва держались, судорожно уцѣпившись за банки.

— Не робѣй, молодцы!.. Держись крѣпче! воодушевлялъ попъ Симеонъ добровольцевъ зычнымъ голосомъ, котораго не въ силахъ были заглушить ревъ вѣтра и адскій шумъ клокотавшихъ у прибрежья буруновъ...

Вотъ налетѣлъ грозный, крутой валъ и совершенно накрылъ своей громадой утлую ладью, моментально погрузившуюся въ воду.

— Берегъ близко! едва успѣлъ попъ Симеонъ еще разъ воодушевить гребцовъ, разбросанныхъ, вновь налетѣвшей волной, въ разныя стороны...

Началась страшная борьба слабыхъ людей съ грозной разсвирѣпѣвшей стихіей. Каждый силился добраться до берега, едва видимаго среди метели. Попъ Симеонъ, лихой и замѣчательный пловецъ, ухватилъ за шиворотъ ближайшаго изъ погибающихъ, Багажева, и чрезъ ми-

нуту отчаянной борьбы былъ уже съ нимъ на песчаномъ прибрежьѣ, внѣ власти страшныхъ буруновъ. Остальные бились еще въ волнахъ, постоянно отбрасываемые ими отъ берега, котораго тщетно старались достигнуть. Попъ Симеонъ тотчасъ же замѣтилъ бѣдственное положеніе товарищей по несчастію и, не раздумывая, вновь бросился въ воду—спасать несчастныхъ, изнемогавшихъ отъ непосильной борьбы съ грознымъ моремъ. Съ непоколебимымъ мужествомъ, онъ помогъ каждому вырваться изъ мертвящихъ объятій бѣшено ревущихъ буруновъ, не вѣдая устали и немощи. Истомленные, окоченѣвшіе, промокшіе до костей, каторжные были обязаны своимъ спасеніемъ исключительно богатырю-миссіонеру, непомѣрно отважному и непомѣрно самоотверженному.

Вырвавъ изъ буруновъ живыхъ людей, попъ Симеонъ продолжалъ, съ тѣмъ же поразительнымъ самоотверженіемъ, спасать необходимыя вещи, провизію и даже выволокъ, въ концѣ концовъ, на песчаное прибрежье, опрокинутую бурунами, лодку. Онъ хорошо сознавалъ, что потеря послѣдней повлечетъ за собой гибельныя послѣдствія и потому приложилъ всѣ свои богатырскія усилія къ тому, чтобы спасти ее отъ окончательнаго крушенія. Это ему вполнѣ удалось, благодаря песчаному прибрежью, на которое Провидѣніе выбросило злополучныхъ добровольцевъ.

VII.

Не смотря на счастливое спасеніе, положеніе добровольцевъ продолжало оставаться въ высшей степени критическимъ. Благодаря пятиградусному морозу, при сильномъ вѣтрѣ, намокшая одежда быстро обмерзла, и всѣ оказались закованными въ ледяныя латы. Нѣкоторые начали окончательно коченѣть, не имѣя силъ расправить члены. Попъ Симеонъ видѣлъ, что надо принять энергичныя и рѣшительныя мѣры для устраненія

новой опасности, еще болѣе ужасной и смертельной. Многолѣтняя миссіонерская дѣятельность на Сахалинѣ помогла ему: онъ вспомнилъ о необыкновенномъ созданіи сибирской природы — низкорослomъ кедрѣ, и бросился энергично разыскивать подъ снѣгомъ, такъ-называемый, сушникъ. Онъ отлично ознакомился, за время своего странствованія по острову, съ этимъ замѣчательнымъ растеніемъ, обладающимъ одновременною характеристикою дерева, кустарника и лозы, и, въ то же время, не похожимъ ни на одно изъ нихъ. Низкорослый кедръ принадлежитъ къ полезнѣйшимъ произведеніямъ Сибири. Замѣчательно узловатый, искривленный стволъ его обыкновенно ползетъ, подобно запущенной виноградной лозѣ, по самой землѣ, покрывая ее частою сѣтью узловатыхъ, переплетающихся стволовъ. Изъ-подъ снѣга торчатъ нѣсколько пучковъ зеленыхъ иголъ, которыя и даютъ возможность разыскать это благодѣтельное растеніе, составляющее, во многихъ совершенно безлѣсныхъ мѣстахъ, превосходное и притомъ единственное топливо. Достигнувъ извѣстнаго возраста, стволы низкорослаго кедра умираютъ, засыхаютъ и превращаются въ замѣчательный сушникъ, воспламеняющійся съ такою же легкостью, какъ трутъ. Это растеніе встрѣчается всюду: въ совершенно пустынныхъ степяхъ, на утесистыхъ горныхъ склонахъ, въ тайгѣ, начиная съ Сахалина и кончая Ледовитымъ океаномъ. Чѣмъ почва безплоднѣе, чѣмъ климатъ суровѣе, тѣмъ роскошнѣе произрастаетъ низкорослый кедръ, представляя для кочующихъ инородцевъ одинъ изъ полезнѣйшихъ даровъ природы. Безъ этого растенія, составляющаго во многихъ мѣстностяхъ единственное топливо, навѣрное обезлюдилась бы бо́льшая часть сѣверо-восточной Сибири...

Попъ Симеонъ отлично зналъ замѣчательныя и незамѣнимыя свойства низкорослаго кедра и вскорѣ приволокъ громадную охапку превосходнаго сушника, который немедленно разжегъ при помощи огнива. Черезъ минуту уже горѣлъ, за выступомъ прибрежной скалы,

громадный костеръ, возлѣ котораго начали обогрѣваться и обсушиваться окоченѣвшіе добровольцы-моряки, вмѣстѣ со своимъ отважнымъ капитаномъ-попомъ. Подъ вліяніемъ нѣжащаго тепла, всѣ разомъ повеселѣли и ободрились. По примѣру неутомимаго миссіонера, каждый притащилъ по большой охапкѣ хвороста, съ цѣлью поддержать огонь костра до утра. Обсушившись, начали мечтать объ ужинѣ. Головлевъ разыскалъ котелокъ, выброшенный услужливыми бурунами, насыпалъ его снѣгомъ, а также смокшей въ водѣ крупой и рѣшилъ сварить кашу: недаромъ онъ былъ на каторгѣ кашеваромъ. Наумовъ приволокъ мѣшокъ съ намокшими сухарями, вытащенный изъ буруновъ неутомимымъ миссіонеромъ. Багажевъ притащилъ связку кокоды. Вахрушевъ смастерилъ надъ костромъ треножникъ, для подвѣски котелка съ кашей.

Въ то время, какъ добровольцы хлопотали объ ужинѣ, попъ Симеонъ занялся болѣе важнымъ, по его мнѣнію, дѣломъ: развернулъ намокшія пачки кредитныхъ билетовъ и сталъ каждую бумажку осторожно просушивать предъ костромъ. Работа эта напоминала египетскую, но почтенный миссіонеръ не смущался и продолжалъ заботливо перебирать кредитные билеты всевозможныхъ достоинствъ, стараясь возвратить имъ благообразный видъ...

Время проходило незамѣтно, такъ какъ всѣ были чѣмъ-нибудь заняты. Наступилъ вечеръ. Погода продолжала бушевать, но на нее никто уже не обращалъ вниманія. Пылающій костеръ и пріятный запахъ готовой каши заставили забыть недавнія тяжелыя невзгоды.

— Батюшка, пожалуйте закусить, любезно предложилъ Головлевъ, снимая съ костра закопченный котелокъ съ кашей.

— Кушайте на здоровье, дѣтки, а я послѣ, какъ справлюсь съ деньгами, отозвался попъ Симеонъ.

— Слушаемъ, согласился Головлевъ, сильно прого-

лодавшійся. – Ну, ребята, присаживайтесь, обратился онъ къ товарищамъ.

— А какъ ѣсть кашу будемъ?.. Ложекъ-то вѣдь нѣтъ, замѣтилъ до нельзя голодный Багажевъ, жадно поглядывая на дымившуюся кашу.

— Ложекъ нѣтъ — не бѣда: безъ нихъ обойдемся, проговорилъ Головлевъ.—Возьмите по щепочкѣ, и дѣло въ шляпѣ... Только смотрите, ребята, языковъ не занозите, добавилъ онъ весело.

Каторжные не замедлили воспользоваться практическимъ совѣтомъ находчиваго товарища и стали ѣсть щепочками.

— Ну, ужъ и каша? сердито проговорилъ Наумовъ и сплюнулъ на-сторону.

— А что, развѣ дурна, не по вкусу пришлась? спросилъ Головлевъ, задѣтый за живое восклицаніемъ товарища.

— Попробуй, предложилъ Наумовъ, продолжая отплевываться.

Головлевъ попробовалъ.

— Вотъ такъ мерзость! отплюнулся онъ въ свою очередь.

— Каша и не можетъ быть хороша, замѣтилъ попъ Симеонъ.—Вѣдь крупа въ морской водѣ намокла, ну и прогоркла.

— Правда ваша, батюшка, согласился Наумовъ. А Багажевъ-то, Багажевъ-то, обратилъ онъ вниманіе товарищей,—смотрите, такъ и убираетъ кашу за обѣ щеки.

— Не до разбору!.. Брюхо, словно рукавица, выворачивается отъ голоду, угрюмо проворчалъ Багажевъ, продолжая ѣсть.

— А что, братцы, вѣдь другой каши нѣтъ — давайте эту ѣсть, весело предложилъ Головлевъ. — Глядите, какъ и я начну ее уплетать.

И дѣйствительно, онъ началъ ѣсть съ видимымъ

аппетитомъ только что охаянную кашу, словно не замѣчая отвратительнаго вкуса морской воды.

— Голодъ вѣдь не тетка! проговорилъ Наумовъ и сталъ также уничтожать кашу.

Остальные товарищи не замедлили послѣдовать соблазнительному примѣру и, спустя пять минутъ, котелокъ уже опростали.

— Не сварить-ли еще? предложилъ Головлевъ, облизывая щепку, служившую ему ложкой.

— Свари, свари: все равно, что жрать, попросили проголодавшіеся за день товарищи.

Черезъ полчаса новый котелокъ каши былъ уничтоженъ съ тою же поспѣшностью... Сварили кашу въ третій разъ, и тогда только присѣлъ къ котелку попъ Симеонъ, покушавшій съ одинаковымъ аппетитомъ и тѣмъ же первобытнымъ способомъ, то есть щепочкой. Пожевавъ вдобавокъ прогорклыхъ сухарей, всѣ почувствовали необычайную истому и желаніе уснуть.

— Ложитесь, предложилъ миссіонеръ, — а я покараулю, да костеръ поддержу.

— И вамъ, батюшка, отдохнуть бы надо, замѣтилъ предупредительный Головлевъ.

— Отдохнешь самъ — смѣнишь меня, а потомъ и другимъ придется въ очередъ вступить, распорядился попъ Симеонъ.— Необходимо одному бодрствовать цѣлую ночь, добавилъ онъ какъ бы въ объясненіе своего распоряженія. Теперь морозъ: костеръ потухнетъ и всѣ замерзнемъ...

Ночь миновала благополучно. Къ утру вѣтеръ значительно стихъ, метель прекратилась и наступилъ совершенно ясный, хотя все еще морозный, день. Попъ Симеонъ проснулся съ разсвѣтомъ и тотчасъ приступилъ къ тщательному осмотру лодки. Повернувъ ее вверхъ килемъ, онъ разглядѣлъ многочисленныя щели разошедшихся отъ качки досокъ. Старая конопатка во многихъ мѣстахъ совершенно вывалилась. Казалось было невозможно привести лодку въ сколько нибудь надеж-

ный видъ, но попъ Симеонъ не упалъ духомъ и энергично рѣшилъ исправить ее во что́ бы то ни стало, находя для себя все возможнымъ. Какъ только каторжные-добровольцы позавтракали тою же отвратительною кашею и прогорклыми сухарями, миссіонеръ распредѣлилъ между ними работы по немедленному исправленію лодки. Одному поручилъ добыть моху для конопатки, другому приказалъ сколачивать разошедшіяся доски и скрѣплять со шпангоутами деревянными гвоздями, за неимѣніемъ желѣзныхъ; наконецъ остальныхъ послалъ въ ближайшую тайгу, собрать со стволовъ старыхъ сосенъ и елей смолу и сварить ее. Самъ попъ Симеонъ приводилъ въ порядокъ мачты, паруса и весла, выброшенныя на берегъ услужливыми, въ данномъ случаѣ, бурунами. Цѣлый день кипѣла на безлюдномъ прибрежьѣ энергичная работа, и къ вечеру лодка была опять готова къ спуску.

— Завтра, тронемся въ дальнѣйшій путь, если погода позволитъ, просто объявилъ за ужиномъ миссіонеръ.

— Что-жь, пора... Не зимовать же намъ здѣсь, такъ же просто согласились каторжные, точно имъ предложено было совершить какую-нибудь легкую прогулку, а не новый рискъ жизнью на утлой ладьѣ, среди коварнаго и грознаго моря.

На другой день, погода окончательно стихла. Море едва бороздилось легкимъ вѣтромъ, хотя крупная зыбь продолжала еще клокотать у прибрежья. Лодку съ величайшимъ трудомъ вывели за небольшой мысокъ, гдѣ вновь нагрузили ее кое-какою подмоченною провизіей. Попъ Симеонъ прочелъ предъ отплытіемъ краткую напутственную молитву. Каторжные молча заняли мѣста по банкамъ и дружно ударили въ весла... Три часа слишкомъ они бились почти на одномъ мѣстѣ, силясь одолѣть буруны, постоянно отбрасывавшіе лодку къ берегу: нѣсколько разъ ее едва не опрокинуло и не залило... Были минуты въ высшей степени критическія,

но. благодаря искусству попа Симеона и дружной работѣ добровольцевъ, изъ буруновъ наконецъ выбрались, и лодка очутилась на просторѣ... Весла убрали; поставили опять паруса. Лодка попрежнему заколыхалась по крупной зыби, точно и не терпѣла крушенія два дня тому назадъ. Правда, послѣдствія этого страшнаго крушенія были громадны; но никто изъ добровольцевъ не старался ухудшать свое душевное расположеніе обстоятельнымъ приведеніемъ въ ясность всѣхъ потерь, понесенныхъ при выбрасываніи на берегъ. Необходимо было сохранить полную бодрость духа. Впереди еще лежалъ длинный путь вдоль негостепріимнаго, мрачнаго Сахалина, вблизи котораго съ опаскою плаваютъ, осенью и зимой, даже большіе паровые корабли. Около каторжнаго острова, въ это суровое время года, море постоянно неспокойно. Часто дующіе сѣверо-западные вѣтры, рѣзкіе и пронизывающіе насквозь, приносятъ съ собой грозные штормы и метели, чрезвычайно опасные для плаванія. И при такихъ условіяхъ, горсть отважныхъ людей рискнула ввѣриться бурной стихіи, охваченная самоотверженною рѣшимостью избавить отъ голодной смерти батальонъ, брошенный и забытый, въ виду ожидаемыхъ военныхъ дѣйствій съ англичанами, на отдаленной южной оконечности громаднаго Сахалина. Преисполненные рѣдкою отвагою, добровольцы ввѣрили свою жизнь утлой, досчатой лодкѣ, едва годной для плаванія по спокойной рѣкѣ, но никакъ не по бурному морю, въ водахъ котораго гибли многіе крѣпкіе и большіе корабли. Съ первыхъ же дней плаванія, природа послала удальцамъ тяжкія испытанія, которыя, однако, нисколько не умалили въ нихъ богатырской рѣшимости и самоотверженной отваги. Едва вырвавшись изъ цѣпкихъ лапъ грозной смерти, они вновь осмѣлились принять ея грозный вызовъ, при обстоятельствахъ, еще болѣе ужасающихъ и угнетающихъ. Лодка, кое-какъ проконопаченная мхомъ, залитая плохою смолой, сколоченная деревянными гвоздями, едва

держалась на водѣ. Полное отсутствіе провизіи, если не считать небольшой связки юколы и мѣшковъ съ сухарями и гречихой, размокшими въ морской водѣ, грозило всѣмъ голоднымъ тифомъ. Подобныхъ сухарей не стали бы ѣсть свиньи; они вызывали сильныя боли въ желудкѣ и нестерпимую тошноту; вкусъ ихъ былъ отвратителенъ, напоминалъ гадкую смѣсь всевозможныхъ солей, начиная съ глауберовой и кончая горькою англійскою. Между тѣмъ, эти сухари и гречиху приходилось употреблять въ силу крайней необходимости, вслѣдствіе полнаго отсутствія какой-либо другой провизіи, предстояло ѣсть въ теченіе неопредѣленнаго еще числа дней, такъ какъ никто еще не могъ положительно сказать, какъ скоро и доберутся-ли еще отважные добровольцы до Корсаковскаго поста. Вдобавокъ, всѣ ружья и патроны оказались потопленными въ страшныя минуты выбрасыванія на берегъ. Смоченные и просушенные затѣмъ полушубки закорузли и едва сходились. Ноги добровольцевъ были сдавлены, какъ въ тискахъ, съежившимися до нельзя сапогами, снять которые значило бы остаться затѣмъ босымъ, такъ какъ надѣть ихъ вновь было бы невозможно. Попъ Симеонъ, а глядя на него и каторжные терпѣливо сносили всѣ эти невзгоды, движимые лишь высокимъ самоотверженіемъ. Закоренѣлые преступники, одушевленные богатыремъ-миссіонеромъ, были охвачены человѣколюбивымъ подвигомъ; ихъ черствыя, повидимому, сердца раскрылись отъ одного лишь теплаго прикосновенія попа Симеона и оказались преисполненными многихъ нравственныхъ качествъ, лишь спавшихъ подъ гнетомъ каторжной жизни и тяжело сложившихся обстоятельствъ, приведшихъ „несчастныхъ“ изъ сердца Россіи на отдаленный, мрачный, суровый Сахалинъ...

IX.

Добровольцы неутомимо подвигались впередъ, пользуясь благопріятными условіями на время стихнувшей

погоды. Ровный вѣтеръ гналъ лодку вдоль утеснаго острова, окаймленнаго бѣлоснѣжною пѣною, вѣчно шумящаго прибоя и поражавшаго взоръ мертвеннымъ однообразіемъ и безжизненностью. Всюду высились къ небу тысячи скалистыхъ кекуръ, самыхъ фантастическихъ очертаній и формъ. Вершины лѣсистыхъ холмовъ громоздились одна на другую, ниспадая въ море отвѣсными скалами и утесами, излизанными волной. Лодка съ отважными добровольцами неслась легкокрылой птицей, спѣша миновать эти суровыя, опасныя мѣста. Попъ Симеонъ продолжалъ безъ устали управлять рулемъ, призывая въ душѣ благость и милосердіе Божіе. Каторжные не сидѣли безъ дѣла: имъ приходилось безостановочно отливать воду, постоянно пробивавшуюся чрезъ щели, кое-какъ проконопаченныхъ досокъ. Эта работа уже не смущала ихъ; они вполнѣ освоились съ дряхлостью лодки и прилагали всѣ силы только къ тому, чтобы продлить, по возможности, ея тяжкую агонію. Въ этомъ заключалась вся задача опаснаго предпріятія. Всѣ хорошо понимали, что только на лодкѣ возможно добраться до Корсаковскаго поста, въ которомъ томился батальонъ неопредѣленнымъ ожиданіемъ крайне необходимой помощи...

Новыя сутки протекли безъ тяжкихъ испытаній, что значительно подбодрило добровольцевъ. Они уже начали мечтать о благополучномъ окончаніи труднаго плаванія, какъ вдругъ задувшій порывами вѣтеръ сталъ предвѣщать новый штормъ. Попъ Симеонъ не рискнулъ встрѣтить его въ морѣ на расшатанной лодкѣ, и поспѣшилъ направить ее къ берегу съ цѣлью переждать, быстро приближавшуюся непогоду при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, достигнуть этихъ условій было не легко. Пристать къ берегу, при полномъ отсутствіи удобныхъ бухтъ, было почти такъ же опасно и рискованно, какъ встрѣтить штормъ въ морѣ. Неумолчные, грозные буруны клокотали вдоль всего, совершенно открытаго побережья, ужасая своимъ ди-

кимъ величіемъ и поражая стихійною силою. Чтобы достигнуть спасительнаго берега, надо было вновь пробиться черезъ буруны, вновь рискнуть жизнью. Между тѣмъ, въ этомъ безумномъ рискѣ заключался единственный исходъ изъ критическаго положенія, грозившаго, несомнѣнно, смертельною опасностью. Перекрестившись попъ Симеонъ рѣшительно направилъ лодку прямо въ буруны, стараясь только выбрать ровное, песчаное мѣсто.

— Выбрасываться будемъ, предупредилъ онъ добровольцевъ, не замѣтившихъ ловкаго маневра.

— Зачѣмъ? удивился Наумовъ которому казалось что все идетъ какъ нельзя лучше.

— Непогода будетъ, лаконически объяснилъ попъ Симеонъ, мотнувъ львиною головою на сѣверо-западъ, отъ котораго быстро надвигалась темная, грозная туча.

— Опять, значитъ, купаться будемъ, весело замѣтилъ Головлевъ, видимо щеголявшій предъ товарищами своею отвагою.

— Будемъ, невольно улыбнулся миссіонеръ—а пока, держись крѣпче!..

Всѣ ухватились за банки. Лодку подбросило почти на сажень и съ розмаху кинуло затѣмъ въ какой-то адскій хаосъ буруновъ. Обѣ мачты слетѣли, точно срубленныя топоромъ. Кто-то вскрикнулъ, но этотъ отчаянный крикъ моментательно былъ заглушенъ яростнымъ ревомъ волнъ, разомъ набросившихся на лодку со всѣхъ сторонъ. Все скрылось въ дикомъ хаосѣ морской пѣны и брызгъ... Прошло нѣсколько мгновеній, и среди клокочущихъ волнъ показалась львиная, могучая голова попа Симеона, смѣло и богатырски выгребавшаго къ песчаной отмели. Рядомъ съ нимъ мелькнули другія головы, но тотчасъ же исчезли подъ новой, грозно нахлынувшей, волной. Надъ бурунами господствовалъ лишь попъ Симеонъ, видимо не желавшій покинуть товарищей по несчастью на жестокій произволъ разбушевавшейся стихіи. Вотъ головы добровольцевъ появи-

лись вновь и начали постепенно приближаться къ спасительному берегу. Миссіонеръ, несмотря на сильно намокшую одежду, держался на волнахъ, какъ дельфинъ, переплывая отъ одного утопающаго къ другому и поддерживая богатырскою рукою болѣе истомленныхъ и слабыхъ... Борьба людей со стихіей шла отчаянная, но въ то же время мужественная, и... люди, наконецъ, одолѣли... Впрочемъ не всѣ...

— Багажева нѣтъ! замѣтилъ Головлевъ, едва переводя дыханіе послѣ только-что вынесенной, жестокой схватки съ бурунами.

— Погибъ, глухо проговорилъ попъ Симеонъ, уже успѣвшій оглядѣть зоркимъ глазомъ поверхность бушующаго моря, на волнахъ котораго тяжело колыхалась лишь опрокинутая лодка, постепенно прибиваемая бурунами къ песчаной отмели.

— Вѣрно его мачтой сшибло, высказалъ свое предположеніе Наумовъ, выжимая изъ полушубка потоки соленой воды.

— Я слышалъ, какъ онъ вскрикнулъ, когда мачты упали, подтвердилъ Вахрушевъ и глубоко вздохнулъ о погибшемъ другѣ.

— Э-эхъ, жалко бѣднягу!.,— Упокой, Господи, усопшаго раба твоего, съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ попъ Симеонъ и трижды перекрестился.— А вы, дѣтки, не унывайте, энергично обратился онъ затѣмъ къ добровольцамъ.— Раскладывайте скорѣй изъ сушника костеръ, да обсушивайтесь, а я тѣмъ временемъ лодочку на песокъ выволоку, да кое-какіе пожитки..

Черезъ полчаса, на песчаномъ прибрежьѣ уже пылалъ яркій костеръ, пламя котораго все росло и росло, раздуваемое сиирѣпымъ вихремъ, налетѣвшимъ со снѣгомъ отъ сѣверо-запада. Не было сомнѣнія, что добровольцы достигли спасительнаго берега какъ разъ во время. Въ морѣ разыгрался жестокій штормъ, преисполненный грознаго величія и поразительный по силѣ. Казалось, Зевсъ, Борей и Нептунъ, дружно сплотив-

шись, задались демоническимъ намѣреніемъ обратить вселенную въ первобытное, хаотическое состояніе. Воздухъ дрожалъ отъ оглушающаго рева буруновъ. Гигантскія, пѣнистыя волны яростно лѣзли на островъ и съ грохотомъ обрушивались на одинокія скалы, обдавая ихъ брызгами и клочьями пѣны. Столѣтнія сосны и ели покорно гнули свои гордыя, опушенныя снѣгомъ, вершины подъ могучимъ натискомъ вихря, со стономъ несшаго тучи льдистой пыли...

Добровольцы были принуждены оставить песчаное прибрежье и искать убѣжища отъ непогоды въ ближайшей чащѣ дѣвственнаго лѣса, до котораго добрались съ величайшимъ трудомъ, утопая по поясъ въ снѣжныхъ сугробахъ. Вновь развели костеръ. Яркое пламя фантастически освѣтило ближайшія вѣковыя деревья, угрюмо стоявшія сплошною стѣной, словно грозные стражи на рубежѣ многовѣковой, таинственной, страшной, необъятной тайги. Молча усѣлись вокругъ костра измученные добровольцы и стали опять просушивать на себѣ закорузлые полушубки, сапоги и исподнее платье. Всѣхъ трясла лихорадка; зубъ не попадалъ на зубъ. Даже попа Симеона коробило и ломало, но онъ, по обыкновенію не обращая вниманія на физическій недугъ и, едва обсушившись, занялся опять просушкой денегъ. Миссіонеру хотѣлось, во что бы то ни стало, доставить ввѣренныя ему сорокъ тысячъ рублей въ возможной сохранности и тѣмъ вполнѣ оправдать высокое довѣріе уважаемаго Ивана Петровича. Эти выцвѣтшія, измятыя кредитныя бумажки были для него дороже собственной жизни; онъ ухаживалъ за ними съ бо̀льшимъ вниманіемъ и теплотою, чѣмъ мать могла бы ухаживать за любимымъ дѣтищемъ. Въ каждой депозиткѣ миссіонеръ какъ-бы осязалъ каплю жизни голодающаго въ Аннѣ батальона и горѣлъ желаніемъ доставить всѣ эти капли съ тѣмъ-же героическимъ самоотверженіемъ, съ какимъ сказочные богатыри добывали и доставляли капли живой воды.

Обогрѣвшись у пылающаго костра, добровольцы оживились. Головлевъ вспомнилъ объ ужинѣ:

— Лопать хочется, а лопать нечего...

— Вѣрно твое слово, подтвердилъ Наумовъ.—Все, почитай, на этотъ разъ погибло: только лодку, да весла успѣлъ батюшка спасти...

— Какъ разсвѣтетъ, такъ и пищу найдемъ: Богъ не безъ милости, замѣтилъ попъ Симеонъ, продолжая просушивать предъ костромъ деньги.

— Дай Господи, а то съ голоду придется помереть, проговорилъ Вахрушевъ, подставляя къ огню то бокъ, то спину, то грудь.

— А погода-то какъ стонетъ—страсть! вставилъ свое слово Стручковъ, прислушиваясь къ реву вѣтра и грозному рокотанію буруновъ.

— Господь и на этотъ разъ помиловалъ насъ, сказалъ попъ Симеонъ.—Во-время до берега добрались, и лодочка опять съ нами... Правда, придется много потрудиться надъ ней, но ничего—постараемся опять починить...

— А долго просидимъ въ этой трущобѣ? полюбопытствовалъ Головлевъ.

— Все отъ Бога, отвѣтилъ миссіонеръ.—Взыщетъ Всевышній насъ своею милостью, такъ дня черезъ три и въ дальнѣйшій путь тронемся... Только бы погодка стихла...

— А ѣсть-то что будемъ? спросилъ сильно проголодавшійся Наумовъ.

— Богъ пошлетъ—не оставитъ, сказалъ попъ Симеонъ увѣреннымъ, задушевнымъ голосомъ, проникшимъ до самаго сердца каторжныхъ, разомъ охваченныхъ ободряющей надеждой, что «Богъ, дѣйствительно, не оставитъ»...

Сомнѣнія и тревоги исчезли, точно ихъ не бывало. Добровольцы повеселѣли и съ бодрымъ духомъ расположились на ночь вокругъ костра. Попъ Симеонъ остался на стражѣ, желая предоставить болѣе истомленнымъ товарищамъ по несчастію необходимый, оживляющій отдыхъ.

X.

Наступила ночь. Вьюга прекратилась. Жестокій штормъ продолжалъ ревѣть при прояснившемся небѣ, злобно потрясая мохнатыми вершинами вѣковыхъ деревьевъ. Попъ Симеонъ сидѣлъ у костра, изрѣдка подбрасывая въ него охапки хвороста и даже цѣлые сучья, которые обламывалъ богатырскими руками съ ближайшихъ сосенъ и елей. Въ то же время, онъ не переставалъ слѣдить за спящими, донельзя уставшими добровольцами, охраняя ихъ отъ всевозможныхъ случайностей, столь обыкновенныхъ при условіяхъ подобной ночевки въ глухой тайгѣ, предъ пылающимъ костромъ и въ морозъ. Попъ Симеонъ не смущался окружающимъ хаосомъ; его не пугали грозный стонъ тайги, мракъ глухой, осенней ночи и яростные порывы разбушевавшейся стихіи. Продолжительныя прежнія странствованія миссіонера по сахалинскимъ трущобамъ освоили его съ ихъ ужасами и опасностями. Не разъ ему приходилось встрѣчать смерть лицомъ къ лицу—и всегда онъ выходилъ изъ грозныхъ затрудненій невредимымъ. Онъ былъ увѣренъ, что Провидѣніе не покинетъ его и въ настоящіе тяжелые дни, и эта увѣренность преисполняла его непоколебимымъ мужествомъ. Сидя у костра, попъ Симеонъ обдумывалъ дальнѣйшее плаваніе до Корсаковскаго, до котораго оставалось еще около ста миль. Тщательный осмотръ лодки, произведенный послѣ второго ея крушенія, далъ крайне неутѣшительные результаты. Лодка напоминала рѣшето, съ поломанными бортами, рулемъ и шпангоутами (ребрами); починить ее возможно только поверхностно; о капитальномъ исправленіи нельзя было и думать, даже при обладаніи всѣми необходимыми инструментами и матеріалами. Между тѣмъ, матеріаловъ не было; изъ инструментовъ сохранился лишь топоръ: миссіонеръ успѣлъ засунуть его за поясъ еще предъ первымъ выбрасыва-

ніемъ на берегъ, хорошо сознавая крайнюю нужду въ немъ при наступившихъ суровыхъ обстоятельствахъ. Съ тѣхъ поръ онъ не разставался съ топоромъ, благодаря чему удалось спасти его и во второй разъ. Перебирая въ головѣ трудности дальнѣйшаго путешествія, попъ Симеонъ окончательно рѣшилъ слѣдовать до Анивы вдоль самаго берега. Правда, онъ рисковалъ, при этихъ условіяхъ плаванія, быть выброшеннымъ бурунами, каждую минуту, на тысячи скалъ, разбросанныхъ по всему прибрежью; но эта бѣда казалась ему ничтожною сравнительно съ громаднымъ рискомъ плаванія въ отдаленіи отъ острова, на лодкѣ, могущей разсыпаться теперь совершенно неожиданно и пойти ко дну раньше, чѣмъ успѣли бы дойти на ней до берега.

Обстоятельно обдумывая всѣ предстоящія трудности, попъ Симеонъ случайно вскинулъ глаза на чащу и тотчасъ же замѣтилъ въ ней два горящихъ уголька. Не было сомнѣнія, что это высматривалъ добычу гроза и страшилище сибирскихъ лѣсовъ—чернобурый медвѣдь, единственное хищное животное на Сахалинѣ. Миссіонеръ быстро приподнялся, вытащилъ изъ-за пояса топоръ и, осѣненный внезапною, смѣлою мыслью, отважно двинулся къ хищнику, готовившемуся, повидимому, сдѣлать нечаянное нападеніе на одного изъ спящихъ каторжниковъ. Очевидно, звѣрь былъ страшно голоденъ, если рискнулъ выйти изъ чащи, не пугаясь пылающаго костра. Увидя приближавшагося миссіонера, медвѣдь глухо зарычалъ, поднялся на заднія лапы и грозно пошелъ на встрѣчу, страшно вращая глазами, налившимися кровью. Это было громадное, косматое чудовище, почти на цѣлый аршинъ выше попа Симеона. Послѣдній не дрогнулъ, но только пріостановился и сталъ отважно ждать приближенія хищника. Медвѣдь, освѣщенный красноватымъ пламенемъ костра, продолжалъ итти впередъ, щелкая зубами, словно предвкушая извѣданную имъ, вѣроятно, сладость человѣческаго мяса. Вотъ, онъ уже вытянулъ переднія лапы и широко раскрылъ пасть...

Еще моментъ, и хищникъ схватитъ въ свои могучія, смертельныя объятія мужественнаго миссіонера... Но попъ Симеонъ не дремалъ: ловко увернулся онъ отъ мохнатыхъ лапъ и взмахнулъ топоромъ... Раздался ужасающій ревъ, и звѣрь, съ раскроенной головой, съ размаху грохнулся на снѣгъ, орошая послѣдній кровью... Добровольцы, разбуженные рявканьемъ медвѣдя, вскочили на ноги и растерянно глядѣли на поверженнаго хищника, который бился въ предсмертныхъ судорогахъ, разметывая лапами снѣгъ и безсильно щелкая челюстями...

Попъ Симеонъ хладнокровно засунулъ за поясъ окровавленный топоръ и спокойно проговорилъ:

— Господь смилостивился и послалъ намъ знатную закуску... Теперь не пропадемъ съ голоду...

— Богатырь ты, батюшка! съ восторженнымъ умиленіемъ воскликнулъ Головлевъ, съ удивленіемъ разглядывая громадную тушу медвѣдя, недвижно уже распластавшагося на снѣгу.

— Вѣрно, что богатырь! подтвердили остальные каторжные. — Ишь, какого важнаго звѣря топоромъ положилъ!

— Богъ помогъ, скромно проговорилъ попъ Симеонъ и затѣмъ приказалъ:—Волочите его ближе къ костру, распластаемъ, да и зажаримъ... Ѣсть, вѣдь, хотите?..

Четверо каторжныхъ безпрекословно ухватились за медвѣжьи лапы и съ трудомъ подтащили хищника къ костру. Опытной рукой бывалаго охотника, миссіонеръ распотрошилъ медвѣдя, снялъ шкуру и распласталъ его затѣмъ на нѣсколько отдѣльныхъ кусковъ. Спустя четверть часа, отъ костра пошелъ аппетитный запахъ жаренаго на угольяхъ мяса... Добровольцы покушали такъ плотно, какъ никогда не ѣдали даже въ родномъ селѣ, не говоря уже о каторгѣ.

Питаясь медвѣжатиной, добровольцы прожили на безлюдномъ, пустынномъ берегу четыре дня, въ теченіе которыхъ лодка опять была приведена, общими усиліями, если не въ надежное, то хотя, видимо, въ исправное состояніе. Во всякомъ случаѣ, попъ Симеонъ надѣялся добраться на ней до Анивы, тѣмъ болѣе, что штормъ прекратился и наступило временное затишье. Даже буруны значительно улеглись и едва лизали скалистое побережье. Надо было пользоваться благопріятной погодой, и добровольцы съ прежнею отвагою пустились въ дальнѣйшій путь, захвативъ съ собой нѣсколько пудовъ зажаренной медвѣжатины... Шли подъ самымъ берегомъ, преимущественно подъ веслами, потому что паруса превратились въ какіе-то безобразные клочья, не приносившіе существенной пользы. Съ заходомъ солнца, приставали къ острову, выбирая удобныя для стоянки мѣста, приставали съ исключительною цѣлью передохнуть, обогрѣться около костра и обсушиться. Послѣднее было особенно необходимо, потому что лодка текла и постоянно была наполнена водой почти наполовину. Добровольцамъ приходилось, такимъ образомъ, цѣлыми днями сидѣть по щеколду въ водѣ и мерзнуть отъ стужи; но никто не унывалъ, предвидя скорое окончаніе тяжелаго путешествія...

Къ вечеру, на пятыя сутки, показались привѣтливые огоньки Корсаковскаго поста.

— Вотъ и постъ! радостно воскликнулъ попъ Симеонъ, и первый разъ въ жизни изъ его широкой, богатырской груди вырвалось могучее, раскатистое „ура"...

Каторжники оглянулись на берегъ, и, увидѣвъ признаки жилья, восторженно подхватили вырвавшійся крикъ богатыря-миссіонера. На глазахъ у всѣхъ показались слезы умиленія, и каждый искренно возблагодарилъ Всевышняго за благополучное окончаніе опаснаго, донельзя тяжелаго, плаванія...

Безвучно прибыли добровольцы въ постъ. Попъ Симеонъ едва отыскалъ того, на чье имя были адресованы

сорокъ тысячъ рублей. „Человѣкъ берега“ встрѣтилъ миссіонера холодно; строго оглядѣлъ его закорузлый полушубокъ и порыжѣвшіе, растрескавшіеся сапоги; мелькомъ взглянулъ на измученное, исхудавшее лицо и озадачилъ вдругъ неожиданнымъ, сердитымъ вопросомъ:

— Отчего бумажки подмочены?

Попъ Симеонъ не далъ требуемаго отвѣта; онъ лишь глубоко вздохнулъ и молча вышелъ изъ кабинета строгаго начальника.

Такъ отблагодарили отважнаго миссіонера за его самоотверженную услугу, о которой никто бы и не вспомнилъ, если бы намъ не вздумалось разсказать о ней...

УНЕСЕННЫЕ ВЪ МОРЕ.

(Разсказъ изъ быта ловцовъ морской капусты).

I.

Съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, обыкновенно, подымается на ноги все бездомное населеніе многолюдной Маньчжуріи. Китайскіе бродяги толпами переходятъ въ сосѣдній Уссурійскій край, представляющій для нихъ обширное поприще всевозможныхъ промысловъ. Земля привлекаетъ въ наши предѣлы подонки китайскаго населенія сокрытымъ въ ней золотомъ и драгоцѣннымъ, цѣлебнымъ корнемъ жингъ-зенгъ, имѣющимъ одинаковую цѣнность съ золотомъ, а море,—неистощимыми богатствами трепанговъ *) и морской капусты **). Ловля морской капусты и трепанговъ производилась еще недавно въ нашихъ водахъ безъ всякаго стѣсненія со стороны нашей администраціи; производилась безконтрольно и безпошлинно совершенно чуждыми намъ бродягами, распоряжавшимися

*) Трепанги—особый видъ морскихъ червей, принадлежащихъ къ числу наиболѣе лакомыхъ китайскихъ блюдъ.

**) Морская капуста—видъ морской водоросли Fucus—любимое кушанье китайцевъ.

въ нашихъ предѣлахъ съ бо̀льшимъ нахальствомъ и своеволіемъ, чѣмъ у себя дома. Тысячи китайскихъ *негодяевъ, неимѣвшихъ дѣла на родинѣ, то прибывали, Богъ вѣсть откуда, то опять уходили, никого не признавая, не давая никому отчета* въ своихъ дѣйствіяхъ.

Промыселъ морской капусты съ каждымъ годомъ увеличивается. Еще недавно прибывали для ловли одиночные китайцы, промышлявшіе собственно для себя. Теперь-же, богатые хунчунскіе и нингутскіе купцы высылаютъ на промыселъ громадныя партіи ловцовъ, достигающія, нерѣдко до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Партіи высылаются изъ двухъ пограничныхъ маньчжурскихъ городовъ Хунъ-Чуна и Нингуты, нѣсколькими путями. Одинъ изъ нихъ слѣдуютъ прямо къ заливу Посьета, гдѣ на мысѣ Чурхадо. ежегодно зимуютъ по нѣсколько тысячъ лодокъ. Другія партіи доходятъ до залива Славянка, а нѣкоторыя—слѣдуютъ мимо заливовъ Амурскаго, Уссурійскаго и собираются на рѣкахъ Цыму-хе и Сучанъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ промышленники находятъ тысячи лодокъ, совершенно готовыхъ для промысла: одинъ изъ нихъ, оставшіяся послѣ прошлогодняго промысла, другія – новыя, обыкновенно заготовляемыя, за опредѣленную цѣну, осѣдлыми маньцзами, взамѣнъ, пришедшихъ въ негодность. Лодки эти выдалбливаются изъ стволовъ гигантскихъ ильмовъ и, обыкновенно вмѣщаютъ не болѣе пяти ловцовъ... Съ наступленіемъ весны, всѣ эти многочисленныя промышленныя флотиліи выходятъ съ разныхъ пунктовъ на промыселъ, продолжающійся до глубокой осени. Осенью, промышленники свозятъ свою добычу на джонкахъ во Владивостокъ, въ заливъ св. Ольги, въ Находку, въ бухту св. Владиміра и другія, болѣе или менѣе, удобныя прибрежныя мѣста, изъ которыхъ уже, ее забираютъ коммерческія суда для доставки на китайскіе рынки. Нерѣдко, капуста отправляется на большихъ, морскихъ джонкахъ прямо въ Чифу, не смотря на весь рискъ

этого длиннаго, морского перехода на судахъ, напоминающихъ утлыя ладьи древнихъ грековъ...

Промышленники выѣзжаютъ на промыселъ съ небольшими желѣзными вилами, насаженными на длинное тонкое, легкое древко. Выѣхавъ на глубину, не болѣе пяти сажень, они высматриваютъ въ водѣ длинные, волнистые, студенистые листья капусты, ловко обрываютъ ихъ вилами и складываютъ въ лодку. И такъ до солнечнаго захода. Промыселъ этотъ, очевидно, не требуетъ никакихъ приспособленій. Морская капуста, растущая обыкновенно въ большихъ массахъ вылавливается безъ особаго труда и въ значительномъ количествѣ. Каждый промышленникъ можетъ выловить въ хорошій день до пяти пудовъ капусты. Капуста, по доставкѣ на берегъ, прежде всего сушится на солнцѣ и затѣмъ связывается въ пампуши, вѣсомъ въ три пуда каждая.

Ловля морской капусты можетъ производиться только въ совершенно тихіе дни, потому что даже мелкая рябь уже мѣшаетъ высматривать ее на глубинѣ.

По окончаніи промысла, большинство ловцовъ морской капусты возвращаются въ Маньчжурію. Меньшинство-же остается на зиму въ нашихъ предѣлахъ, разсѣеваясь по фанзамъ осѣдлыхъ единоплеменниковъ и проводя время въ праздности, пьянствѣ и азартныхъ играхъ. Для края это праздное, безшабашное населеніе очень опасно. Оно готово, при каждомъ удобномъ случаѣ, завести серіезные безпорядки, могущіе имѣть тяжкія послѣдствія. Прошедшая исторія молодого края уже доказала, что можно ожидать отъ бездѣльнаго сброда, каждую минуту готоваго перейти отъ мирнаго промысла къ убійствамъ, грабежамъ и разбойничьимъ набѣгамъ. Достаточно вспомнить пресловутое маньцзовское возстаніе, возникшее изъ-за пустяковъ и повлекшее за собой сожженіе нѣсколькихъ русскихъ поселеній, грабежи и убійства какъ русскихъ переселенцевъ, такъ и преданныхъ намъ инородцевъ. Пламя возстанія охватило почти весь

Южно-Уссурійскій край, при чемъ нашему аванпосту на берегахъ Великаго океана, Владивостоку, грозила серьезная опасность. Сравнительно благополучный исходъ маньзовскаго возстанія объясняется нерѣшительностью китайскихъ выходцевъ, опасавшихся сосредоточенія на пути ихъ истребительнаго движенія, значительныхъ военныхъ силъ. Они не знали, что мѣстныя власти едва могли собрать въ то время и двинуть противъ хищниковъ всего двѣсти человѣкъ казаковъ и плохо вооруженныхъ крестьянъ...

II.

Солнце медленно склоняется за хребетъ Сихотэ-Алинъ Ряды куполоподобныхъ, щетинистыхъ холмовъ, позлащенныхъ потухающими лучами, тянутся безконечною цѣпью вдоль морского прибрежья, опоясаннаго бѣлоснѣжною пѣною неумолчнаго прибоя. Изрѣдка, холмы выдвигаются на самое побережье и ниспадаютъ въ море въ видѣ отвѣсныхъ, базальтовыхъ скалъ, излизанныхъ морскими волнами. Скалы эти поражаютъ взоры своими причудливыми формами. Это не простыя глыбы голаго, дикаго камня, а цѣлыя архитектурныя сооруженія двухъ могучихъ стихій: вѣтра и воды. Разрушая стихіи эти, въ то же время, сооружаютъ, создаютъ, рождаютъ. Фантазія ихъ неистощима, какъ неистощима сама природа. Вѣтеръ и морская волна оказываютъ взаимную помощь въ созданіи изъ базальтовыхъ скалъ причудливыхъ сооруженій. Обѣ стихіи дополняютъ одна другую. Начатое неутомимыми, могучими морскими волнами быстро заканчивается вѣтромъ... Едва успѣетъ Борей придать вершинѣ скалы фантастическую, дивную форму сказочнаго замка или храма, какъ уже морская волна спѣшитъ создать въ ихъ подножіи чудныя арки, ворота, гроты и висячіе волшебные мосты, увѣнчанные, точеными колоннами и причудливыми перилами. Разсыпчатыя, зеленоватыя массы перлита, прорѣзан-

ныя множествомъ бѣлыхъ кварцевыхъ нитей и прожилокъ, особенно легко подчиняются могучей, прихотливой работѣ волнъ. Быстро вывѣтриваясь, перлитъ принимаетъ самыя фантастическія формы, измѣняя свой зеленоватый цвѣтъ, подъ вліяніемъ разрушающихъ атмосферныхъ дѣятелей, то въ темно-коричневый, то въ блестящій, голубовато-сѣрый... Вершины этихъ величественныхъ, стихійныхъ сооруженій увѣнчаны мохнатыми шапками разнообразныхъ деревьевъ. То здѣсь, то тамъ, изъ боковыхъ трещинъ скалъ, силятся поднять къ небу свои вершины могучіе ильмы, затѣйливо изгибая стволы и цѣпляясь корнями за мягкую почву перлита. Нѣкоторыя деревья, словно присосались къ отвѣсной скалѣ, какимъ то чудомъ сохраняя почти невозможное равновѣсіе. Другія—точно повисли въ воздухѣ, склонившись надъ зеленоватыми волнами вѣчно рокочущаго моря...

Темныя тѣни легли на вершины холмовъ. Изъ падей и ущелій таинственнаго Сихотэ-Алинъ потянуло пронизывающей сыростью и рѣзкимъ холодомъ осенней ночи. Прибрежье погрузилось въ едва проницаемый мракъ; только у подножія базальтовыхъ скалъ мерцаетъ фосфорическимъ огнемъ безконечная линія неутомимаго прибоя. Кажется уснуло все: и суша и море. Тихо вокругъ, мертво. Около скалъ царствуетъ подавляющее безмолвіе. Между тѣмъ въ полумилѣ отъ нихъ, въ одной изъ небольшихъ, хорошо закрытыхъ бухтъ, щедро разбросанныхъ природой по всему прибрежью Японскаго моря, кипитъ жизнь и лихорадочная дѣятельность. Множество костровъ привѣтливо пылаетъ на ровномъ, песчаномъ побережьѣ, фантастически освѣщая зеркальную поверхность бухты и плотный рядъ большихъ долбленныхъ лодокъ, вытащенныхъ на песокъ. Нѣсколько сотъ ловцовъ морской капусты, едва прикрытыхъ грязными рубищами, копошатся вокругъ лодокъ и, молча, угрюмо, спѣшатъ выгрузить изъ нихъ дневную добычу морской капусты и трепанговъ...

Около ярко пылающихъ костровъ также кипитъ своеобразная дѣятельность. Десятки поваровъ торопятся выложить изъ большихъ котловъ въ деревянныя чашки только что сваренное просо, опасаясь возбудить неудовольствіе и брань проголодавшихся и уставшихъ товарищей... Но вотъ чашки наполнены и симметрично разставлены прямо на землю, вокругъ костровъ. Тутъ-же поставлены большіе глиняные кувшины съ ханшиномъ—любимымъ спиртнымъ напиткомъ промышленниковъ-китайцевъ. Повара отерли рукавами халатовъ запотѣвшіе лбы, еще разъ внимательно оглядѣлись и, точно по командѣ, пронзительно, дружно крикнули „чуфанъ!“ (обѣдать). Многіе сморщенные лбы разгладились при этомъ призывномъ крикѣ; на губахъ появились улыбки. Работа возлѣ лодокъ закипѣла еще быстрѣе и оживленнѣе. Послышался гортанный, шутливый говоръ, прерываемый пронзительными взвизгами и дикимъ гоготаньемъ повеселѣвшихъ промышленниковъ.

— Гайда, гайда!.. шевели руками, шевели! раздавались взаимно-одобрительные крики.

— Чуфанъ, чуфанъ! радостно ревѣлъ рослый промышленникъ, повидимому очень проголодавшійся послѣ усиленнаго дневного труда.

Въ двѣ, три минуты работа была закончена, и толпа быстро разбрелась по шалашамъ, наскоро выстроеннымъ въ тѣни дубовой рощи, изъ древесныхъ сучьевъ и прогнившихъ циновокъ. Захвативъ по небольшой глиняной чашечкѣ и по парѣ тоненькихъ палочекъ, замѣняющихъ китайцамъ ножи и вилки, ловцы морской капусты поспѣшили къ кострамъ, къ горамъ круто сваренаго проса и длиннымъ рядамъ заманчивыхъ кувшиновъ съ ханшиномъ... Разсѣлись... Яркое пламя костровъ освѣщаетъ суровыя, испитыя лица промышленниковъ. Ѣдятъ молча, съ жадностью сильно проголодавшихся волковъ. Горы проса быстро исчезаютъ; кувшины съ ханшиномъ высушиваются почти моментально. Поѣли... Повара живо убрали

пустыя чашки и кувшины. Промышленники разсѣлись, на корточкахъ, вокругъ костровъ, вытащили изъ кисетовъ миніатюрныя трубочки и задымили отвратительной махоркой. Всѣ замѣтно повеселѣли. Послышался оживленный разговоръ, среди котораго нерѣдко прорывался рѣзкій, гортанный смѣхъ. Кое-гдѣ появились засаленныя карты. Подъ открытымъ небомъ, при свѣтѣ пылавшихъ костровъ, началась азартная игра, до которой китайцы большіе охотники. Денегъ ни у кого нѣтъ. Игроки, въ большинствѣ случаевъ голыши, нищіе, едва прикрытые рваными халатами. Играютъ въ счетъ будущихъ заработковъ. На карту ставятъ до послѣдняго чоха. Не брезгаютъ даже засаленными рубищами и полусгнившими онучами. Въ уплату проигрыша принимаютъ рѣшительно все, по взаимной оцѣнкѣ, даже, повидимому, никуда негодные обрывки одежды и обломки трубокъ, чашекъ и другихъ предметовъ нищенскаго обихода промышленниковъ...

Время течетъ незамѣтно. Игроки, охваченные низкою страстью, забыли о необходимомъ, послѣ трудового дня, отдыхѣ. Спать имъ не хочется... Съ каждой минутой игра разгорается все сильнѣй и сильнѣй. Нѣкоторые, наиболѣе азартные игроки, проигравъ весь будущій заработокъ, все наличное движимое имущество, ставятъ на карту свою свободу. Закабаливъ себя до болѣе счастливаго времени, они отходятъ отъ играющихъ, блѣдные, съ посинѣвшими губами, съ глазами, налитыми кровью и сверкающими зловѣщимъ огнемъ. Руки ихъ судорожно сжимаютъ рукоятки острыхъ ножей... Съ какимъ наслажденіемъ они всадили-бы эти ножи въ горло своихъ, болѣе счастливыхъ партнеровъ! Ихъ сдерживаетъ только страхъ жестокой, мучительной смерти. Они хорошо знаютъ, что, при первомъ покушеніи на жизнь товарища, ихъ ожидаетъ судъ и затѣмъ самое безпощадное, немилосердное возмездіе по законамъ тайги: око за око, зубъ за зубъ!.. И невольно, они таятъ злобу въ своемъ кровожадномъ сердцѣ, таятъ

до поры, до времени... Наступила полночь. Большинство промышленниковъ уже разбрелось по шалашамъ и предалось тревожному сну. Несмотря на звѣриныя шкуры, въ которыя плотно завернулись ловцы морской капусты, рѣзкій холодъ осенней ночи и сырость пронизываютъ ихъ насквозь и заставляютъ ворочаться съ боку на бокъ... Ворочается въ своемъ шалашѣ и приказчикъ промысловой партіи Хо-хо, довѣренный богатаго хунъ-чунскаго купца Нитy. Не спится ему отъ холода и отъ заботъ, въ виду предстоящей на утро отправки въ Чи-фу большой джонки съ грузомъ морской капусты и трепанговъ. Боится Хо-хо, что промышленники проспятъ и не успѣютъ нагрузить джонку для отправки въ рискованное плаваніе. Его начинаетъ тяготить тревожная мысль: уснули-ли всѣ, не заигрались-ли въ карты? Эта мысль особенно безпокоитъ Хо-хо въ виду того обстоятельства, что онъ уже-не разъ замѣчалъ, что игроки, послѣ безсонной ночи, обыкновенно, работаютъ въ высшей степени вяло и нехотя подаютъ другимъ промышленникамъ дурной примѣръ нерадивости и лѣни. Долго ворочался Хо-хо съ боку на бокъ, тревожимый неотвязчивою мыслью, и, наконецъ, рѣшился удостовѣриться, насколько промышленники исполнили его приказаніе не заигрываться. Наскоро накинувъ халатъ, завернувшись въ звѣриную шкуру, Хо-хо вышелъ изъ шалаша и зорко осмотрѣлъ пылающіе ночные костры. У одного изъ нихъ темнѣли силуэты десятка полтора промышленниковъ. Не было никакого сомнѣнія, что они играли, играли съ необузданнымъ азартомъ: то вскакивали, то присаживались на корточки, размахивали подъ носомъ другъ у друга руками и неистово бранились, но бранились сдавленнымъ голосомъ, изъ боязни разбудить свирѣпаго приказчика и полновластнаго владыку Хо-хо.

— Черти, дьяволы!.. со злобой прохрипѣлъ взбѣшенный Хо-хо, обозленный неповиновеніемъ промышленниковъ... Я васъ проучу!..

Захвативъ изъ шалаша толстую, сложенную вдвое,

веревку, приказчикъ осторожно подкрался къ увлекшимся игрокамъ и вдругъ началъ нещадно хлестать ихъ прямо по головамъ, пронзительно выкрикивая и скрежеща отъ злости зубами:

— Дьяволы тупоголовые!.. хозяйское время воруете... Вотъ вамъ, вотъ вамъ зарубки на головы!..

Игроки, не ожидавшіе такого стремительнаго нападенія Хо-хо, первое время ошалѣли до того, что даже не спѣшили укрыться отъ быстро падавшихъ ударовъ. Но вотъ они, наконецъ, опомнились и съ визгомъ разбѣжались по шалашамъ, оставивъ во власти свирѣпаго приказчика свои засаленныя карты. Хо-хо не замедлилъ засунуть ихъ за пазуху, справедливо думая, что онѣ могутъ ему пригодиться. За пазуху-же были припрятаны оставленныя игроками двѣ трубки, кисетъ съ табакомъ и огниво. Прибирая эти вещи, Хо-хо очень напоминалъ сытаго барса, отнимающаго единственную кость у голодныхъ шакаловъ... Пріобрѣтенные трофеи вознаградили Хо-хо за ночную вылазку, и онъ возвратился въ свой шалашъ, вполнѣ успокоенный и удовлетворенный. Вскорѣ, въ становищѣ наступила мертвая тишина, изрѣдка нарушаемая перекрикиваніемъ разставленныхъ часовыхъ.

III.

Было еще темно, когда Хо-хо поднялъ промышленниковъ на ноги и заставилъ ихъ нагружать морской капустой и трепангами большую джонку, неподвижно стоявшую на якорѣ посреди бухты. Къ солнечному восходу работа была окончена. Оставалось назначить на джонку капитана и матросовъ. Желающихъ побывать въ Чи-фу было много. Почти каждый промышленникъ мечталъ о назначеніи на джонку, отправляющуюся въ продолжительное плаваніе. Никто не думалъ о предстоящихъ опасностяхъ морского перехода въ нѣсколько сотъ миль. Каждому хотѣлось возвратиться на родину

пораньше и избавиться отъ крайне тяжелаго осенняго лова морской капусты.

Хо-хо отлично зналъ общее желаніе промышленниковъ побывать въ Чи-фу, а потому имѣлъ полную возможность сдѣлать наилучшій выборъ. Онъ вышелъ изъ своего шалаша со сверткомъ бумаги и окинулъ высокомѣрнымъ взглядомъ ловцовъ, столпившихся на берегу и безмолвно ожидавшихъ назначенія команды джонки.

— Все готово! проговорилъ Хо-хо, разсматривая принесенный свертокъ бумаги. На джонку назначаю капитаномъ До-чана. Онъ уже не разъ ходилъ въ Чи-фу и свое дѣло знаетъ хорошо... Гей, До-чанъ, выходи сюда!.. крикнулъ приказчикъ.

Изъ толпы промышленниковъ медленно вышелъ рослый, пожилой китаецъ атлетическаго тѣлосложенія и молча остановился передъ приказчикомъ.

— Въ помощь До-чану назначаю Хоц-лая, продолжалъ Хо-хо. Гей, Хоц-лай, выходи!.. Матросами пойдутъ: Тео-квн, Ляп-хо, Псу-тунъ, Ян-чи и Сан-мо... Шевелись!.. Неповоротливые черепахи!..

Медленно, словно нехотя, вышли изъ толпы и присоединились къ До-чану шестеро здоровыхъ промышленниковъ, едва прикрытыхъ грязными рубищами. Ихъ обвѣтрившіяся, апатичныя лица не выражали ни радости, ни огорченія. Они остались совершенно невозмутимыми, хотя въ душѣ сильно ликовали по случаю выпавшаго счастья побывать въ Чи-фу раньше товарищей.

— Готово! проговорилъ Хо-хо, запихивая свертокъ бумаги въ широчайшій и бездонный, повидимому, карманъ. Ну, чего вы пнями стоите, крикнулъ онъ на промышленниковъ, продолжавшихъ толпиться вокругъ счастливцевъ, выбранныхъ въ число команды джонки. Хозяйское время воруете!.. Живо за работу! Шевелись, шевелись, если не хотите попробовать палки! неистовствовалъ Хо-хо, потрясая въ воздухѣ кулаками.

Промышленники молча разбрелись по лодкамъ и начали готовить ихъ къ выѣзду на промыселъ. Они уже

привыкли къ рабскому подчиненію, къ собачьему обращенію свирѣпаго Хо-хо и даже находили это обращеніе вполнѣ естественнымъ и законнымъ. Почти каждый при этомъ вполнѣ оправдывалъ Хо-хо и не чувствовалъ къ нему особенной злобы или неудовольствія.

„Случится, самъ буду приказчикомъ—не такъ еще тряхну. У меня запляшутъ... Кожу съ живого сдеру, въ случаѣ чего“... мечтали многіе изъ промышленниковъ о возможной власти, лѣниво сталкивая на воду неуклюжія лодки.

Хо-хо успокоился, замѣтивъ, что всѣ разбрелись по работамъ.

— Ну, До-чанъ, отправляйся, отправляйся, снисходительно обратился онъ къ только что назначенному капитану джонки. Довези товаръ благополучно и сдай хозяину... Да поможетъ тебѣ божественный Фо!..

— Прощай! просто проговорилъ До-чанъ и протянулъ приказчику свою огромную, мозолистую руку.

— Прощай, прощай! повторили остальные промышленники, въ свою очередь пожимая руку Хо-хо.

— Да поможетъ вамъ всѣмъ божественный Фо!.. проговорилъ приказчикъ, отвѣчая на пожатія работниковъ. Въ данномъ случаѣ, онъ сошелъ съ своего пьедестала, считая назначенныхъ въ плаваніе работниковъ какъ бы уже выдѣлившимися изъ-подъ его власти и вполнѣ подчиненными другому почетному лицу, вновь назначенному капитану джонки.

Спустя полчаса, До-чанъ и матросы уже были на джонкѣ. Осмотрѣвъ, хорошо ли привязана бочка съ прѣсной водой, достаточно-ли приготовлено дровъ для варки пищи, До-чанъ всталъ на руль, и черезъ минуту раздалась его визглявая команда:

— Хоц-лай, вытаскивай якорь!.. Эй, Псу-тунъ, Лянхо, Теокви, ступайте, помогите Хоц-лаю!.. Ян-чи и Сан-мо, подымайте паруса!.. Шевелите руками, шевелите!..

Заскрипѣлъ неуклюжій, деревянный воротъ подъ

дружными руками Хоц-лая и товарищей, наматывая на себя мокрый, толстый, свитый изъ травы якорный канатъ. Завизжали несмазанные блоки, и большой, прошитый бамбуковыми тростями, парусъ медленно сталъ растягиваться вдоль высокой гротъ-мачты.

— О... о!.. И... о!.. А... ö! визгливо, дружно выкрикивали матросы, флегматически перебирая руками снасти.

Поднявъ гротъ, Ян-чи и Сан-мо перешли на носъ и подняли передній парусъ, значительно меньшихъ размѣровъ и служащій для поворотовъ при лавировкѣ. Ровный, береговой вѣтерокъ ударилъ въ плоскую грудь парусовъ. До-чанъ налегъ на руль. Якорь отдѣлился отъ грунта и джонка, почувствовавъ свободу, дрогнула, покачнулась и рванулась впередъ, къ выходу изъ бухты, вспѣнивая воду тупымъ, точно обрѣзаннымъ носомъ.

Убравъ якорь, матросы растянулись на палубѣ и, пригрѣваемые утреннимъ солнцемъ, сладко задремали. Они знали, что дѣло ихъ покончено и они могутъ свободно отдохнуть. Вѣтеръ попутный—по всей вѣроятности, не придется шевельнуть парусомъ до вечера, такъ отчего-же и въ самомъ дѣлѣ не отдохнуть послѣ изнурительной работы на берегу. Теперь никто не помѣшаетъ. Хо-хо далеко и уже не нарушитъ кейфа работниковъ-матросовъ своими здоровыми кулаками и не менѣе здоровой глоткой. Всѣ чувствовали себя какъ-то особенно легко, вырвавшись изъ темницы на свободу...

До-чанъ не тревожилъ товарищей. Онъ хорошо видѣлъ, что дѣлать имъ, при такой благопріятной погодѣ, положительно нечего. Джонка, подгоняемая ровнымъ, попутнымъ вѣтромъ, быстро скользила вдоль крутого, угрюмаго берега, слегка покачиваясь съ борту на бортъ. Море едва волновалось, и то вдали, на горизонтѣ, на просторѣ; подъ защитой берега оно было спокойно и только бороздилось темною рябью. До-чанъ, опасаясь заснуть на рулѣ, затянулъ визгливымъ голосомъ какую-то безконечную пѣсню безъ словъ, голо-

сомъ, напоминавшимъ вой голоднаго шакала. Онъ выл̀ъ до тѣхъ поръ, пока не пересохло въ горл̀ѣ... Наконецъ ему надоѣло драть горло, и онъ занялся энергичной ловлей паразитовъ, ловко перекусывая пл̀ѣненныхъ насѣкомыхъ на переднихъ зубахъ...

Солнце, между тѣмъ, медленно скользитъ по ясному небу, подымаясь все выше и выше. Изрѣдка, До-чанъ сердито взглядываетъ на дневное свѣтило, досадуя, что оно совершаетъ свой путь слишкомъ медленно. Пріятный кейфъ товарищей сильно соблазняетъ его и манитъ ко сну. Нѣсколько разъ онъ собирался подремать на рул̀ѣ, но никакъ не могъ примоститься съ достаточнымъ удобствомъ: то парусомъ ударитъ, то румпелемъ въ бокъ толкнетъ, да такъ еще толкнетъ, что, того и смотри, за бортъ сброситъ. Джонка словно понимаетъ, что и ей пошалить въ это время можно. Едва задремлетъ До-чанъ, она и рванется къ вѣтру, да такъ рванется, что разомъ всѣ паруса заполощутъ. Тутъ уже не зѣвай! Приходится усиленно поработать рулемъ, чтобы направить джонку на прежній курсъ. До сна ли тутъ? А спать между тѣмъ До-чану страшно хочется.

„Наступитъ Цзы-чженъ (полдень) [1])—разбужу Хоцлая... Онъ сядетъ на руль, а я отдохну“, рѣшилъ онъ наконецъ.

[1]) Сутки у китайцевъ дѣлятся на двѣнадцать часовъ, а часъ на двѣ половины: первую и вторую. Каждая половина часа имѣетъ четыре четверти, по 15 минутъ каждая. Такимъ образомъ половина часа состоитъ изъ 60, а цѣлый часъ изъ 120 минутъ. Для измѣренія времени, китайцы употребляютъ солнечные и песочные часы или зажигаютъ пахучіе палочки, особымъ образомъ приготовленныя; по медленному, ровному горѣнію этихъ палочекъ довольно вѣрно опредѣляютъ время. Часы у китайцевъ не имѣютъ, какъ у насъ, числовыхъ названій, а называются именами двѣнадцати животныхъ, соотвѣтствующихъ у нихъ двѣнадцати знакамъ зодіака. Имена этихъ животныхъ слѣдующія: 1) Цзы (мышь), 2) Чеу (волкъ), 3) Инъ (тигръ), 4) Мао (заяцъ), 5) Ченъ (драконъ), 6) Сы (змѣя), 7) Ву (конь), 8) Вей (коза), 9) Шень (обезьяна), 10) Ю (пѣтухъ), 11) Сюй (собака) и 12) Хай (кабанъ). Китайцы къ названію первой половины часа прибавляютъ звукъ «чу», что означаетъ «начало», а къ названію второй половины звукъ «чженъ», что значитъ «ровно». Счетъ часовъ

„Кажется, Цзы-чженъ ужъ наступилъ... Ишь куда солнце забралось, подумалъ старый промышленникъ, по истеченіи немногихъ минутъ, щурясь на яркое дневное свѣтило. „Пора и Хоц-лая будить...“

— Гей, гей, Хоц-лай, вставай! крикнулъ До-чанъ во все горло.

— Чего орешь? сердито проворчалъ Хоц-лай поворачиваясь на другой бокъ.

— Сядь-ко на руль, а я отдохну, проговорилъ До-чанъ, „Хоц-лай, гей, тебѣ, глухому, говорю“! крикнулъ онъ опять во все горло, замѣтивъ, что помощникъ его преисправно захрапѣлъ по старому.

— Ишь! разсердился разбужденный Хоц-лай, нехотя подымаясь съ палубы.

— Ну, ну, не ругайся! Садись на руль, пока по затылку не „треснулъ“, сурово проговорилъ До-чанъ. Довольно надрыхался!..

Хоц-лай не сталъ спорить и взялся за румпель, оглядывая горизонтъ сонными, заплывшими отъ сна, глазами. До-чанъ не замедлилъ растянуться на согрѣтой солнцемъ палубѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ уже спалъ мертвымъ сномъ.

IV.

Хоц-лай просидѣлъ на рулѣ не болѣе часа, какъ уже началъ дремать и клевать носомъ. Изрѣдка онъ оглядывалъ сонными глазами горизонтъ и, пригрѣваемый полуденнымъ солнцемъ, опять отдавался сладостной дремотѣ, крѣпко придерживая подъ мышкой длинный румпель. Море было спокойно. Его, озаренная

начинается съ 11 часовъ пополуночи (по нашему времясчисленію). Такимъ образомъ 11 часовъ пополуночи китайцы называютъ «Цзычу», а полдень «Цзы-чженъ». Обѣ половины составляютъ «часъ мыши». Часъ пополудни имѣетъ названіе «Чеу-чу», а 2 часа пополудни—«Чеу-чженъ». Обѣ половины часа носятъ названіе «часъ волка» и т. д. Полночь по китайской номенклатурѣ зовется «Ву-чженъ», часъ пополуночи—«Вей-чу», два часа—«Вей-чженъ» и т. д.

солнцемъ, поверхность едва рябилась, подъ давленіемъ легкаго берегового вѣтерка. Ничто не предвѣщало бури или непогоды. Джонка легко скользила вдоль берега, едва покачиваясь и сверкая на солнцѣ бѣлыми парусами.

Хоц-лай продолжалъ дремать, все еще оставаясь подъ впечатлѣніемъ только что проведеннаго сладкаго сна. Наконецъ дремать ему надоѣло. Нехотя вытащилъ онъ изъ кисета трубку, набилъ ее табакомъ и закурилъ, искоса поглядывая на дельфиновъ, граціозно кувыркавшихся возлѣ джонки. Быстрыя животныя эти неотступно слѣдовали за джонкой, то перегоняя ее, то опять возвращаясь и какъ бы издѣваясь надъ ея небольшимъ ходомъ. Но вотъ дельфины разомъ скрылись подъ поверхностью моря, словно чего-то испугались. Спустя минуту, они вынырнули, уже вдали отъ джонки, и быстро, торопливо закувыркались къ берегу. Хоц-лай внимательно, пытливо слѣдилъ за ихъ направленіемъ.

«Ой, ой, задуетъ къ вечеру, право задуетъ», подумалъ онъ, не спуская глазъ съ граціозныхъ животныхъ. «Не даромъ перестали они играть и поплыли прямо противъ ряби... Потреплетъ, ой, ой, потреплетъ, если не успѣемъ во время добраться до Пу-суна».

Хоц-лай взглянулъ на солнце, точно разсчитывая, много-ли часовъ осталось еще до сумерекъ. Затѣмъ, онъ пытливо оглядѣлъ горизонтъ, какъ бы желая опредѣлить, съ которой стороны задуетъ, предвѣщаемая дельфинами, непогода.

«Только бы добраться до Пу-суна, а тамъ пускай себѣ реветъ», продолжалъ разсуждать про себя Хоц-лай, флегматически раскуривая потухшую трубку. «Въ Пусунѣ хорошо—отъ всякой погоды отстояться можно... Теперь часъ зайца (шестой часъ) въ началѣ—времени до сумерекъ осталось не много, да и до Пу-суна недалеко... Можетъ быть доберемся!...»

Солнце между тѣмъ медленно склонялось къ темнѣвшему вдали хребту Сихотэ-Алинъ. Промышленни-

камъ надоѣло спать, и они стали подниматься съ палубы. Всталъ и До-чанъ.

— Ѣсть хочется, пробормоталъ онъ зѣвая. Гей, Лян-хо, вари живо буду (просо), да капусту».

Лян-хо не заставилъ повторить приказаніе. Безпрекословно направился онъ къ очагу, устроенному въ носу джонки, и застучалъ горшками и сковородами. Черезъ нѣсколько минутъ въ очагѣ запылалъ привѣтливый огонекъ.

— Не сыграть-ли до ужина», предложилъ Тео-кви, вытаскивая изъ за пазухи засаленныя карты.

Промышленники встрѣтили это пріятное предложеніе съ радостью. Хоц-лай, задремавшій опять было на рулѣ, встрепенулся и не замедлилъ, въ свою очередь, отозваться на предложеніе Тео-кви.

— Идите сюда, на корму, тутъ отлично! крикнулъ онъ товарищамъ.

Игроки усѣлись, на корточкахъ, въ кружокъ, около Хоц-лая, и игра началась. Лян-хо завистливо погдядывалъ на товарищей и спѣшилъ засыпать въ котелъ буду, чтобы присоединиться скорѣй къ игрокамъ. Послѣдніе не замедлили войти въ азартъ, проигрывали другъ другу носильныя рубища, табакъ, трубки и тюбейки, такъ какъ наличныхъ денегъ ни у кого не было. Игроки спорили, ругались, кричали, какъ полоумные, и страшно подзадоривали Лян-хо перемѣнить скорѣй деревянную мѣшалку на карты. Тотъ, наконецъ, не выдержалъ соблазна, бросилъ на произволъ судьбы изготовляемый ужинъ и подсѣлъ къ товарищамъ. Съ каждой минутой игра разгоралась все сильнѣй и сильнѣй. Игроки забыли даже объ ужинѣ и совершенно не замѣтили, какъ наступили сумерки...

Съ берега потянуло пронизывающимъ холодомъ. Поневолѣ, карты пришлось убрать. Тутъ только вспомнили объ ужинѣ. Лян-хо бросился къ очагу; послѣдній давно прогорѣлъ и потухъ. Буда оказалась недоварившеюся, капуста также—хоть выбрасывай все за бортъ. Впрочемъ,

голодные желудки промышленниковъ не стали разсуждать, а черезъ нѣсколько минутъ вся недоварившаяся капуста и будà были уничтожены до послѣдней крохи. Забыли даже выругать невнимательнаго Лян-хо. Изругались, и то слегка, только тогда, когда пересытились.

— «Дрянью накормилъ насъ», проговорилъ Хоц-лай, тяжело дыша отъ страшно переполненнаго желудка.

— «Чтобъ эта будà у тебя въ глоткѣ застряла», погрозился Ян-чи.

— «Заигрался въ карты и не досмотрѣлъ», добавилъ Тео-кви, благодушно потирая животъ.

— «Съѣли все, значитъ хорошо было, ну и молчите»! огрызнулся сконфуженный Лян-хо. «Ступайте спать теперь», добавилъ онъ, пролѣзая черезъ люкъ въ каюту.

— «Безъ тебя знаемъ, что дѣлать», проворчалъ Хоц-лай, опускаясь въ каюту, вслѣдъ за Лян-хо.

Остальные промышленники не замедлили послѣдовать примѣру Хоц-лая. Наверху остался только До-чанъ. Плотно завернувшись въ хозяйскую даху, выданную приказчикомъ Хо-хо для рулевого, До-чанъ зорко поглядывалъ на темный, высокій берегъ, стараясь разглядѣть знакомое устье рѣки Пу-сунъ. Здѣсь старый промышленникъ предполагалъ переночевать и запастись прѣсной водой для дальнѣйшаго плаванія. Вѣтеръ, между тѣмъ, замѣтно свѣжелъ. Джонка, сильно накренившись, быстро неслась вдоль берега, уже окутаннаго сумракомъ наступавшей ночи. Тупой, обрѣзанный, носъ джонки тяжело шлепался по взволнованной поверхности моря, разбрасывая въ обѣ стороны милліоны, фосфорически горящихъ, брызгъ.

Вотъ и знакомый песчаный мысъ, круто завернувшійся передъ устьемъ рѣки Пу-сунъ. До-чанъ налегъ на руль и твердой рукой направилъ джонку къ берегу. Пришлось итти круто, почти противъ вѣтра. Ходъ джонки значительно уменьшился, но тѣмъ не менѣе она продолжала приближаться къ берегу съ упорствомъ

бездушной машины, направляемой твердой рукой упрямаго До-чана. Но вотъ промышленникъ сталъ замѣчать, что вѣтеръ началъ понемногу заходить, принуждая отводить джонку отъ берега все больше и больше.

„Ой, не добраться!“ подумалъ До-чанъ, сурово поглядывая на берегъ.

„Право не добраться!.. Лучше товарищей разбудить и выбраться къ берегу на веслахъ... Право лучше“...

Не успѣлъ онъ хорошенько освоиться съ новой мыслью, какъ изъ ближайшаго ущелья налетѣлъ страшный вихрь со снѣгомъ, едва не опрокинувшій джонку.

— Гей, гей! крикнулъ отчаяннымъ голосомъ До-чанъ, стараясь привести джонку къ вѣтру.

Промышленники, разбуженные дикимъ крикомъ своего капитана, стремглавъ выскочили на палубу, съ недоумѣніемъ поглядывая на хлопавшіе паруса.

— Убирай паруса!.. Садись въ весла!.. Не копайся тамъ! Живо, живо! кричалъ во всю глотку До-чанъ, стараясь перекричать свистъ вѣтра и шумъ расходившихся волнъ, съ силой ударявшихся въ бортъ джонки.

Спустя минуту, паруса были спущены. Промышленники сѣли въ весла и налегли на нихъ, сколько хватало силъ. До-чанъ повернулъ джонку прямо въ берегъ, противъ жестокаго, рѣзкаго вихря. Волненіе росло. Верхушки волнъ стали попадать въ джонку. Промышленники едва ворочали въ вихрѣ тяжелыми веслами, постоянно соскакивавшими со штыровъ... Непогода свѣжѣла. Джонка трещала и тяжело прыгала на одномъ мѣстѣ, словно звѣрь, пойманный въ крѣпкія тенета. Напрасно гребцы напрягали всѣ свои силы, чтобы подвинуть джонку хотя на аршинъ ближе къ берегу. Напрасно До-чанъ поощрялъ товарищей рѣзкими, визгливыми криками:

— Навались!.. Навались!.. Еще, еще! Нажми на весла!

Джонка продолжала упорно биться въ волнахъ на одномъ мѣстѣ, какъ прикованная къ морскому дну.

Промышленники, промокшіе до костей брызгами вскипѣвшаго моря, облѣпленные снѣгомъ, стали замѣтно изнемогать. Ихъ руки, закоченѣвшія отъ сильной стужи, едва держатъ тяжелыя весла, постоянно вырываемыя ударами волнъ. Все чаще и чаще оглядываются они, съ цѣлью посмотрѣть, насколько приблизилась джонка къ берегу, заманчиво темнѣвшему среди ночныхъ сумерковъ. Первое время имъ казалось, что берегъ, какъ будто приближается, какъ будто очертанія хребта Сихотэ-Алинъ рѣзче и рѣзче выдѣляются на ясномъ еще небѣ... Но вотъ, постепенно, это кажущееся приближеніе берега стало сомнительнымъ. Сомнѣніе росло вмѣстѣ съ усталостью и изнеможеніемъ. Прошло немного времени, и промышленники стали убѣждаться, что берегъ, несмотря на ихъ нечеловѣческія усилія, постепенно отдаляется, тонетъ въ ночномъ сумракѣ. Наконецъ имъ стало не въ моготу бороться съ постоянно свѣжевшей непогодой. До нельзя измученные непосильной борьбой, борьбой отчаянной, страшной, китайцы, словно сговорившись, убрали весла и полѣзли въ каюту.

— Куда вы!?. Куда! неистово завизжалъ До-чанъ.

Промышленники безмолвно, съ дикой энергіей продолжали протискиваться въ узкое отверстіе люка, спѣша отогрѣть въ каютѣ свои окоченѣвшіе члены... Джонку, брошенную на произволъ, поставило поперекъ волненія и стало бросать съ борта на бортъ съ неистовой силой. Она трещала во всѣхъ сочлененіяхъ и, казалось, была готова каждую минуту разсыпаться на десятки кусковъ.

— Что вы, куда! продолжалъ вопить уже охрипшій отъ крика До-чанъ, стараясь удержаться на палубѣ, бѣшено размотавшейся, джонки. Куда забрались!.. Вылѣзайте живо и поставьте хотя парусъ!. Подохнете, какъ собаки!.

Ни слова въ отвѣтъ. Забившіеся въ каюту промышленники не слышали безумнаго крика До-чана. Сбившись въ одну кучу, они старались только ото-

грѣться, относясь ко всему окружающему вполнѣ безучастно. Напрасно До-чанъ кричалъ, ругался и грозился. Наконецъ ругаться ему надоѣло. Безвыходность положенія заставила его смириться, и онъ завопилъ самымъ жалостнымъ голосомъ:

— Друзья, голубчики, вылѣзьте хотя на минуточку парусъ поставить... Миленькіе мои... Голубчикъ Хоц-лай, вылѣзай хоть ты... Пожалѣй!.. Право подохнете, какъ мыши въ норѣ... Миленькіе...

Долго До-чанъ умолялъ товарищей помочь ему поставить парусъ, долго онъ нылъ и плакался, стараясь перенять стонъ рѣзкаго вѣтра въ снастяхъ.

— Хоц-лай, голубчикъ, не будь трусомъ! продолжалъ упрашивать До-чанъ, ухватившись обѣими руками за румпель. Пускай они, трусы, подохнутъ... Ты хоть, миленькій, выручи изъ бѣды... Хозяинъ наградитъ, право наградитъ!..

Долго упирался Хоц-лай, не желая выйти изъ нагрѣтой каюты на рѣзкій холодъ. Наконецъ ему стало совѣстно. Съ большимъ трудомъ выкарабкался онъ на палубу и на четверенькахъ поползъ къ переднему парусу.

— Ай молодецъ, Хоц-лай, голубчикъ! обрадовался До-чанъ, разглядѣвъ въ темнотѣ неуклюжую фигуру своего помощника. Ну, ну, приподымай скорѣй парусъ! Джонка сейчасъ поправится. Пущу ее по вѣтру—не такъ мотаться будетъ... Постой, постой, я тебѣ подмогу", добавилъ онъ, торопливо переползая къ Хоц-лаю, безуспѣшно копошившемуся у паруса.

Парусъ былъ скоро поднятъ, благодаря дружнымъ усиліямъ двухъ промышленниковъ. Рѣзкій вѣтеръ ударилъ въ его широкую грудь и накренилъ джонку до самой поверхности взволнованнаго моря... Еще нѣсколько мгновеній, и джонка опрокинулась-бы... Но опытный, бывалый До-чанъ не зѣвалъ... Быстро проскользнувъ къ рулю, онъ твердой рукой налегъ на румпель и ловко повернулъ джонку по вѣтру. Качка значительно умень-

шилась. Джонка, подгоняемая сильнымъ вѣтромъ, стремительно понеслась отъ берега въ безпредѣльное море, тяжело колыхаясь съ борту на бортъ. Вода вскипала подъ тупымъ носомъ джонки, превращаясь въ огненныя горы, переполненными тысячами блестящихъ искръ и огней. Съ шумомъ неслись двѣ фосфорически горящія струи вдоль обоихъ бортовъ и сливались въ струѣ, оставляемой джонкой, въ одну длинную, свѣтящуюся, какъ бы усыпанную алмазами полосу, обозначавшую слѣдъ только что промчавшагося судна... Хоц-лай, поднявъ парусъ, не замедлилъ опять забраться въ каюту, оставивъ наверху одного До-чана. Послѣдній не терялъ бодрости духа и старался всѣми силами удержать джонку въ положеніи, болѣе или менѣе безопасномъ. До-чанъ въ то время и не думалъ о томъ, что съ каждой минутой джонка отдалялась отъ берега все больше и больше. Онъ предполагалъ, что, при данныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ, самое спасительное — бѣжать отъ вѣтра, а это было равносильнымъ бѣжать отъ берега, со стороны котораго вѣтеръ дулъ съ страшной силой. Вслѣдъ за джонкой вздымались и бѣжали крутыя, горящія фосфорическимъ огнемъ, волны, желая накрыть, поглотить ее своими пѣнящимися гребнями. До-чанъ не унывалъ. Онъ уже не разъ терпѣлъ всевозможныя передряги въ морѣ и надѣялся на скорое прекращеніе непогоды. Одно только обстоятельство смущало браваго промышленника—это отсутствіе помощи со стороны перетрусившихъ товарищей, начинавшихъ, къ тому же, испытывать болѣзненныя послѣдствія жестокой качки.

V.

Вѣтеръ, между тѣмъ, все крѣпчалъ и крѣпчалъ. Съ разсвѣтомъ, онъ достигъ до степени шторма, съ морозомъ и снѣгомъ. Надежды До-чана не оправдались. Джонка продолжала нестись по вѣтру съ неимовѣрной

быстротой, неистово ныряя среди громадныхъ, крутыхъ волнъ. Рѣзкій, студенный вѣтеръ пронизывалъ До-чана до костей, но тотъ продолжалъ бодриться и только силился поплотнѣе завернуться въ хозяйскую даху. Волненіе значительно усилилось. Пѣнистыя верхушки волнъ чаще и чаще стали вкатываться на палубу джонки и постепенно превращали ее въ гигантскую, сплошную, ледяную глыбу. Вода намерзала всюду съ поразительною, ужасающею быстротою. Джонка замѣтно тяжелѣла, теряла необходимую пловучесть и уже взбѣгала на волны съ большимъ трудомъ.

До-чанъ быстро сообразилъ надвигавшуюся грозную опасность и началъ опять взывать къ товарищамъ самымъ отчаяннымъ голосомъ, но тѣ упорно продолжали прятаться въ теплой, сравнительно, каютѣ. Никто изъ промышленниковъ не подалъ даже признака жизни, точно до ихъ слуха и не долетали дикіе вопли, почти обезумѣвшаго, До-чана. Одурѣвшіе отъ продолжительной качки, закоченѣвшіе отъ стужи, они, повидимому, впали въ опасное состояніе полнѣйшей апатіи, при которой смерть была имъ, нетолько не страшна, но даже желательна, какъ избавленіе отъ невыносимыхъ физическихъ страданій, вызванныхъ жестокою качкою. Промышленники лежали въ каютѣ кучей, боясь пошевельнуться. Имъ казалось, что каждое лишнее движеніе удесятеритъ невыносимыя ихъ муки, увеличитъ донельзя ужасныя терзанія...

До-чанъ переносилъ качку съ мужествомъ морского волка. Измученный, голодный, съ окоченѣвшими отъ стужи руками и ногами, онъ продолжалъ сидѣть на рулѣ, стараясь удержать джонку въ опредѣленномъ направленіи. Онъ хорошо понималъ, что стоитъ только бросить на минуту румпель, и джонка, поставленная поперекъ вѣтра и волны, немедленно опрокинется. До-чанъ поэтому рѣшился испить свою горькую чашу до конца и не оставлять поста, ввѣреннаго ему Хо-хо. Онъ старался держаться все на востокъ, въ надеждѣ до-

браться, при помощи попутняка, до какого-нибудь берега. Онъ при этомъ и не подозрѣвалъ, что спасительный японскій берегъ находился отъ него въ нѣсколькихъ стахъ миляхъ, пробѣжать которыя было немыслимо на джонкѣ, брошенной очумѣвшимъ экипажемъ на произволъ вѣтра и волнъ...

Къ вечеру непогода усилилась. Положеніе джонки стало опаснѣе. Нѣсколько разъ она была на краю гибели, но неутомимый До-чанъ ловко избѣгалъ катастрофы и съ большой сноровкой выводилъ свою утлую ладью изъ критическаго положенія...

Однако, всему есть свой предѣлъ. Подобный-же предѣлъ наступилъ, наконецъ, и для искусства китайскаго морехода. Съ наступленіемъ сумерекъ, До-чанъ какъ-то прозѣвалъ на рулѣ, и на джонку неожиданно налетѣла громадная волна, моментально смывшая за бортъ большую часть веселъ, провизію, бочку съ прѣсной водой и даже очагъ. Масса воды хлынула въ каюту и окатила забившихся въ ней промышленниковъ. Послѣднимъ показалось, что джонка идетъ уже ко дну. Раздался раздирающій душу вой. Отрезвленные страхомъ близкой смерти, китайцы съ безумнымъ ужасомъ бросились къ люку, толкая и давя другъ друга, взывая къ Небу о помощи, голосомъ дикимъ и страшнымъ. Каждый старался выбраться на палубу первымъ. У каждаго вдругъ появилась дикая энергія: въ этотъ критическій моментъ каждый сталъ хищнымъ звѣремъ, готовымъ растерзать, ради собственнаго спасенія, роднаго отца. Съ безумнымъ отчаяніемъ старались промышленники пролѣзть въ узкій люкъ, оттаскивая другъ друга отъ этого, по ихъ мнѣнію, спасительнаго отверстія. Произошла безобразная, звѣрская свалка, страшная, паническая борьба за жизнь!.. Китайцы рвали другъ друга зубами, царапались, били кулаками...

До-чанъ, въ это время, находился на краю гибели. Прошедшая черезъ джонку волна съ страшнымъ трескомъ сорвала руль, при чемъ До-чанъ получилъ въ бокъ

такой сильный ударъ румпелемъ, что потерялъ сознаніе и едва не былъ смытъ за бортъ. Онъ избѣгъ смерти лишь тѣмъ, что успѣлъ схватиться за мачту, около которой былъ брошенъ разрушительной волной... Джонку, лишенную руля, стало мотать во всѣ стороны какъ щепку. До-чанъ былъ убѣжденъ, что для всѣхъ наступилъ послѣдній моментъ. Свистъ вѣтра сливался съ дикимъ воемъ обезумѣвшихъ промышленниковъ, продолжавшихъ рваться изъ залитой каюты на обледенѣлую палубу. Этотъ страшный вой и раздирающіе душу стоны дѣйствовали на До-чана деморализующимъ образомъ, бодрость котораго уже была до нѣкоторой степени поколеблена сознаніемъ безпомощнаго, ужаснаго положенія... Но вотъ на палубу выскочилъ, наконецъ, окровавленный, истерзанный Хоц-лай, успѣвшій выбраться изъ каюты первымъ, благодаря своимъ стальнымъ мускуламъ. Вслѣдъ за нимъ полѣзли остальные промышленники, продолжая свою безобразную драку... Теокви и Лян-хо остались внизу. Искалѣченные, избитые, полузадавленные болѣе сильными товарищами, во время страшной, звѣрской борьбы, они не имѣли силъ пошевельнуться и поневолѣ должны были покориться своей тяжкой участи. Лежа въ холодной водѣ, залившей каюту почти на половину, они напрасно взывали о помощи. Никто не обращалъ вниманія на ихъ жалобные, хватающіе за сердце стоны. Каждый, подавленный грубымъ, животнымъ эгоизмомъ, думалъ только о себѣ, всматриваясь съ безумнымъ ужасомъ въ непроглядную тьму, ища спасенія среди, нагроможденныхъ вокругъ, пѣнящихся волнъ. Вѣтеръ дулъ въ этотъ моментъ съ страшной силой и съ какимъ-то остервененіемъ рвалъ въ клочья обмерзшіе паруса...

До-чанъ пришелъ въ себя первымъ. Убѣдившись, что джонка еще держится, онъ ободрился; въ его сердцѣ вновь затеплилась надежда на возможное спасеніе.

— Не робѣй, товарищи! ободрительно крикнулъ онъ растерявшимся промышленникамъ. Живо за работу, и бо-

жественный Фо спасетъ насъ отъ гибели!.. Гей, гей Хоц-лай, помоги сладить руль! А вы, друзья, вычерпывайте изъ джонки воду!..

Громкій крикъ До-чана едва былъ разслышанъ среди воя расходившейся стихіи. Тѣмъ не менѣе онъ произвелъ на промышленниковъ отрезвляющее, ободряющее впечатлѣніе и влилъ въ ихъ сердца надежду на возможный выходъ изъ критическаго положенія.

Съ большимъ трудомъ, До-чанъ и Хоц-лай пробрались по обледенѣлой палубѣ на корму. Разыскавъ уцѣлѣвшее отъ погрома весло и обрывки кое-какихъ веревокъ, они немедленно приступили къ сооруженію импровизированнаго руля, взамѣнъ сорваннаго волной. Въ то же время Псу-тунъ, Ян-чи и Сан-мо начали съ лихорадочною поспѣшностью выкачивать изъ джонки воду. За отсутствіемъ подъ руками ведеръ или другой подходящей посуды, промышленники черпали воду тюбейками, туфлями и даже просто горстями. Всѣ работали отчаянно, лихорадочно. Каждый начиналъ сознавать, что минута промедленія можетъ стоить всѣмъ жизни...

VI.

Измученные, голодные, съ обмерзшими отъ холода руками и ногами, промышленники проработали безсмѣнно до самаго утра. До-чанъ и Хоц-лай съ большимъ трудомъ наладили, вмѣсто руля, весло, и джонка вновь понеслась по вѣтру, послушная твердой рукѣ опытнаго кормчаго. Вмѣсто паруса, истрепаннаго вѣтромъ ночью, подняли другой, перенесенный съ задней мачты. Хоц-лай, наладивъ руль, сталъ помогать товарищамъ выкачивать воду и выбрасывать за бортъ, съ цѣлью облегчить джонку, пампуши сильно намокшей морской капусты. Къ восходу солнца, джонка была облегчена настолько, что стала всплывать на волны гораздо легче. Воду продолжали откачивать непрерывно, такъ какъ

она постоянно прибывала черезъ пазы расшатанныхъ палубныхъ досокъ.

Утро наступило пасмурное. Небо заволокло свинцовыми низко плывшими облаками, точно желавшими придавить собой безграничное, рокочущее море. Вѣтеръ дулъ съ прежней силой, сопровождаемый тѣмъ же нестерпимымъ морозомъ. Намокшая одежда промышленниковъ обмерзла и закорузла. Сами они старались разогрѣться усиленной работой, не имѣя возможности развести огня, потому что очагъ, вмѣстѣ съ запасомъ дровъ, были смыты ночью за бортъ. Продолжительная работа возбудила вскорѣ у промышленниковъ волчій аппетитъ. Теперь китайцы стали уже привыкать къ качкѣ, а вмѣстѣ съ привычкой явилось нестерпимое желаніе, какъ можно скорѣй ѣсть.

— Жрать пора! угрюмо проворчалъ Хоц-лай. „Поди-ка, Псу-тунъ, въ каюту, да пошарь тамъ, не найдешь-ли чего?..

— Вѣдь будà на палубѣ лежала, замѣтилъ Ян-чи.

— Все смыло за бортъ!.. погляди-ка!... Даже бочки съ прѣсной водой нѣтъ... Захочется пить, придется изъ-за борта соленую бурду пить, съ сожалѣніемъ проговорилъ Сан-мо, облизывая сухимъ языкомъ сильно растрескавшіяся, обсохшія губы.

— Зачѣмъ? Можно и безъ бурды обойтись, замѣтилъ Ян-чи. Погляди сколько льду на палубѣ намерзло: сколи себѣ и соси... Недурно будетъ! И какъ-бы въ доказательство справедливости своихъ словъ, Ян-чи отбилъ кусочекъ льду и положилъ въ ротъ.

— Хорошо, очень хорошо, похвалилъ онъ. „Попробуй“!

Сан-мо не замедлилъ послѣдовать совѣту товарища; онъ уже давно чувствовалъ жгучую, нестерпимую жажду и томился невозможностью утолить ее.

— Правда твоя, хорошо, ахъ какъ хорошо! проговорилъ Сан-мо, посасывая, съ просіявшимъ лицомъ, едва солоноватый ледъ.

— Слава божественному Фо, что не забываетъ насъ, прошепталъ Хоц-лай. А ну-ка, Псу-тунъ, пошарь, другъ, говорю, въ каютѣ. Можетъ быть найдешь что нибудь пожрать.

— Не пойду — самъ ступай! отказался Псу-тунъ, искоса поглядывая на полуоткрытое отверстіе люка.

— Отчего не пойдешь? удивился Хоц-лай.

— Самъ знаешь, нечего спрашивать, уклончиво проворчалъ Псу-тунъ.

— Не знаю.

— Знаешь, отлично знаешь, да дурака изъ себя корчишь...

— Ты самъ, я вижу, дуракъ... Брешешь, и толку въ твоихъ словахъ не отыщешь, съ недоумѣніемъ проговорилъ Хоц-лай, пожимая широкими плечами.

— Пускай буду я дуракъ, а все-таки въ каюту не пойду, упрямо крикнулъ Псу-тунъ, плюнувъ съ досады.

— Не пойдешь и не надо... Самъ схожу, да пошарю... Только помни, крошки не получишь, если розыщу что, разсердился Хоц-лай, направляясь къ люку.

— Ступай, ступай, да смотри не наткнись на какого нибудь... вмѣсто хлѣба, проворчалъ себѣ подъ носъ Псу-тунъ.

Хоц-лай открылъ, между тѣмъ, люкъ и сталъ спускаться въ каюту, едва освѣщенную лучемъ свѣта, проскользнувшимъ съ палубы. Вотъ ноги Хоц-лая почувствовали подъ собой какую-то опору. Онъ попробовалъ встать и вдругъ провалился въ воду по колѣна; тонкая, образовавшаяся за ночь, ледяная кора не сдержала и обломилась подъ его тяжестью.

— Охъ, воды-то тутъ сколько налило! крикнулъ Хоц-лай, шагнувъ впередъ, въ надеждѣ выбраться на сухое мѣсто.

Вдругъ онъ остановился, устремивъ широко раскрытые, полные безпредѣльнаго ужаса, глаза въ одинъ изъ угловъ каюты. Волосы зашевелились на головѣ промыш-

ленника; на загорѣломъ его лбу выступили крупныя капли холоднаго пота. Онъ хотѣлъ сдвинуться съ мѣста, бѣжать, и не могъ, ноги его были прикованы къ палубѣ. Онъ хотѣлъ кричать, но крикъ замеръ въ груди, сдавленной неотразимымъ ужасомъ. Хоц-лай не могъ оторвать глазъ отъ поразившаго его страшнаго зрѣлища... Въ углу каюты, изъ-подъ тонкаго льда, торчали двѣ ужасныя головы мертвецовъ, съ широко раскрытыми, потускнѣвшими глазами, оскаленными зубами и взъерошенными космами обмерзшихъ волосъ. Глаза ужасныхъ призраковъ, казалось, упорно смотрѣли на Хоц-лая, требуя отвѣта, какъ онъ осмѣлился нарушить мертвенный покой забытыхъ товарищей. Выраженіе лицъ Тео-кви и Лян-хо было ужасно. Въ нихъ отражались недавнія нестерпимыя страданія мучительной, страшной смерти... Хоц-лай такъ сильно былъ пораженъ неожиданнымъ зрѣлищемъ, что только послѣ нечеловѣческихъ усилій могъ сбросить съ себя охватившее его оцѣпенѣніе. Съ безумнымъ ужасомъ выскочилъ онъ изъ каюты на палубу и предсталъ передъ товарищами блѣдный, дрожащій, съ лицомъ, искаженнымъ паническимъ страхомъ...

— Что случилось? крикнули промышленники, пораженные видомъ Хоц-лая.

— Тамъ... Тамъ лежатъ Тео-кви и Лян-хо! съ усиліемъ пробормоталъ Хоц-лай.—Мертвые, страшные такіе!.. добавилъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Оттого-то я и не хотѣлъ итти внизъ, замѣтилъ Псу-тунъ.

— А ты развѣ зналъ? спросилъ Сан-мо, со страхомъ косясь на открытый люкъ каюты.

— Конечно зналъ... Сегодня, съ разсвѣтомъ, думалъ я спуститься внизъ за табакомъ, оставленнымъ тамъ во время вчерашней свалки... Поглядѣлъ въ каюту, а тамъ тихо такъ... Сталъ я звать Тео-кви—ни слова... Ну, думаю, плохо дѣло... Сдѣлалось мнѣ страшно, я и не спустился въ каюту... Я не говорилъ вамъ о томъ, ду-

малъ, вы уже сами все знаете. Вѣдь хорошо видѣли, что двухъ товарищей не хватало...

До-чанъ, сидя на рулѣ, угрюмо вслушивался въ болтовню Псу-туна. Онъ начиналъ сознавать, что положеніе промышленниковъ, не смотря на счастливое избѣжаніе отъ ночной опасности, почти безнадежно... Ни провизіи, ни прѣсной воды, ни огня, чтобы отогрѣть закоченѣвшіе отъ холода члены. До-чанъ сталъ приходить къ убѣжденію, что, рано или поздно, и остальныхъ постигнетъ страшная участь, подобная той, которая уже постигла несчастныхъ Тео-кви и Лян-хо. Ему казалось, что все кончено, все потеряно, но онъ не высказалъ товарищамъ своихъ тревожныхъ опасеній, не желая отнимать у нихъ послѣдней надежды на спасеніе...

VII.

Ловцы морской капусты, удрученные извѣстіемъ о страшной смерти двухъ товарищей, цѣлый день хранили угрюмое молчаніе. Каюту плотно закупорили. Никто не рѣшался, не смотря на нестерпимый холодъ, спуститься внизъ, къ забытымъ товарищамъ. Наступившую ночь промышленники встрѣтили съ тревогой. Имъ казалось, что ночь эта будетъ для нихъ послѣднею въ жизни. Буря не стихала; морозъ, съ заходомъ солнца, увеличился. Едва прикрытые рваными халатами и кофтами, ловцы морской капусты старались отогрѣвать коченѣющіе члены усиленными движеніями. Никто не рѣшался уснуть, сознавая, что сонъ этотъ будетъ предсмертнымъ. Ночь казалась ужасно длинною, почти безконечною. Бушующее море было грозно и страшно... Съ разсвѣтомъ, вѣтеръ внезапно перемѣнился, но продолжалъ дуть съ прежней силой. Недавній морозъ смѣнился нѣжащимъ тепломъ. Ловцы морской капусты ободрились и повеселѣли. Лучъ надежды на возможное спасеніе засіялъ для нихъ ярче... Утро наступило ясное,

совершенно лѣтнее. Въ небѣ ни облачка. Казалось добрая фея перенесла джонку съ холоднаго сѣвера на теплый югъ. Промышленники съ наслажденіемъ отогрѣвали на солнцѣ закоченѣвшіе члены, обсушивали обмерзшія рубища, забывъ недавнія страданія отъ холода... Но вотъ наступилъ полдень, и всѣ съ ужасомъ увидѣли, что радость ихъ была преждевременной, лучъ надежды на спасеніе — напраснымъ. Нѣжившее тепло южнаго вѣтра принесло, вмѣстѣ съ благодатью, неожиданное разочарованіе въ возможность спасенія, принесло тяжкое, непоправимое горе. Подъ вліяніемъ теплыхъ солнечныхъ лучей, исчезъ ледъ, служившій до послѣдняго времени единственнымъ источникомъ утоленія жажды, исчезъ такъ быстро, что даже опытному До-чану не пришло въ голову воспользоваться случаемъ и сдѣлать хотя небольшой запасъ прѣсной воды... Недавняя радость смѣнилась безнадежнымъ отчаяніемъ, близкимъ къ безумію. Каждый былъ убѣжденъ, что теперь уже все кончено, все потеряно! Всѣхъ начала гнести тяжелая, неотвязчивая, тревожная мысль: „пить, пить, пить!.." Каждый вдругъ сталъ жаждать хотя глотка прѣсной воды. Жажда эта росла съ каждой минутой, возбуждая нестерпимыя муки. Промышленники стали впадать въ тревожное, лихорадочное состояніе. Они чувствовали, какъ быстро испарялась влажность ихъ тѣла, какъ послѣднее высыхало и высыхало. Угрюмые, сосредоточенные, молчаливые, они избѣгали смотрѣть другъ на друга, опасаясь подмѣтить на лицахъ товарищей то-же жгучее желаніе глотка воды, то-же безнадежное отчаяніе... Къ страданіямъ отъ жажды вскорѣ начали присоединяться не менѣе жестокія муки голода. Болѣе двухъ сутокъ было проведено безъ ѣды. Промышленники пробовали было утолить голодъ сушеной капустой, но послѣдняя, смоченная морской водой, имѣла противный, солоновато-горькій вкусъ. Кромѣ того, она положительно не разжевывалась и напоминала, не въ провареннomъ видѣ, самую дурную солому. Попе-

волѣ пришлось отказаться отъ этой невозможной ѣды и всецѣло отдаться страданіямъ неудовлетвореннаго волчьяго аппетита...

День и слѣдующую за нимъ ночь промышленники провели въ страшныхъ мукахъ. Наступившее утро не принесло ничего отраднаго. Мученія отъ жажды и голода значительно усилились. Промышленники начали испытывать въ горлѣ ощущеніе опухоли, невыносимое страданіе, худшее, чѣмъ ожогъ. Голоса ихъ сдѣлались хриплыми; въ глазахъ стали появляться красные круги. Чаще и чаще они засматривались на хлещущія вокругъ волны, охваченные непреодолимымъ желаніемъ утолить нестерпимую жажду солоновато-горькой, морской водой. Особенныя муки испытывалъ Сан-мо, какъ болѣе слабый изъ всей партіи. Къ вечеру, ему стало невмоготу противиться страшному искушенію попробовать утолить жажду морской водой и онъ съ жадностью проглотилъ ея нѣсколько глотковъ. Эта попытка утолить жажду имѣла ужасныя послѣдствія. Сан-мо показалось, что онъ проглотилъ расплавленный металлъ. Ощущеніе ожога въ горлѣ усилилось до крайнихъ предѣловъ. Нестерпимая рвота стала терзать его внутренности... Но вотъ Сан-мо разжалъ судорожно сжатые зубы, голова его откинулась, и онъ опрокинулся на палубу бездушной массой... Сан-мо былъ мертвъ.

Наступила ночь. Тѣло Сан-мо уже давно смыто волнами за бортъ. Всѣ промышленники страшно обезсилѣли. До-чанъ едва ворочаетъ весломъ, стараясь держать джонку въ безопасномъ для нея направленіи. Онъ управляетъ ею въ полусознательномъ состояніи. Силы его падаютъ съ каждой минутой все больше и больше. Онъ начинаетъ относиться ко всему окружающему почти безучастно. Всѣ его мысли сосредоточены на страдальческомъ, мучительномъ воплѣ „пить, ѣсть!..“ Не смотря на нѣсколько проведенныхъ безсонныхъ ночей, никто изъ промышленниковъ не въ силахъ уснуть, не въ силахъ забыться на нѣсколько минутъ, хотя въ

тревожномъ снѣ. Сонъ бѣжитъ отъ ихъ глазъ. Всѣхъ начинаетъ давить кошмаръ, страшный, мучительный...

— Вотъ, вотъ!.. Смотри, смотри!.. Опять, опять! вдругъ закричалъ Ян-чи, безумно всматриваясь въ ночную тьму. Ему чудится, что за джонкой несутся какія-то фантастическія, страшныя существа. Вотъ летитъ адское чудовище, почти касаясь своими искривленными крыльями головы Ян-чи. За нимъ несется что-то еще болѣе страшное... Пока видны только одни глаза, о, какіе ужасные глаза!.. Они горятъ зловѣщимъ огнемъ... Они все ближе и ближе, и вдругъ разсыпались на тысячи фантастическихъ существъ, закружившихся вокругъ джонки въ неистовой, дикой пляскѣ. Ян-чи слышитъ ихъ адскій хохотъ, видитъ какъ они простираютъ къ нему свои чудовищныя лапы силясь увлечь его въ дьявольскую пляску.

— Смотри! Видишь!? Вотъ, близко, близко! хрипитъ Ян-чи, судорожно хватая за руку лежащаго вблизи Псу-туна. Держи ихъ, держи! Не пускай сюда!.. стонетъ онъ, охваченный неотразимымъ ужасомъ.

Но Псу-тунъ не слушаетъ обезумѣвшаго товарища. Онъ самъ занятъ своими видѣніями, самъ трепещетъ отъ адскаго вида чудовищъ, носящихся надъ его головой. Его давитъ тотъ же мучительный кошмаръ, вызванный муками жажды.

— Прочь отъ меня!.. Прочь!.. отчаянно, дико вскрикнулъ вдругъ Ян-чи, вскакивая на ноги и неистово размахивая руками... Ему кажется, что чудовища уже обхватываютъ его своими цѣпкими, отвратительными лапами, и онъ силится отбиться отъ ихъ ужасныхъ объятій. Борьба невозможная!.. Ян-чи, безумный, мечется по колеблющейся подъ ногами палубѣ. Онъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ... Палуба исчезаетъ изъ-подъ его ногъ, и онъ съ хриплымъ, отчаяннымъ воплемъ падаетъ въ темное, грозно шумящее море...

VIII.

Реветъ непогода, стонетъ... Бѣшено гудитъ вѣтеръ въ снастяхъ англійскаго парохода „Драконъ“ и съ какою-то демонскою злобою хлопаетъ ими о мачты и реи. Разорванныя массы облаковъ несутся съ поражающею быстротою почти надъ самою поверхностью разбушевавшагося моря и ежесекундно скрываютъ блѣдное, потухающее солнце. Едва успѣваетъ послѣднее бросить слабый лучъ на пѣнящуюся водную поверхность, едва успѣваетъ этотъ лучъ привѣтливо скользнуть по мокрой, залитой морской водой палубѣ парохода, какъ новыя и новыя громады темныхъ, грозныхъ тучъ надвигаются съ демонскою быстротою и заволакиваютъ солнце непроницаемымъ, мрачнымъ завѣсомъ. Все ниже и ниже опускаются тяжелыя, налитыя свинцомъ, облака, словно хотятъ придавить своей поражающей громадой слабый пароходъ, трепетно бьющійся въ холодныхъ объятіяхъ разъяреннаго моря. Одна волна за другой, одна выше и злѣе другой, съ зловѣщимъ шумомъ обрушиваются на „Драконъ“, обдавая его палубу массой брызгъ. Съ бурливымъ рокотаньемъ несутся онѣ дальше, точно досадуя и сожалѣя, что слабая жертва все выскальзываетъ изъ ихъ мертвенныхъ объятій, и сердясь, что имъ еще не удалось поглотить горсть дерзкихъ, отважныхъ людей, осмѣлившихся вступить въ борьбу съ разсвирѣпѣвшей стихіей... Кажется, что съ каждой минутой волны растутъ все выше и выше, становятся злѣе и злѣе... Съ демоническимъ ожесточеніемъ обрушиваются онѣ на пароходъ. Изрѣдка слышатся потрясающіе удары въ носовую часть, которые бьютъ по ней гигантскими, всесокрушающими молотами. Пароходъ болѣзненно вздрагиваетъ во всѣхъ своихъ сочлененіяхъ, но продолжаетъ гордо итти дальше, то взлетая на пѣнящіяся громады волнъ, то съ головокружительною стремитель-

ностью падая въ открывающуюся передъ нимъ водную пропасть...

На мостикѣ парохода „Драконъ" стоитъ плотный, толстенькій, коротконогій капитанъ мистеръ Адамсъ, широко разставивъ ноги и ухватившись обѣими руками за поручень мостика. Онъ смѣло смотритъ на разсвирѣпѣвшее море, гордо принимая брошенный ему стихіей вызовъ на смертный бой. Его маленькіе, зеленоватые глаза глядятъ, изъ-подъ нависшихъ, рыжихъ, густыхъ бровей, зорко и самоувѣренно. Постоянно обдаваемый морскими волнами, мистеръ Адамсъ, несмотря на свою приземистую фигуру, кажется несокрушимымъ титаномъ, для котораго борьба со стихіей—удовольствіе, пріятное развлеченіе послѣ продолжительнаго, слишкомъ однообразнаго плаванія. Онъ стоитъ неподвижно, какъ приросшій къ мостику. Его отвислыя, гладко выбритыя, щеки побагровѣли отъ рѣзкаго вѣтра до такой степени, что ихъ едва можно отличить отъ рыжей, смоченной морской водой бороды. Мистеръ Адамсъ въ превосходнѣйшемъ настроеніи духа, благодаря только что опорожненной бутылкѣ рому. При особенно сильныхъ взмахахъ парохода, онъ саркастически улыбается, при чемъ показываетъ вѣтру плотный рядъ желтыхъ, какъ шафранъ, и крѣпкихъ, какъ желѣзо, зубовъ. Капитанъ смотритъ на волнующійся горизонтъ, не спуская глазъ... Вотъ онъ быстро отнялъ правую руку отъ поручня и живо вытащилъ изъ футляра, висѣвшаго черезъ плечо, большой морской бинокль. Повидимому, его зоркіе глаза разглядѣли среди волнъ что-то особенное. Направивъ бинокль на горизонтъ, мистеръ Адамсъ увидѣлъ впереди большую джонку, терпѣвшую, повидимому, большое бѣдствіе. Поломанныя мачты, разорванные въ клочья паруса ясно свидѣтельствовали, что джонка находится въ страшно безпомощномъ состояніи и, съ минуты на минуту, можетъ сдѣлаться жертвой разбушевавшагося моря. Громадныя волны иногда совершенно поглощали ее, но каждый разъ она, съ не-

вѣроятною ловучестью, вновь появлялась на поверхности моря и, точно въ бѣшеной агоніи, прыгала съ вершины на вершину шумящихъ валовъ...

— Годдэмъ! проворчалъ мистеръ Адамсъ, пристально всматриваясь въ бѣдствующее судно. Дѣла на джонкѣ плохи... Держу пари сто дюжинъ коньяку противъ одной бутылки, что бѣдняки нуждаются въ помощи... Годдэмъ!.. Какъ ее поддаетъ—того и смотри, что перевернетъ вверхъ килемъ.

— Эй, вы, гляди въ оба, хладнокровно обратился онъ къ рулевымъ, послѣ небольшой паузы. Держи къ подвѣтренной сторонѣ джонки...

Рулевые налегли на штурвалъ, и пароходъ медленно сталъ поворачивать носомъ на бѣдствующую джонку.

— Гляди въ оба!.. Держать на румбѣ! отдалъ приказаніе мистеръ Адамсъ.

Пароходъ пересталъ катиться и тяжело заколыхался по направленію къ джонкѣ.

— Впередъ смотрѣть! зычнымъ голосомъ подогрѣлъ капитанъ энергію своего боцмана.

— О, yes! не менѣе зычно отвѣтилъ послѣдній, стараясь сохранить равновѣсіе на полубакѣ, постоянно уходившемъ изъ-подъ его широко разставленныхъ ногъ.

Не прошло и получасу, какъ „Драконъ“ подошелъ къ джонкѣ настолько близко, что невооруженнымъ глазомъ можно было разсмотрѣть трехъ китайцевъ, безжизненно распростершихся на палубѣ. Руки ихъ судорожно обвились вокругъ обломковъ мачтъ.

— Гляди въ оба!.. Держи ближе!.. проговорилъ мистеръ Адамсъ ровнымъ голосомъ... Меньше ходъ!.. крикнулъ онъ въ машину.

Пароходъ, подчиняясь ловкимъ рулевымъ, подошелъ къ джонкѣ почти вплотную. Наступилъ ужасный моментъ!.. Оба судна отчаянно ныряли среди громадныхъ волнъ, каждую секунду можно было опасаться, что произойдетъ страшное столкновеніе, и одно изъ судовъ, или даже, можетъ быть, оба пойдутъ немедленно ко дну.

— На джонкѣ!.. Принимай концы (верёвокъ)!!. крикнулъ мистеръ Адамсъ въ рупоръ голосомъ пересилившимъ вой и ревъ разбушевавшей стихіи.

Распростертыя тѣла китайцевъ продолжали лежать въ томъ-же безжизненномъ положеніи. Никто не пошевельнулся, никто не отвѣтилъ на призывъ мистера Адамса... Можетъ быть и отвѣтилъ кто-нибудь, но этотъ слабый отвѣтъ затерялся въ свистѣ вѣтра и шумѣ волнъ...

— Годдэмъ, мертвые тамъ или живые? проворчалъ капитанъ, не спуская глазъ съ джонки.

Гей, гей?.. На джонкѣ!.. Принимай концы!.. повторилъ онъ свой призывъ.

Опять ни слова въ отвѣтъ, опять никакого замѣтнаго движенія. Между тѣмъ становилось рискованнымъ держаться около бѣшено прыгающей на волнахъ джонки. Пришлось отойти... Мистеръ Адамсъ хорошо понималъ, что спасти замертво лежавшихъ людей было невозможно при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, не дозволявшихъ спустить шлюпку.

— Полный ходъ, отдалъ капитанъ приказаніе въ машину.—Приводи на старый курсъ, обратился онъ къ рулевымъ, угрюмо отворачиваясь отъ бѣдствующей джонки, точно не желая быть свидѣтелемъ ея предсмертной агоніи...

„Мертвые или живые"? начала давить мистера Адамса неотвязчивая, гнетущая мысль. Совѣсть его возмущалась, несмотря на всѣ старанія разсудка успокоить ее тѣмъ, что невозможное нельзя сдѣлать возможнымъ.

„Мертвые или живые?.. Годдэмъ"! тревожно думалъ онъ, сойдя въ каюту послѣ вахты, и стараясь залить возникшее сомнѣніе коньякомъ и бренди...

Никто не могъ отвѣтить ему на этотъ жгучій, тревожный вопросъ... Никто!..

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛЬ.

Разсказъ изъ жизни китайскихъ авантюристовъ.

I.

Жаркій лѣтній день только что смѣнился освѣжающимъ вечеромъ. Въ воздухѣ стоитъ торжественная тишина, ничѣмъ не нарушаемая. Полная луна величественно плыветъ по темному небу, усѣянному тысячами ярко-горящихъ звѣздъ, и фантастически освѣщаетъ роскошную долину Сучанъ, окаймленную двумя рядами грандіозныхъ холмовъ. По долинѣ вьется блестящею, сверкающею лентою быстрая рѣка, катя мутныя воды въ заливъ Америка, волшебно отражающій въ зеркальной поверхности куполъ ночного неба и волнистую линію суроваго, возвышеннаго берега, изрѣзаннаго множествомъ бухточекъ. Все притихло подъ мягкими, ласкающими лучами ночного свѣтила. Столѣтнія ильмы, кедры, лиственницы и пихты, прикрывающіе мохнатой одеждой куполы окрестныхъ холмовъ, недвижно дремлютъ, пользуясь дивнымъ затишьемъ уснувшей природы; ихъ гордыя, пышныя вершины, облитыя фосфорическимъ луннымъ свѣтомъ, рисуются на темномъ небѣ въ видѣ сказочныхъ замковъ и ба-

шенъ, поражающихъ взоръ волшебными очертаніями. Не менѣе фантастически освѣщены крутые скаты холмовъ, съ ихъ непроницаемыми, роскошными рощами приземистаго дуба, стройнаго тополя, пахучей черешни и жасмина, граціозной березы и перистой пробки. Густая заросль разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ, затѣйливо переплетенныхъ виноградникомъ и другими вьющимися растеніями, любовно склонилась надъ быстрою рѣкою, стараясь разглядѣть въ ея мутной водѣ прелесть своей роскошной листвы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки, среди густой зелени, ослѣпительно сверкаютъ на лунѣ бѣлоснѣжныя стѣны большой земледѣльческой фаньцзи [1]), окруженной крѣпкимъ, высокимъ частоколомъ, напоминающимъ крѣпостную ограду. Дубовыя ворота, окованныя желѣзомъ, на запорѣ. На дворѣ слышенъ отрывистый лай собакъ, охраняющихъ хозяевъ отъ неожиданнаго посѣщенія страшнаго, общаго врага-хищника, тигра, противъ нападенія котораго, преимущественно, окружаютъ фаньцзи высокими частоколами и оковываютъ желѣзомъ ихъ ворота.

Въ фаньцзѣ еще не спятъ. На широкихъ нарахъ, что тянутся вдоль одной изъ стѣнъ, на тростниковыхъ циновкахъ, лежатъ китайцы-рабочіе и проводятъ свободное отъ трудовъ время въ разнообразной болтовнѣ. Лунный свѣтъ не проникаетъ въ фаньцзу; два большихъ, рѣшетчатыхъ окна, проклеенныхъ бумагой, обращены въ тѣневую сторону и погружены въ полумракъ. Внутренность фаньцзи слабо освѣщена лишь красноватымъ отблескомъ небольшаго очага, стоящаго посреди глинянаго, плотно убитаго, пола. Хозяинъ фаньцзи Ча уже удалился въ свою каморку, отдѣленную отъ общаго помѣщенія легкой, деревянной перегородкой, и

[1]) Фаньцзи—домъ; стѣны фаньцзи, около четверти аршина толщиной, дѣлаются изъ глины, которою обмазанъ плетень, служащій ея основаніемъ; наружныя и внутреннія стѣны бѣлятся известью, что придаетъ фаньцзи весьма привѣтливый чистенькій видъ; крыша обыкновенно соломенная, на два ската.

предался сладостному кейфу, покуривая изъ миніатюрной трубки ядовитый, но вмѣстѣ съ тѣмъ, соблазнительно-чудный опіумъ. Рабочіе, не стѣсняемые суровымъ хозяиномъ, передаютъ другъ другу всевозможныя впечатлѣнія своей, преимущественно, скитальческой жизни, полной приключеніями, тревогами и опасностями. Особенно словоохотливъ совершенно рябой, атлетическаго тѣлосложенія маньцзи [1]) Куен-чу, извѣстный среди товарищей какъ необыкновенно отважный искатель чудодѣйственнаго корня жень-шеня,—только что возвратившійся изъ таинственной тайги.

— Гдѣ я только не бывалъ! продолжалъ разсказывать Куен-чу, внимательно слушающимъ собесѣдникамъ.—Каждая падь Сихотэ-Алинь [2]) извѣстна мнѣ, какъ эта фаньцзи... Иной годъ уйду въ хребетъ ранней весной и возвращаюсь только глубокою осенью, когда листья съ деревьевъ осыпаться начинаютъ... Находилъ я не мало драгоцѣннаго корня, но волшебной пади Ула-Джана такъ и не нашелъ... А вѣдь хорошо знаю, что много разъ совсѣмъ близко около нея бродилъ, но все сіо-куй [3]) глаза туманилъ...

— А видѣлъ ты сіо-куя?.. Страшный онъ, что-ли? полюбопытствовалъ совершенно молодой китаецъ Цзухо, не пропускавшій изъ занимательнаго разсказа Куен-чу ни одного слова.

— Какъ тебѣ сказать... И видѣлъ я его, и не видѣлъ, потому что онъ въ своемъ настоящемъ видѣ никогда путнику не является... Чаще всего онъ накидываетъ на себя шкуру краснаго волка, а красныхъ вол-

---

[1]) Маньцзами зовутъ всѣхъ китайцевъ, проживающихъ въ Уссурійскомъ краѣ. Слово это очень древнее. Когда монголы овладѣли сѣвернымъ Китаемъ, то назвали южныхъ китайцевъ, изъ презрѣнія, маньцзами, въ смыслѣ помѣси китайцевъ съ инородцами. Почему это же названіе стало прилагаться къ китайцамъ Уссурійскаго края—до сихъ поръ не выяснено окончательно.

[2]) Сихотэ-Алинь — хребетъ, совершенно еще неизслѣдованный; онъ прорѣзаетъ весь край, по меридіану, отъ Николаевска до китайской границы.

[3]) Сіо-куй—чортъ.

ковъ видѣлъ не разъ, удовлетворилъ искатель жень-шеня любопытство Цзу-хо.

— Что-же это за волшебная падь Ула-Джана? продолжалъ допытываться юноша.—Зачѣмъ ты такъ искалъ ее?..

— Какъ зачѣмъ? удивился Куен-чу.—Развѣ ты не знаешь, что въ этой пади произрастаютъ несмѣтныя сокровища жень-шеня?.. Мы всѣ могли-бы обогатиться и сдѣлаться богаче самого богдохана, если-бы намъ удалось разыскать волшебную падь!..

— Ты-бы товарищей взялъ, и съ ними поискалъ, замѣтилъ сутуловатый маньцзи Сун-зи, придвигаясь вплотную къ разскащику.

— Нельзя, рѣшительно заявилъ Куен-чу,—никакъ нельзя!.. Толпой итти, никогда не найдете этой пади. Надо искать ее непремѣнно одному, да и то съ извѣстной сноровкой, а то какъ разъ красные волки растерзаютъ... Я вижу, что никто изъ васъ не знаетъ, что это за падь и откуда въ ней столько жень-шеня появилось.

— Не знаемъ, дружно согласились всѣ китайцы.— Ты-бы разсказалъ намъ...

— Длинная исторія, какъ-бы нехотя проговорилъ Куен-чу, хотя самого подмывало разсказать слышанную имъ когда-то легенду о волшебной пади Ула-Джана.

— Разскажи, голубчикъ, разскажи, миленькій, пристали всѣ и въ особенности Цзу-хо, сильно заинтересованный.

— Ну, такъ и быть, разскажу, снисходительно согласился Куен-чу. — Слушайте только внимательнѣе, а то и разсказывать не стану... Случилось это очень давно, когда въ краѣ этомъ не только о руссахъ не слыхали, но даже и китайскаго духу не было. Жилъ здѣсь свой народъ, большія города и крѣпости имѣлъ.— Вы, вѣроятно, видѣли развалины одного такого города—тутъ поблизости?..

— Видѣли, видѣли! хоромъ подтвердили слушатели.

— И такъ, слушайте! Въ то время жилъ здѣсь, въ одномъ городѣ, очень богатый и благочестивый человѣкъ, по имени Ула-Джанъ, продолжалъ свой разсказъ Куен-чу.—Вмѣстѣ съ нимъ жилъ въ томъ-же городѣ другой богачъ Дзянъ-лунъ, злой, жадный, высокомѣрный и завистливый... Слава объ Ула-Джанѣ, какъ о человѣкѣ необыкновенно добромъ, распространилась по всему краю. Всѣ бѣдняки шли къ нему за помощью и всегда уходили отъ него обласканные, снабженные пищей, одеждой и деньгами... Казалось-бы, что подобная щедрость должна-бы разорить великодушнаго Ула-Джана, но между тѣмъ богатства его все росли и росли. И стало всѣмъ ясно, что божественный Фо (Будда) сыплетъ сокровища въ мѣшки и сундуки Ула-Джана за его доброе сердце и постоянное вниманіе къ бѣднякамъ... Дзянъ-лунъ, глядя на неисчерпаемыя богатства своего соперника, началъ завидовать. Злая зависть глодала его злое сердце и черную душу до тѣхъ поръ, пока этотъ гнусный человѣкъ не рѣшился на святотатственное дѣло—убить Ула-Джана и завладѣть всѣми его сокровищами. Сталъ онъ обдумывать, какъ свершить страшное дѣло и наконецъ рѣшилъ, что лучше всего изъязвить свое тѣло, принять на себя видъ нищаго-страдальца и явиться къ Ула-Джану за помощью. Такъ и сдѣлалъ... Ула-Джанъ принялъ Дзянъ-Луна, не догадываясь, что это былъ онъ, ухаживалъ за нимъ, перевязалъ раны, накормилъ и уложилъ спать... А потомъ и самъ уснулъ, радуясь, что божественный Фо помогъ ему совершить новое доброе дѣло... Дзянъ-Лунъ только и ждалъ этого... Хищнымъ звѣремъ приподнялся онъ съ чистой циновки и подкрался съ ножемъ къ Ула-Джану, который спалъ сномъ праведника, не подозрѣвая злого противъ себя умысла. Злодѣй размахнулся и всадилъ ножъ прямо въ сердце Ула-Джану!... Тотъ только вздохнулъ и померъ... Дзянъ-Лунъ бросился тогда къ его сокровищамъ: открылъ одинъ сундукъ, но тотчасъ-же со страхомъ отдернулъ протянутую было

руку—въ сундукѣ кишѣли какіе-то гады... Подбѣжалъ злодѣй къ другому сундуку и отшатнулся отъ него съ ужасомъ -въ немъ, вмѣсто серебра, сердито шипѣли большія змѣи... Испугался Дзянъ-Лунъ и хотѣлъ бѣжать... Въ это время передъ нимъ появилось лучезарное видѣніе божественнаго Фо, спустившагося съ неба грознымъ карателемъ... „Стой, злодѣй!..“ прогремѣлъ Фо страшнымъ голосомъ. „Ни съ мѣста!.. Ты совершилъ тяжкое преступленіе!.. Руководимый гнусною завистью, ты убилъ лучшаго изъ лучшихъ людей, намѣреваясь завладѣть его богатствами. Тебѣ удалось, презрѣнный человѣкъ, пролить кровь праведника, но не удалось воспользоваться кровавыми плодами преступленія: я превратилъ богатство Ула-Джана въ гадовъ и змѣй, чтобы ты зналъ, злодѣй, что всѣ сокровища этого праведника заключаются въ немъ самомъ!.. Ты, извергъ, достоинъ ужасной кары, и я покараю тебя!.. Встань и возьми на плечи тѣло праведника и снеси его въ самую глубокую и дикую падь Сихотэ-Алинь, недоступную для человѣка. Похорони тамъ драгоцѣнный прахъ!.. Я же сдѣлаю, что память объ Ула-Джанѣ не заглохнетъ во вѣки!.. Самъ-же ты, какъ только исполнишь мою божественную волю, разсыплешься на тысячи смрадныхъ кусковъ, и каждый изъ нихъ превратится въ краснаго волка. Я желаю, чтобы кровь праведника лежала на тебѣ неизгладимымъ пятномъ!.. И будешь ты вѣчнымъ стражемъ той завѣтной пади, въ которую разрѣшаю допустить только истиннаго сына неба, не совершившаго ни одного кроваваго преступленія!..“

Тяжелый вздохъ, похожій на глухой стонъ, прервалъ вдругъ разсказчика. Куен-чу смолкъ и съ любопытствомъ перегнулся къ маньцзи Сун-зи, который уткнувшись лицомъ въ циновку, судорожно вздыхалъ и охалъ.

— Что съ тобой? спросилъ Куен-чу, недоумѣвая.

— Охъ, плохое мое дѣло!.. Пропало, совсѣмъ пропало!.. застоналъ Сун-зи.

— Что такое?.. Говори!.. сердито крикнулъ разсказчикъ, сильно раздосадованный, что его прервали на самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Негодный песъ... Чтобъ въ твоемъ горлѣ оленій рогъ выросъ! злобно проворчалъ маньизи Ланхоу, донельзя увлеченный фантастическимъ разсказомъ.

Остальные китайцы приподнялись на локтяхъ и стали глядѣть на разохавшагося товарища съ жаднымъ любопытствомъ.

— Стонешь хуже женщины! сердито проворчалъ Куен-чу, недождавшись отвѣта на свой вопросъ.—Не стану дальше разсказывать!..—И онъ съ досадою повернулся спиной къ притихшимъ товарищамъ.

— Разскажи, другъ, разскажи, добренькій!.. запросили всѣ кромѣ Сун-зи.

— Пусть прежде Сун-зи объяснитъ намъ, почему онъ вдругъ заохалъ: тогда и разсказъ кончу, рѣшительно объявилъ Куен-чу свои условія.

— Объясни скорѣй, что требуетъ Куен-чу? Не мѣшкай! пристали всѣ къ Сун-зи, немилосердно тормоша его и тыча кулаками въ бока.

— Охъ, оставьте меня, оставьте! умолялъ Сун-зи.

— Объясни скорѣй, объясни скорѣй! продолжали настойчиво твердить китайцы, охваченные нетерпѣніемъ послушать удивительные разсказы словоохотливаго и бывалаго Куен-чу.

Сун-зи еще разъ глубоко вздохнулъ и вдругъ, однимъ быстрымъ движеніемъ, сѣлъ на нары. Онъ былъ блѣденъ. Черты его лица были искажены ужасомъ.

— Слушайте! проговорилъ Сун-зи рѣшительно, послѣ краткаго молчанія.—Задумалъ я, слушая Куен-чу, итти искать волшебную падь, а какъ онъ сказалъ, что красные волки допустятъ въ нее только человѣка не совершившаго ни одного кроваваго преступленія, меня сейчасъ въ жаръ ударило... Пропало мое дѣло!.. Думалъ богатымъ сдѣлаться купцомъ, а теперь все въ прахъ разсыпалось!..

— Ты вѣрно убилъ кого-нибудь? строго спросилъ одинъ изъ маньцзи.

— Убилъ! сознался Сун-зи глухимъ голосомъ.—Повздорилъ за картами... и... убилъ...—добавилъ онъ еще глуше.

— Да, не видать тебѣ въ такомъ случаѣ пади Ула-Джана!.. Не видать!.. съ глубокою увѣренностью проговорилъ Куен-чу.—Ты и не пытайся, а то какъ-разъ такихъ бѣдъ натерпишься, что и жизни не радъ будешь... Твердо помни: до волшебной пади доберется только чистый человѣкъ, незапятнанный никакимъ преступленіемъ!..

Сидѣвшій поблизости молодой китаецъ Цзу-хо вздрогнулъ при этихъ словахъ, сказанныхъ съ твердымъ убѣжденіемъ и искреннею вѣрою. Охваченный восторженнымъ воображеніемъ, юноша началъ также мечтать о возможности добраться до волшебной пади, таящей въ себѣ столько несмѣтныхъ богатствъ и драгоцѣнностей.

— Теперь ты узналъ, что хотѣлъ... Кончай-же свой разсказъ, пристали опять къ Куен-чу нетерпѣливые слушатели.

— На чемъ я остановился? спросилъ тотъ, стараясь припомнить нить своего разсказа.

— Остановился на томъ, что божественный Фо разрѣшилъ допустить въ волшебную падь только человѣка, не совершившаго ни одного кроваваго преступленія, напомнилъ Цзу-хо, съ трепетомъ ожидая конца чудеснаго разсказа о волшебной пади.

— Да, да... теперь помню... Слушайте-же дальше!.. проговорилъ Куен-чу.

— Услышавъ эти слова, Дзянъ-Лунъ затрепеталъ и палъ на колѣни. „Исполни-же мою божественную волю!“ прогремѣлъ еще грознѣе Фо и исчезъ въ свѣтломъ облакѣ, спустившемся съ неба... Дзянъ-Лунъ, движимый какою-то чудесною силою, безпрекословно приподнялъ бездыханное тѣло убитаго имъ Ула-Джана и понесъ

его. Волоса шевелились на головѣ злодѣя отъ ужаса, но, тѣмъ не менѣе, онъ несъ праведника много, много дней, не зная устали, пока не нашелъ глухой, дикой пади, указанной божественнымъ Фо. Въ этой пади Дзянъ-Лунъ зарылъ прахъ своего врага, а самъ разсыпался на тысячи смрадныхъ кусковъ, тотчасъ-же превратившихся въ свирѣпыхъ красныхъ волковъ... И съ тѣхъ поръ это замѣтное мѣсто стало святымъ; оно превратилось въ роскошный садъ, въ которомъ сокрыты несмѣтныя сокровища драгоцѣннаго корня женьшеня, при помощи котораго, какъ вамъ извѣстно, можно оживлять даже мертвыхъ... Вотъ и разсказу конецъ... Теперь спать хочу... Усталъ!.. закончилъ Куен-чу легенду, слышанную имъ давно-давно, еще въ юности, отъ дряхлыхъ стариковъ-искателей корня жень-шень.

Слушатели, изъ уваженія къ разсказчику, молча разбрелись по своимъ мѣстамъ и скоро уснули, убаюкиваемые фантастическими грезами о чудесной пади Ула-Джана. Въ фаньцзѣ наступила тишина, нарушаемая только легкимъ трескомъ угольевъ, догоравшихъ въ очагѣ, да нетерпѣливымъ ворочаніемъ Цзу-хо съ боку на бокъ. Онъ не могъ еще уснуть, охваченный сильнымъ впечатлѣніемъ чуднаго разсказа. Онъ мечталъ о волшебной пади. Въ его головѣ засѣла смѣлая мысль отыскать ее во что-бы то ни стало. Эта мысль давила его словно кошмаръ, вызывая несбыточныя мечты и розовыя надежды на исключительное счастье и успѣхъ.

„Вѣдь я не совершилъ ни одного кроваваго преступленія... Я чистый человѣкъ... Мнѣ открыта дорога въ волшебную падь“, шепталъ Цзу-хо сотни разъ одну и ту-же фразу, но въ то-же время приходилъ въ полное смущеніе при одной мысли, какъ отыскать эту чудную падь среди необъятнаго хребта Сихотэ-Алинь, растянувшагося, какъ гигантскій драконъ, на многія сотни верстъ. Эта назойливая мысль ужасала его и тревожила, но Цзу-хо каждый разъ отгонялъ ее и вновь

сосредоточивался на страстной мечтѣ добраться до волшебной пади, хотя-бы съ рискомъ для жизни...

II.

Прежде, чѣмъ продолжать нашъ разсказъ, постараемся познакомить читателей съ драгоцѣннымъ и чудодѣйственнымъ корнемъ жень-шень, пользующимся на крайнемъ востокѣ громадною популярностью, какъ незамѣнимый медикаментъ при полномъ разслабленіи человѣческаго организма. Растеніе это принадлежитъ къ семейству аралій и растетъ въ самыхъ глубокихъ, малодоступныхъ падяхъ, таясь отъ солнечныхъ лучей. Женьшень любитъ прохладу, тѣнь и влажную, черноземную почву. По твердому убѣжденію китайцевъ, японцевъ и корейцевъ, корень этотъ обладаетъ замѣчательнымъ цѣлебнымъ свойствомъ, возстановляя совершенно истощенные организмы, излѣчивая застарѣлыя, неизлѣчимыя болѣзни, возвращая старикамъ даже свѣжесть, молодость и бодрость. Вслѣдствіе этихъ свойствъ, ошибочныхъ или нѣтъ, —трудно сказать,—жень-шень составляетъ предметъ упорныхъ исканій. Тысячи китайцевъ и корейцевъ, мечтающихъ о быстрой и легкой наживѣ, идутъ ежегодно въ самыя заповѣдныя мѣста угрюмаго, неизслѣдованнаго до сихъ поръ, хребта Сихотэ-Алинь, въ надеждѣ отыскать драгоцѣнный корень, оцѣниваемый на вѣсъ золота. Несчастливцы часто погибаютъ или возвращаются съ пустыми руками, послѣ полугодового шатанья по дремучей тайгѣ, преисполненной смертельными опасностями. Счастливцы-же нерѣдко обогащаются, въ особенности, если имъ удастся найти крупный корень, съ палецъ толщиной, напоминающій своей формой человѣческую фигуру. Такой корень, носящій характеристическое названіе „человѣкъ-корень", чрезвычайно рѣдокъ, почему цѣнится баснословно дорого, отъ полутора до двухъ тысячъ серебряныхъ рублей штука. Его признаютъ необыкновенно чудодѣй-

ственнымъ, способнымъ даже возстановлять погасающую въ человѣкѣ жизнь. Вѣра въ цѣлебныя свойства женьшеня настолько велика въ китайцахъ, что пошатнуть ее нѣтъ возможности. Вѣра эта выстояла много вѣковъ. Женьшень причисляютъ къ величайшимъ дарамъ божественнаго Фо, который, будто-бы, проявляетъ въ немъ свою чудодѣйственную силу.

Китайское правительство еще недавно считало всѣ мѣсторожденія драгоцѣннаго корня своею собственностью и строго контролировало дѣйствія искателей. Послѣдніе, подъ страхомъ смертной казни, были обязаны брать установленные билеты на право поиска женьшеня, съ условіемъ непремѣнной доставки его исключительно только ко двору. Тайная продажа женьшеня безпощадно преслѣдовалась. Китайское правительство представляло себѣ сортировать найденные корни: лучшіе сорта оставляло для употребленія царствующей династіи и высшихъ придворныхъ чиновъ, а худшіе—пускало въ продажу. Въ самое послѣднее время, съ присоединеніемъ Уссурійскаго края, съ главнымъ мѣсторожденіемъ женьшеня—хребтомъ Сихотэ-Алинь, къ Россіи, эта монополія богдоханскаго двора значительно умалилась. Продажа корня, добываемаго въ нашихъ предѣлахъ, стала болѣе свободною, хотя и теперь китайское правительство требуетъ, чтобы лучшіе сорта доставлялись за извѣстную плату, исключительно ко двору, гдѣ-бы они ни были добыты. Насколько это требованіе исполняется—трудно сказать. Во всякомъ случаѣ, надо предполагать, что страсть къ быстрѣйшей наживѣ заставляетъ многихъ искателей, несмотря на суровыя наказанія за ослушаніе, продавать и хорошіе сорта женьшеня частнымъ покупщикамъ, которые оплачиваютъ трудъ авантюристовъ несравненно щедрѣе. Поиски женьшеня сопряжены съ неимовѣрными лишеніями и преисполнены смертельными, разнообразными опасностями. Вотъ почему нѣкоторые китайцы и корейцы начали прибѣгать къ искусственному разведенію драгоцѣннаго корня. По-

слѣдній, впрочемъ, не обладаетъ уже тѣми-же цѣлебными свойствами, какъ корень дико-растущій, почему его стоимость несравненно ниже. Во всякомъ случаѣ, трудъ и терпѣніе вполнѣ вознаграждаются при разведеніи искусственнаго жень-шеня, потому что небольшая его плантація, по истеченіи десяти лѣтъ заботливаго ухода, достаточно обогащаетъ хозяина, давая ему до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей чистаго барыша. При этомъ надо помнить, что разведеніе жень-шеня требуетъ чрезвычайно тщательнаго ухода. Малѣйшая оплошность, легкое невниманіе, и всѣ многолѣтніе труды могутъ пропасть совершенно даромъ. Жень-шень садятъ сѣменами или-же мелкими корешками въ гряды, земля которыхъ приготовляется особымъ способомъ. Во-первыхъ, она должна быть лучшимъ и чистѣйшимъ черноземомъ, тщательно просѣяннымъ сквозь, особаго устройства, частыя сита; затѣмъ передъ обработкой въ гряды, ее выдерживаютъ цѣлую зиму въ кучахъ, а весной вновь просѣиваютъ черезъ самыя частыя сита, превращая такимъ образомъ черноземъ почти въ порошокъ.

Въ виду того, что жень-шень не любитъ солнечныхъ лучей, надъ всѣми грядами устраиваютъ навѣсы, а съ сѣверной стороны ограждаютъ ихъ плотною загородью, съ цѣлью защитить корни отъ зловреднаго дѣйствія холодныхъ вѣтровъ. Съ первыми снѣжными днями, всѣ защиты снимаютъ, и снѣгу предоставляютъ засыпать гряды. Цѣлесообразность подобной мѣры вполнѣ очевидна. По истеченіи пяти-шести лѣтъ, корни достигаютъ величины, дозволяющей пустить ихъ въ продажу но для большей ихъ цѣнности полезно продержать ихъ въ грядахъ по крайней мѣрѣ до десяти лѣтъ. Выриваніе жень-шеня требуетъ большой осторожности. Землю разгребаютъ руками, постепенно освобождая всѣ мелкіе корешки и тончайшіе отросточки, окружающіе корень въ видѣ рѣдкой, чрезвычайно нѣжной, бороды. Корень цѣнится именно при условіи сохраненія всѣхъ этихъ

наиболѣе нѣжныхъ его частей. Каждый оборванный или сломанный отростокъ умаляетъ стоимость чудодѣйственнаго растенія.

Собранный корень выпариваютъ особымъ способомъ, который китайцы держатъ въ глубокомъ секретѣ, затѣмъ высушиваютъ на солнцѣ и уже въ такомъ видѣ отправляютъ на рынки для продажи. Корни лучшаго качества, при выпариваніи, становятся совершенно прозрачными, сохраняя въ то-же время свой бѣлый цвѣтъ. Другіе сорта принимаютъ красноватый оттѣнокъ. Вода, въ которой парятъ жень-шень, переваривается съ листьями этого растенія и служитъ для приготовленія цѣлебной пастилы, продаваемой для употребленія наиболѣе бѣдными больными. Жень-шень принимаютъ порошкомъ и въ видѣ микстуры, особымъ способомъ приготовленной. Китайцы приписываютъ этимъ лѣкарствамъ чудодѣйственныя свойства и считаютъ ихъ универсальнымъ средствомъ противъ самыхъ жестокихъ и неизлѣчимыхъ недуговъ. Медицинская сила жень-шеня констатирована многими европейскими медиками, хотя и не въ той степени, какую присваиваютъ драгоцѣнному корню китайцы. Можетъ быть, эта сила еще не вполнѣ разгадана, потому что трудно представить, чтобы сотни милліоновъ людей обманывались, въ теченіе нѣсколькихъ тысячелѣтій въ цѣлебныхъ свойствахъ жень-шеня и вѣрили въ его чудодѣйственную силу только подъ впечатлѣніемъ одного воображенія и фантазіи, какъ стараются утверждать многіе скептики. Не надо забывать, что китайцы давно славятся какъ медики, всегда предпочитавшіе растительныя лѣкарства всякимъ другимъ и успѣвшіе достигнуть, при излѣченіи многихъ болѣзней изумительныхъ результатовъ.

III.

Цзу-хо всталъ поздно, когда остальные рабочіе уже сидѣли за столами, врытыми ножками въ глиня-

ный полъ фаньцзи и завтракали. Всполоснувъ лицо студеной, ключевой водой, онъ присѣлъ къ одному изъ столовъ и нехотя наложилъ въ глиняную чашку круто сваренаго проса и отварной морской капусты, служащей у китайцевъ пикантной приправой ко всѣмъ кушаньямъ. Рабочіе торопливо дѣйствовали своими тоненькими палочками, замѣняющими у народовъ крайняго востока ложки, ножи и вилки. Весело тараторя, они наполняли рты просомъ и обильно запивали ханшиномъ [1]), наливая его изъ глиняныхъ кувшиновъ въ миніатюрныя чашечки. Цзу-хо ѣлъ молча и лѣниво, весь поглощенный неотвязчивою мыслью о волшебной пади. „Пойду, непремѣнно пойду искать ее", шепталъ онъ про себя. „Нечего бояться!... Все равно, рано или поздно, смерти не минуешь. Найду падь или-же погибну въ тайгѣ"!..

— О чемъ задумался, Цзу-хо? неожиданно спросилъ рядомъ сидѣвшій Куэн-чу, пытливо посматривая на молодого китайца. Цзу-хо вздрогнулъ отъ этого рѣзкаго вмѣшательства въ его затаенныя думы и едва не растерялся, придавленный пытливымъ, проницательнымъ взоромъ стараго бродяги. Собравшись духомъ, онъ отвѣтилъ, по возможности, хладнокровно и спокойно:

— Ни о чемъ!.. Просто голова что-то разболѣлась... Спалъ плохо...

— Кто-же тебѣ спать мѣшалъ? настойчиво приставалъ Куэн-чу, продолжая всматриваться въ усталое, измятое лицо товарища.

— Что пристадъ! разсердился Цзу-хо, испугавшійся, какъ-бы опытный и наблюдательный бродяга не отгадалъ бы его тайной мысли о волшебной пади.

— Не сердись, хладнокровно замѣтилъ Куэн-чу.— Ты, я хорошо вижу, что-то задумалъ, такъ я хочу по-

[1]) Ханшинъ—крѣпкій напитокъ, добываемый изъ будды сяомидзы.

мочь тебѣ!.. Пойдемъ, справимъ кады [1]) и будемъ братьями... Ты мнѣ понравился...

Цзу-хо разомъ повеселѣлъ: ему, юношѣ, предлагалъ вѣрную дружбу и братскую любовь старый, опытный искатель чудодѣйственнаго корня жень-шень, отлично знакомый съ секретами глухой, таинственной тайги и хребта Сихотэ-Алинь. Пренебрегать подобнымъ предложеніемъ было нельзя, и Цзу-хо торопливо поднялся изъ-за стола и вышелъ изъ фаньцзи. Куен-чу послѣдовалъ за нимъ.

— Согласенъ ты на кады? спросилъ онъ юношу.

— Конечно, другъ, согласенъ! радостно проговорилъ тотъ.—Я, вѣдь, одинъ... Отца, матери не знаю, друзей нѣтъ... Для меня твоя дружба будетъ очень дорога.

— Такъ пойдемъ, принесемъ надлежащую клятву передъ богами, предложилъ Куен-чу, направляясь лѣнивою, переваливающеюся походкою къ небольшой деревянной кумирнѣ, стоявшей въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воротъ фаньцзи, среди граціозной, перистой листвы роскошной пробки.

Цзу-хо безпрекословно послѣдовалъ за искателемъ жень-шеня, искренно радуясь неожиданному счастью. Черезъ нѣсколько минутъ молчаливой ходьбы, новые друзья подошли къ бурхану [2]). Это былъ большой, деревянный, ярко раскрашенный ящикъ, заставленный съ открытой стороны деревянной-же рѣшеткой грубой работы, но тѣмъ не менѣе также раскрашенной въ томъ же китайскомъ вкусѣ. За рѣшеткой виднѣлись бронзовые и деревянные идолы небольшихъ размѣровъ; нѣко-

---

[1]) Кады—клятва братской взаимной любви. Клятва эта имѣетъ громадное распространеніе среди китайцевъ и сплочиваетъ ихъ въ единодушное общество, въ родѣ еврейскаго кагала. Кады налагаетъ на членовъ этого тайнаго товарищества обязательство помогать другъ другу при всѣхъ обстоятельствахъ, не жалѣя средствъ и жизни. Кады ведетъ свое начало изъ древнихъ обычаевъ Маньчжуріи. Въ Китаѣ онъ воспрещенъ подъ смертною казнью, такъ какъ служилъ до сихъ поръ для революціонныхъ замысловъ.

[2]) Бурханомъ называютъ китайцы кумирню.

торые боги были лубочно изображены на бумагѣ, развѣшанной по стѣнкамъ ящика. На самомъ главномъ мѣстѣ, впереди всѣхъ красовался царь боговъ Лаое, въ видѣ страшнаго огнедышащаго дракона. Вокругъ послѣдняго группировались, сообразно ихъ могуществу и чину, другіе божки въ видѣ уродливыхъ изображеній людей. По правую сторону стояли: Тху-ды—богъ земли, самый добрый изъ всѣхъ божествъ, Лунъ-ванъ—богъ дождя, Мао-ванъ—богъ огня и лошадей и Цхай-жень—богъ богатства и изобилія. Съ лѣвой стороны дракона вытянулись въ линію до-нельзя безобразные боги: разрушенія - Шань-жень, войны—Ундцы и Сіо-куй или чортъ, самый скверный изъ божествъ; особенно ненавистенъ онъ путникамъ, которыхъ старается невидимо или завести въ какую-нибудь непроницаемую глушь и безвыходную трущобу, или-же появляясь въ видѣ волковъ, особенно красныхъ, губитъ ихъ, несмотря на энергичное заступничество бога путниковъ—У-дау, мирно пріютившагося въ бурханѣ позади Лаое. Рядомъ съ У-дау красовался Пан-гуа, богъ-писарь, посредникъ между живыми и мертвыми. Къ нему обращаются вѣрующіе въ томъ случаѣ, когда они желаютъ послать письмо къ одному изъ умершихъ друзей или родственниковъ... Передъ всѣми божками виднѣлись всевозможныя приношенія: бронзовыя, глиняныя и деревянныя чашечки съ рисомъ, будой и ханшиномъ, булочки, испеченныя изъ проса на кунжутномъ маслѣ и наконецъ гладко-отполированные камешки, обструганныя палочки и миніатюрныя дощечки съ разными надписями, вѣроятно письменными просьбами о заступничествѣ и покровительствѣ. На нѣкоторыхъ идолахъ висѣли кусочки разноцвѣтной бумаги и матеріи, бумажныя полоски, на однихъ больше, на другихъ меньше, сообразно услугамъ, оказаннымъ божками вѣрующимъ. Физіономіи почти всѣхъ идоловъ были вымазаны вареным просомъ—это особенно вѣрующіе кормили боговъ изъ своихъ рукъ, съ цѣлью полнаго ихъ ублаготворенія...

Подойдя къ бурхану, Куен-чу и Цзу-хо опустились на колѣна, подняли руки къ небу, сдѣлали земной поклонъ и затѣмъ положили передъ излюбленными идолами свои посильныя приношенія: первый бросилъ горсточку табаку, а послѣдній—камешекъ, поднятый тутъ-же на дорогѣ. По исполненіи этихъ обрядностей, старый бродяга досталъ изъ небольшого мѣшечка, висѣвшаго у него на поясѣ, баночку съ разведенною тушью, кисточку и двѣ полоски бумаги, на одной изъ которыхъ быстро написалъ свое имя.

— И ты напиши какъ тебя звать, обратился онъ къ молодому товарищу, подавая ему другую полоску бумаги и кисть.

Цзу-хо, хорошо знакомый съ обычаемъ кады, молча вывелъ на переданной ему полоскѣ какія-то каракули и, держа ее въ рукахъ, сдѣлалъ земной поклонъ бродягѣ. Тотъ отвѣтилъ тѣмъ-же. Затѣмъ, оба повѣсили свои бумажки на ближайшихъ идоловъ.

— Теперь мы братья до смерти! торжественно проговорилъ Куен-чу.—На насъ лежитъ обязанность помогать другъ-другу, хотя-бы для того пришлось пожертвовать жизнью. Все у насъ теперь общее: деньги, вещи, радости и печали. Тайнъ другъ отъ друга не должно быть. Запомни это хорошенько!..

— Буду помнить, твердо отвѣтилъ Цзу-хо, взволнованный и радостный по случаю неожиданнаго пріобрѣтенія такого вѣрнаго и надежнаго друга, какимъ казался ему старый бродяга.

— Пойдемъ, поговоримъ теперь о дѣлѣ, предложилъ Куен-чу, направляясь въ чащу, съ цѣлью избѣгнуть посторонняго глаза и уха.

— Я хорошо знаю, что ты задумалъ, рѣшительно приступилъ къ дѣлу искатель жень-шеня, какъ только новые братья скрылись въ роскошной листвѣ тропической растительности.—Ты хочешь добраться до волшебной пади Ула-Джана...

— Кто тебѣ сказалъ? воскликнулъ Цзу-хо, крайне

пораженный удивительною проницательностью стараго бродяги.

— Я отгадалъ? спросилъ Куен-чу, пытливо всматриваясь въ лицо товарища.

— Вѣрно, вѣрно, смутился Цзу-хо, пойманный врасплохъ неожиданной разгадкой его затаенныхъ мыслей.— А развѣ это невозможно? спросилъ онъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Возможно, другъ мой, возможно для тебя—я въ этомъ увѣренъ! поспѣшно отвѣтилъ искатель женьшеня. — Ты еще совсѣмъ мальчикъ, неиспорченный и хорошій... Вѣдь, навѣрное, руки твои совершенно чисты?.. Ты не обагрялъ ихъ кровью врага?..

— Я никого не убивалъ, просто сказалъ Цзу-хо.

— Да поможетъ тогда тебѣ божественный Фо! торжественно проговорилъ Куен-чу. — Надо попытать счастье: можетъ быть оно дастся тебѣ въ руки... Слушай хорошенько!.. Сегодня-же ночью уйдемъ тайно изъ фаньцзи и направимся въ Сихотэ-Алинь. Помни только одно: никому ни слова!.. Никто не долженъ знать нашихъ намѣреній... Когда наступитъ время, я тебѣ скажу, а теперь ступай въ фаньцзу, да смотри, будь остороженъ и молчи...

IV.

Цѣлый день Цзу-хо провелъ какъ въ чаду, съ нетерпѣніемъ ожидая наступленія сумерекъ. День казался ему необычайно длиннымъ. Сотни разъ онъ посматривалъ на солнце, но оно, какъ нарочно, двигалось по ясному небосклону мучительно медленно, словно не желая скрыться за мохнатыя вершины лѣса, темнѣвшаго вдали. Но вотъ, наконецъ, дневное свѣтило сжалилось надъ Цзу-хо и величественно склонилось за горизонтъ. Всюду легли темныя тѣни. Таинственный полумракъ быстро окутывалъ горы, лѣсъ, поля, ближайшія рощи и фаньцзу, обитатели которой уже спали, до-нельзя уставшіе отъ тяжелыхъ полевыхъ работъ подъ жгучими

лучами лѣтняго солнца. Луна еще не взошла, но надъ отдаленными вершинами Сихотэ-Алинь уже появилась слабая бѣлесоватая полоска—предвѣстница скораго восхода ночного свѣтила... Въ это время, изъ воротъ фаньцзы неслышно вышли два человѣка и, внимательно осмотрѣвшись, осторожно направились къ бурхану. Несмотря на господствовавшій полумракъ, въ одномъ изъ нихъ легко можно было признать Куен-чу, а въ другомъ—Цзу-хо. У обоихъ торчали за плечами тяжелыя фитильныя ружья съ сошками, украденныя старымъ бродягой у оплошнаго хозяина фаньцзи, а на поясѣ висѣли большіе ножи, необходимые въ тайгѣ и похищенные въ той же фаньцзѣ, вмѣстѣ съ довольно значительнымъ запасомъ пороху, свинцу и кое-какой провизіи. Въ данномъ случаѣ, Куен-чу нарушилъ святой законъ китайскаго гостепріимства, признаваемый даже отъявленными негодяями; но только исключительныя обстоятельства заставили его отплатить радушному хозяину фаньцзи черною неблагодарностью. Старый бродяга и самъ находилъ свой поступокъ гадкимъ, заслуживающимъ даже кроваваго возмездія, но, въ то-же время, извинительнымъ, въ виду положительной невозможности итти въ страшную тайгу безъ оружія, добыть которое иными средствами не представлялось возможнымъ. У обоихъ бродягъ не было въ карманахъ ни копейки; все ихъ богатство заключалось только въ носильномъ платьѣ, да и то время успѣло уже превратить его въ довольно ветхія рубища.

— Помолимся У-дау, а также попросимъ у Сіо-куя не тревожить насъ въ тайгѣ, предложилъ Куен-чу, подойдя къ бурхану.—У-дау, ты хорошо знаешь, можетъ оказать намъ свое покровительство; а мерзкаго Сіо-куя надо умилостивить—иначе онъ не допуститъ тебя до волшебной пади, а заведетъ въ такую трущобу, гдѣ подохнешь отъ голоду или попадешь на зубы ламазѣ [1]), либо барсу...

[1]) Китайцы называютъ «ламазой» тигра.

Бродяги встали опять передъ бурханомъ на колѣна и, воздѣвъ руки къ небу, начали горячо просить У-дау сохранить въ тайгѣ ихъ жизнь и избавить отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ козней свирѣпаго Сіо-куя.

— Добрый У-дау, покровитель путниковъ! бормоталъ Куен-чу.—Ты долженъ принять насъ подъ свою охрану... И мы не забудемъ тебя... Наши приношенія теперь ничтожны, потому что у насъ ничего нѣтъ, а какъ вернемся благополучно изъ тайги, повѣрь намъ, поднесемъ тебѣ цѣлый корень жень-шеня и еще кое-что... Только, смотри, не плошай!.. Не дай насъ въ обиду злому Сіо-кую... Онъ вѣдь, самъ знаешь, ужасно скверный: ты зазѣваешься, а намъ плохо, будетъ, ой, какъ плохо!.. Такъ смотри-же, будь насторожѣ, не зѣвай, сберегай насъ!

Цзу-хо съ умиленіемъ слушалъ трогательную, по его мнѣнію, мольбу товарища и только время отъ времени звонко стукался лбомъ въ пыльную дорогу, желая окончательно задобрить энергичными поклонами благодушнаго У-дау и вмѣстѣ съ тѣмъ умилостивить свирѣпаго Сіо-куя...

Но вотъ бродяги, наконецъ отмолились, бросили въ бурханъ какое-то подношеніе и быстро зашагали по узкой дорогѣ къ хребту Сихотэ-Алинь, на мохнатыя вершины котораго уже легъ фантастическій отблескъ восходящей луны... Въ воздухѣ царила мертвая, душу подавляющая тишина, среди которой отчетливо раздавались лишь торопливые шаги бродягъ, спѣшившихъ избѣгнуть возможнаго преслѣдованія хозяина фаньцзи Ча, широкое гостепріимство котораго было попрано такъ возмутительно и неожиданно...

Начало свѣтать... Луна, склоняясь къ западу, постепенно блѣднѣла, словно пугаясь скораго появленія другого, болѣе блестящаго свѣтила. Въ чащѣ послышалось легкое щебетанье и чириканье. Гдѣ-то, вдали, протяжно крикнулъ проснувшійся гуранъ (козелъ), и этотъ отчетливый крикъ много разъ повторялся эхомъ

въ ближайшихъ ущельяхъ и падяхъ... Изъ подъ нависшаго надъ рѣкой кустарника тяжело поднялись заночевавшія тамъ утки и съ громкимъ кряканьемъ понеслись куда-то вдаль... Вотъ пропѣлъ въ чащѣ свою предразсвѣтную пѣсню фазанъ; черезъ минуту онъ уже взлетѣлъ и стрѣлой перенесся на ближайшее поле. Вслѣдъ за нимъ поднялся изъ густой травы цѣлый выводокъ, широко распустивъ великолѣпные, разноцвѣтные хвосты... На самую дорогу выскочилъ изъ заросли граціозный пятнистый олень, но замѣтивъ приближавшихся издали бродягъ, сдѣлалъ громадный прыжокъ и мгновенно скрылся въ таинственной чащѣ... Гдѣ-то крикнулъ свиристель и одновременно, въ перебой, закаркалъ шилохвостъ, засвистѣла косачка и раздалось монотонное, скучное чириканье перепела. Откуда-то пронесся музыкальный, гармоническій крикъ бѣлаго журавля, вскорѣ слившійся съ унылымъ пѣніемъ лебедя-шипуна, клёкотомъ бѣлохвостаго орлана и рѣзкимъ крикомъ ястреба-тетеревятника, зашнырявшаго по кустамъ, какъ злой и хитрый разбойникъ. Высоко въ небѣ запарилъ черный коршунъ; широкими кругами носится онъ въ лазуревой выси и зорко высматриваетъ подходящую добычу.

— Намъ пора гдѣ-нибудь притаиться, обратился Куен-чу къ товарищу, молча слѣдовавшаго по пятамъ стараго бродяги.

Цзу-хо удивился.

— Зачѣмъ?

— Ты совсѣмъ дуракъ! разсердился Куен-чу.—Ничего не понимаешь, а тоже волшебную падь задумалъ одинъ отыскать... Подумай хорошенько: развѣ мы по добру изъ фаньцзи ушли?

Цзу-хо смутился; онъ только теперь сообразилъ, какую гадость сдѣлалъ, по наущенію товарища, какою черною неблагодарностью отвѣтилъ хозяину фаньцзи за продолжительное гостепріимство. Ему стало совѣстно за себя и за товарища.

— Дурно мы сдѣлали, что ушли, да еще ружья и ножи чужіе прихватили, началъ онъ раскаиваться.— Намъ слѣдуетъ возвратиться и отдать взятое...

— Разъ ушли—назадъ не вернемся! рѣшительно крикнулъ Куен-чу.—Если ты еще разъ заговоришь со мной о такой глупости, то я убью тебя, какъ собаку! добавилъ онъ угрожающимъ голосомъ, сверкнувъ злыми глазами.

Цзу-хо испугался. Онъ увидѣлъ теперь, въ какія попалъ руки, но малодушіе заставило его смириться передъ угрозой стараго бродяги.

— Я, вѣдь, такъ только сказалъ, началъ онъ оправдываться.—Я готовъ слѣдовать за тобой, куда угодно: вѣдь не даромъ-же мы поклялись другъ-другу въ братской любви и преданности...

Куен-чу разомъ смягчился:

— Хорошій ты мальчикъ!.. Изъ тебя выйдетъ бравый молодецъ... Ну, пойдемъ!.. Намъ надо теперь перейти Сучанъ въ бродъ и запрятаться въ чащѣ: пускай ищутъ... А ночью дальше пойдемъ... Днемъ-то, вѣдь, итти опасно: того и смотри, что накроютъ... А какъ отойдемъ подальше отъ фаньцзи, такъ и бояться будетъ нечего...

Черезъ полчаса, бродяги отыскали бродъ, перешли на другой берегъ и скрылись въ чащѣ.

V.

Ча, хозяинъ фаньцзи, проснувшись, скоро замѣтилъ отсутствіе Куен-чу и Цзу-хо, но не придалъ этому обстоятельству особеннаго значенія, такъ какъ нерѣдко случалось и раньше, что путники, пользовавшіеся гостепріимствомъ, уходили тайкомъ, не поблагодаривъ даже за оказанную услугу. Такой уходъ не считался обиднымъ. Гостепріимство со стороны каждаго зажиточнаго фермера или землевладѣльца признается всѣми китайцами какъ обязательство, уклониться отъ кото-

раго никто не имѣетъ права, на основаніи давно сложившихся убѣжденій и древнихъ обычаевъ. Каждый путникъ можетъ притти въ ближайшую фаньцзу, когда угодно, и уйти какъ изъ собственнаго жилища. Никто и никогда не старается выпытывать у подобныхъ бродягъ: кто они такіе, откуда, куда и зачѣмъ идутъ, считая подобное выпытываньe безусловно праздным, нелѣпымъ и несогласнымъ съ законами гостепріимства.

— Ушли, ну и пускай имъ покровительствуютъ божественный Фо и благодушный У-дау, спокойно проговорилъ Ча, когда кто-то изъ рабочихъ сказалъ ему объ уходѣ Куен-чу и Цзу-хо.

Тѣмъ дѣло-бы и кончилось, если-бы не случай, открывшій, что бродяги оказались рѣдкими негодяями, позволившими себѣ кровно оскорбить хозяина за хлѣбосольство и ласку. Уже послѣ обѣда, когда присяжные охотники фаньцзи начали собираться на охоту, съ цѣлью набить для работниковъ кое-какой дичи, выяснилось, что бродяги, уйдя тайкомъ, захватили съ собой два ружья, ножи, порохъ, свинецъ и еще разную мелочь. Это неожиданное открытіе взволновало всѣхъ обитателей фаньцзи. Никто никогда и не предполагалъ возможности подобнаго гнуснаго поступка. Сообщеніе о покражѣ ружей и ножей произвело на Ча ошеломляющее впечатлѣніе. Первое время онъ даже растерялся отъ неожиданности, но затѣмъ вскипѣлъ и пришелъ въ положительное неистовство:

— Поймать этихъ собакъ! завизжалъ онъ пронзительнымъ голосомъ, съ пѣною у рта,—Поймать негодяевъ!.. Живо сѣдлайте лошадей!... Я съ воровъ съ живыхъ шкуру сдеру, въ землю закопаю!.. Собаки, черепахи [1])!.. Чтобъ оленій рогъ поперекъ горла имъ всталъ!.. Живо, живо!.. кричалъ Ча на работниковъ, спѣшно готовившихъ лучшихъ лошадей. — Самъ поскачу въ погоню!..

---

[1]) Черепаха—самая оскорбительная китайская ругань.

Черезъ четверть часа, Ча уже скакалъ съ десятью рабочими по слѣдамъ скрывшихся бродягъ. Онъ рѣшилъ догнать ихъ во что-бы то ни стало и примѣрно наказать за возмутительное преступленіе. Для болѣе успѣшной погони были захвачены всѣ охотничьи собаки, на чутье которыхъ особенно надѣялся Ча. Погоня была энергичная, отчаянная. Три часа подрядъ всѣ мчались въ карьеръ, желая настигнуть бродягъ до сумерекъ, но эта бѣшеная скачка не дала еще никакого результата. Бѣглецы словно провалились въ землю.

- Мы навѣрное проскакали мимо!.., Презрѣнныя собаки гдѣ-нибудь притаились! опомнился Ча, разомъ осадивъ своего вспѣненнаго коня.—Стой!.. Назадъ!.. Смотрите хорошенько!.. Не спѣшите!.. Пустите впередъ собакъ! отдавалъ онъ энергичныя приказанія.

Погоня возвратилась, тщательно осматривая придорожныя чащи. Собаки, поощряемыя хозяевами, метались по заросли какъ угорѣлыя, спугивая притаившихся въ травѣ фазановъ... Между тѣмъ начало уже вечерѣть. Солнце медленно склонялось къ западу, обдавая косыми, но еще жгучими, лучами всю окружающую мѣстность. Почти тропическая жара, не умѣряемая хотя-бы легкимъ дуновеніемъ вѣтерка, загнала въ непролазныя, безпросвѣтныя чащи всѣхъ животныхъ и птицъ. Тайга казалась вымершею и безжизненною. Ни крика, ни звука, ни шелеста. Лишь собачій лай нарушалъ мертвую тишину таинственной чащи, то приближаясь, то замирая гдѣ-то въ отдаленіи, чуть ли не у самаго подножья холмовъ, темнѣвшихъ вдали. Сильно уставшіе преслѣдователи, на лошадяхъ, измученныхъ и покрытыхъ пѣной, шажкомъ пробирались среди густой травы, чутко прислушиваясь къ каждому подозрительному шороху. Минуты шли за минутами, но между тѣмъ, никто еще не наткнулся даже на самый ничтожный слѣдъ исчезнувшихъ бродягъ, потерянный во время отчаянной скачки. Нервное напряженіе преслѣдователей стало ослабѣвать подъ впечатлѣніемъ неуспѣха и усталости;

рабочіе начали присматриваться къ окружающимъ предметамъ не столь уже внимательно, прислушиваться съ меньшею чуткостью. Даже собаки, до-нельзя уставшія послѣ многочасовой, совершенно безцѣльной бѣготни по чащѣ, какъ-то притихли, высунувъ сухіе языки. Разсвирѣпѣвшій Ча такъ-же значительно остылъ, сталъ приходить къ сознанію полной безуспѣшности погони и помышлять о возвращеніи домой. И было уже время. Солнце приближалось къ горизонту и не болѣе какъ черезъ два часа наступила-бы такая темнота, при которой поиски были-бы положительно немыслимы.

— Неблагодарные!.. Попадетесь когда-нибудь въ мои руки — злѣйшимъ мукамъ предамъ, злобно ворчалъ Ча, выбираясь изъ густой травы на дорогу.— Кормилъ, поилъ бродягъ цѣлую недѣлю, а они отплатили, какъ разбойники... Чтобъ ихъ ламаза въ куски истерзалъ!.. Чтобъ барсъ всѣ внутренности вырвалъ!.. Чтобъ коршуны глаза повыклевали!.. Пускай у нихъ въ горлѣ оленьи рога вырастутъ!..

Ругаясь и понося бродягъ, Ча выѣхалъ изъ чащи, еще разъ внимательно оглядѣлъ окружающую мѣстность и досадливо плюнулъ, видимо недовольный, что и этотъ послѣдній осмотръ не удовлетворилъ слабой надежды подмѣтить что-либо подозрительное. Черезъ минуту раздумья, Ча тяжело вздохнулъ, нехотя приставилъ ко рту два пальца и свистнулъ такъ пронзительно, что сидѣвшій вблизи ястребъ испуганно сорвался съ вершины вѣкового, развѣсистаго ильма и стрѣлой поднялся въ высь лазурнаго неба. Работники, услышавъ призывный свистъ сердитаго хозяина, стали торопливо выбираться изъ заросли, отчасти довольные, что погоня ихъ не увѣнчалась успѣхомъ. Хотя они искали усердно, опасаясь хозяйскаго истязанія, но многимъ было жалко изловить Цзу-хо, къ которому они привязались, благодаря его миловидности, тихому нраву и услужливости. Преслѣдователи, исполняя непреклонную волю грознаго хозяина, отъ души желали въ то-

же время, чтобы по крайней мѣрѣ Цзу-хо избѣгъ кровавой мести свирѣпаго Ча. Они были увѣрены, что юноша бѣжалъ по наущенію стараго бродяги, но самъ никогда не рѣшился-бы на возмутительное преступленіе противъ законовъ и обычаевъ гостепріимства. Рабочіе старались оправдать поступокъ юноши зловреднымъ вліяніемъ, обольщеніями и даже угрозами Куен-чу—человѣка, по общему мнѣнію, въ высшей степени безнравственнаго и гадкаго.

— Надо только Куен-чу поймать, да проучить его хорошенько, бесѣдовали китайцы, выѣзжая на дорогу.— Цзу-хо право не виноватъ... А попадись онъ въ лапы нашему хозяину, такъ и ему не сдобровать. Въ злобѣ своей Ча замучаетъ обоихъ: вѣдь онъ звѣрь хуже ламазы и барса... Онъ уже показалъ себя!.. Сколько раньше людей перемучилъ, да и намъ спуску не даетъ... Настоящій Сіо-куй!.. Вонъ онъ стоитъ, насъ поджидаетъ... Глядите, какъ глаза таращитъ... Настоящій голодный ламаза!..

Работники ударили по лошадямъ и крупной рысцей подъѣхали къ Ча, продолжавшему пытливо оглядывать близъ лежащую мѣстность.

— Ну, что? Ничего не видѣли, слѣпыя собаки! грубо крикнулъ онъ рабочимъ.

— Ничего, хозяинъ, ничего! раболѣпно и подобострастно отвѣтили тѣ.—А ужъ искали какъ!.. Кажется ни кусточка не оставили безъ осмотра... Всюду шарили!..

— Не перешли-ли они въ бродъ на другой берегъ Сучана? сдѣлалъ Ча возможное предположеніе.—Надо бы и тамъ пошарить немного... Эй, Лон-хоу, Сеотокви и Кы-пу за мной!.. У васъ лошади посвѣжѣй! крикнулъ вдругъ хозяинъ, разомъ осѣненный какою-то счастливою мыслью. — Остальные ожидайте здѣсь, а какъ только свистну — живо на тотъ берегъ на помощь скачите...

— Не поздно-ли будетъ?.. Гляди, хозяинъ, солнышко скоро зайдетъ, осмѣлился замѣтить Сеотокви.

— Молчать, негодная собака!.. Исполняй, что приказалъ! разсвирѣпѣлъ опять Ча.—За мной!.. И ударивъ лошадь ногайкой, онъ понесся въ карьеръ къ берегу рѣки. Выбранные рабочіе поскакали за хозяиномъ, хорошо зная, что малѣйшее ослушаніе можетъ повлечь жестокое наказаніе. Собаки, поощряемыя новыми криками, оживились и бросились вслѣдъ за умчавшимися всадниками.

VI.

Куен-чу и Цзу-хо, перебравшись черезъ рѣку, зашли въ ближайшую чащу, плотно позавтракали захваченной провизіей и завалились спать. Ночной, усиленный переходъ измучилъ ихъ настолько, что они чувствовали неотразимую потребность хорошенько отдохнуть и собраться съ силами для дальнѣйшаго, еще болѣе труднаго путешествія. Бродяги уснули какъ мертвые, даже забывъ объ окружающихъ опасностяхъ, въ особенности о возможномъ нападеніи тигра, барса либо медвѣдя. Освѣжающая прохлада тайги, мягкое, пышное и душистое ложе нѣжили и манили ко сну. Широко разметавшись на густой травѣ, бродяги спали сномъ невинныхъ младенцевъ, ничего не опасаясь, не тревожимые никакими сновидѣніями, забывъ передрягу прошлаго дня и ночи. Время шло незамѣтно. Куен-чу раза два просыпался, внимательно прислушивался къ таинственному шепоту тайги и черезъ минуту вновь засыпалъ, совершенно успокоенный окружающей мертвою тишиною. Цзу-хо, сильно уставшій отъ непривычной ходьбы, спалъ безъ просыпу, довѣрчиво отдавшись коварной тайгѣ... Спалъ онъ долго... Вдругъ ему почудилось, что кто-то схватилъ его за плечо и началъ неистово трясти. Цзу-хо съ трудомъ проснулся, раскрылъ глаза и въ ужасѣ замеръ: надъ нимъ склонилась какая-то темная, неопредѣленная масса и, вцѣпившись въ плечо, судорожно трясла его и тормо-

шила... Цзу-хо похолодѣлъ; его горло сдавило судорогой и онъ не могъ ни крикнуть, ни простонать. Ужасная мысль пронизала его мозгъ: ему вдругъ представилось, что онъ попалъ въ лапы хищника, и теперь все пропало—жизнь и завѣтная мечта отыскать волшебную падь. Цзу-хо, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ подавляющаго страха, опять закрылъ глаза и покорно отдался во власть неизвѣстнаго чудовища, не имѣя силъ противиться и бороться. Чудовище, между тѣмъ, продолжало трясти его все сильнѣй и сильнѣй... Мало того, оно начало хрипѣть и ворчать.

— Цзу-хо, Цзу-хо!.. Да проснись-же, наконецъ!— вдругъ ясно разслышалъ онъ чей-то хриплый, дрожащій голосъ.—Проснись, или тебя убьютъ, какъ собаку... Вставай скорѣй!..

— Цзу-хо разомъ ободрился, опять раскрылъ глаза и внимательно оглядѣлъ склонившееся надъ нимъ чудовище, вдругъ заговорившее человѣческимъ голосомъ.

Цзу-хо, вставай-же голубчикъ!.. Это я—Сеотокви... Случайно наткнулся на васъ...—шепталъ кто-то, дрожа словно въ лихорадкѣ.—Хозяинъ тебя ищетъ... Онъ тутъ совсѣмъ близко... Ой, ой, какъ будетъ тебѣ плохо!.. Живо ползи дальше, въ чащу!..

Цзу-хо встрепенулся, испуганно вскочилъ на ноги и стремительно метнулся къ крѣпко спавшему товарищу.

— Ни съ мѣста!.. Стой!..—судорожно зашепталъ Сеотокви, удерживая Цзу-хо за руку... Оставь его!.. Бѣги одинъ... Пускай онъ пропадетъ, какъ собака!.. Этотъ разбойникъ вполнѣ заслужилъ возмездіе!..

– Пусти меня,—твердо проговорилъ Цзу-хо.—Я долженъ спасти его: мы съ нимъ кады!..

Сдово „кады“ произвело на Сеотокви магическое впечатлѣніе. Онъ понялъ, какая могучая, неразрывная связь существуетъ между бродягами и не счелъ возможнымъ содѣйствовать нарушенію страшной клятвы взаимной любви, преданности и помощи.

— Дѣлай, какъ знаешь!—прошепталъ Сеотокви и исчезъ въ чащѣ.

Цзу-хо, между тѣмъ, бросился къ Куен-чу и сильно встряхнулъ его. Тотъ вскочилъ, недоумѣвая.

— За нами погоня!—проговорилъ шепотомъ Цзу-хо. Ча съ людьми ищетъ насъ и рыскаетъ поблизости... Слышишь?.. Собаки лаютъ!.. Дѣйствительно, вдали раздался лай, быстро приближавшійся: видимо, собаки напали на вѣрный слѣдъ.

Куен-чу встрепенулся, быстро досталъ изъ кармана огниво и трутъ, высѣкъ огонь и зажегъ фитиль у своего ружья.

Цзу-хо хотѣлъ было послѣдовать примѣру товарища, но тотъ остановилъ его, энергично прошептавъ:

— Не надо!.. Ты не долженъ обагрять кровью своихъ рукъ... Если это случится, ты никогда не достигнешь волшебной пади. Оставь ружье здѣсь, а самъ ползи дальше, въ самую глушь и сиди тамъ смирно, пока не позову...

Цзу-хо вспомнилъ о легендѣ, разсказанной старикомъ наканунѣ ночью, и безпрекословно поползъ въ чащу, съ трудомъ пробираясь среди сплошной почти стѣны сплетшагося виноградника, боярки, леспедицы, бузины и другихъ кустарныхъ растеній. И было уже пора!.. Преслѣдователи были совсѣмъ близко. Собачій лай раздавался совершенно отчетливо, даже слышно было прерывистое дыханіе освирѣпѣвшихъ животныхъ. Куен-чу, скрывшись за толстымъ стволомъ величественнаго кедра, ждалъ нападенія спокойно и хладнокровно, зорко всматриваясь въ таинственную полутьму тайги и чутко прислушиваясь къ каждому подозрительному шороху. Собаки, чуя врага, лаяли въ близкомъ разстояніи, видимо не рѣшаясь произвести рѣшительную атаку... Куен-чу, положивъ ружье на сошки, выжидалъ... Вотъ послышался слабый шелестъ травы, едва долетѣвшій до чуткаго уха бродяги: казалось, кто-то ползъ, но ползъ чрезвычайно осторожно. Куен-чу на-

сторожился; его злые глаза метали искры; онъ ждалъ врага съ затаенною злобою, рѣшившись продать свою жизнь возможно дороже... Черезъ минуту шелестъ прекратился: видимо, нападающій остановился и, въ свою очередь прислушивался... Но вотъ онъ опять поползъ, тихо, безшумно, какъ соболь. Въ тотъ-же моментъ раздался такой-же осторожный шорохъ съ другой стороны... Бродяга моментально сообразилъ, что его окружили и хотятъ атаковать со всѣхъ сторонъ одновременно. Не долго думая, Куен-чу закинулъ ружья за плечо, ухватился мускулистыми руками за ближайшую вѣтвь кедра и, моментально поднялся на саженную высоту, тщательно скрывшись въ то-же время, въ густой листвѣ подлѣска.

Между тѣмъ собаки залаяли усиленно, какъ только почувствовали, что Куен-чу закопошился. Нападающіе со своей стороны пріостановились, опасаясь засады и неожиданнаго удара. Всѣ таили мертвое молчаніе. Облава на людей велась съ удивительною осторожностью и осмотрительностью: было очевидно, что работники Ча не желали рисковать своею жизнью понапрасну и безрасчетливо. Они хотѣли захватить бродягъ безъ риску и кровопролитія, захватить во чтобы-то ни стало, такъ какъ хозяинъ пообѣщалъ за каждаго по десяти лянъ [1]) серебра.

Между тѣмъ наступали уже сумерки; надо было торопиться кончить дѣло до темноты. Ча поощрялъ работниковъ то лаской, то угрозами, то щедрыми обѣщаніями. Тѣ осмотрительно ползли все дальше и дальше, осторожно приближаясь къ гигантскому кедру, на нижнихъ вѣтвяхъ котораго умостился бѣглецъ...

Прошло нѣсколько минутъ, одинаково мучительныхъ, какъ для нападающихъ, такъ и для преслѣдуемыхъ. Куен-чу, напрягши зрѣніе, не спускалъ глазъ съ того мѣста, гдѣ слышался болѣе ясный шорохъ. Вотъ среди

[1]) Лянь серебра равенъ 2½ руб.

темной листвы что-то зашевелилось. Бродяга сталъ всматриваться и примѣтилъ нѣчто похожее на человѣческую голову. Куен-чу неслышно навелъ ружье и... спустилъ курокъ. Чаща огласилась громомъ выстрѣла, неожиданнаго для нападающихъ. Почти одновременно раздался чей-то пронзительный крикъ. Доселѣ мертвая тайга словно ожила и застонала. Притаившіеся рабочіе, увидѣвъ, что они открыты, стремительно бросились изъ чащи, опасаясь пасть подъ мѣткими пулями.

— Презрѣнные трусы!.. Негодяи!.. Черепахи неповоротливыя! неистово завизжалъ Ча, замѣтивъ бѣгущихъ рабочихъ, охваченныхъ паникой. Затѣмъ, онъ съ остервенѣніемъ набросился на нихъ и сталъ безпощадно хлестать нагайкой направо и налѣво:

— Назадъ, негодяи, въ тайгу!.. Изловить разбойниковъ во что-бы то ни стало!.. Трусы!.. Шкуру сниму съ каждаго, кто ослушается!..

Испуганные рабочіе, оказавшіеся между молотомъ и наковальней, не знали, что дѣлать: ихъ ожидала вѣрная смерть въ тайгѣ и злѣйшія муки дома, если-бы они осмѣлились не исполнить отданнаго приказанія. Они хорошо знали своего хозяина, онъ уже не разъ выказывалъ относительно строптивыхъ рабочихъ поразительную и неумолимую жестокость.

Можно было быть увѣреннымъ, что, по возвращеніи въ фаньцзу, всѣмъ пришлось-бы очень плохо. Поэтому оставалось исполнить волю хозяина, хлеставшаго ихъ нагайкой прямо по полубритымъ головамъ. Всѣ бросились опять въ тайгу, не смотря на то, что солнце уже зашло, и лѣтній день смѣнился полумракомъ наступающей ночи. Ча сталъ нетерпѣливо ожидать результата вторичной атаки, чутко прислушиваясь, что творится въ чащѣ. Вдругъ раздался новый выстрѣлъ и повторился эхомъ въ ближайшихъ ущельяхъ. Ча невольно вздрогнулъ. Черезъ минуту, изъ чащи выбѣжали посланные рабочіе; они что-то галдѣли и энергично жестикулировали. Ча подскакалъ ближе.

— Что вы орете?—крикнулъ онъ злобно.

– Раньше Фун-чау убили, а теперь Сеотокви подстрѣлили!.. Такъ насъ всѣхъ перебьютъ!.. Кто ихъ знаетъ—гдѣ они притаились?— зашумѣли рабочіе... Довольно съ насъ!.. Ничего не подѣлаешь!.. Гляди, темень какая!.. Ты, хозяинъ, самъ-бы съ нами пошелъ!..

Ча увидѣлъ, что настаивать дольше на новыхъ атакахъ опасно и, затаивъ въ себѣ злобу и месть, заворчалъ:

— Ну, ладно, обождемъ до утра, а съ разсвѣтомъ и захватимъ разбойниковъ... Разводите костры, да заночуемъ здѣсь! .

— Что ты, что ты, хозяинъ, задумалъ! раздался энергичный протестъ рабочихъ.—Мы тутъ какъ на ладони. Если бродяги пожелаютъ, то всѣхъ насъ изъ тайги перестрѣляютъ, какъ фазановъ.

Ча, отуманенный жаждою мести, только теперь сообразилъ, что работники правы и что оставаться на глазахъ бродягъ въ высшей степени безразсудно.

— Ну, хорошо, согласился онъ, переберитесь на ту сторону Сучана и выберемъ болѣе удобный ночлегъ.

Рабочіе, обрадованные разумнымъ рѣшеніемъ хозяина, торопливо сѣли на лошадей, прихватили оставшихся послѣ выбывшихъ изъ строя Фун-чау и Сеотокви и быстро возвратились на другой берегъ рѣки.

VII.

Какъ только выяснилось, что преслѣдователи окончательно отказались отъ дальнѣйшихъ атакъ, Куен-чу осторожно сползъ съ кедра и началъ пробираться къ товарищу, притаившемуся въ тайгѣ.

— Эй, эй, Цзу-хо!.. Гдѣ ты?.. изрѣдка покрикивалъ старый бродяга.—Все кончено!.. Ползи сюда...

Цзу-хо услыхалъ призывъ товарища и немедленно присоединился къ нему. Онъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.

— Что съ тобой? участливо спросилъ Куен-чу.

— Ой, ой, какъ страшно было! проговорилъ молодой бродяга дрожащимъ голосомъ.—Ой, какъ я боялся, что меня убьютъ!..

— Теперь нечего бояться—ушли! успокоилъ Куен-чу юношу.—Впрочемъ, не всѣ, кажется, ушли, добавилъ онъ съ злою усмѣшкою; двое отдыхаютъ тутъ по-близости: видно очень устали...

— Неужели ты ихъ убилъ? съ испугомъ прошепталъ Цзу-хо.

— Лучше, что я ихъ убилъ, чѣмъ они насъ, съ отталкивающимъ цинизмомъ проговорилъ старый бродяга.—Ты, я вижу, совсѣмъ еще неопытный младенецъ! сердито добавилъ онъ.—Ну, нечего слюни распускать: намъ пора пробираться дальше, а то какъ-разъ, завтра прихлопнутъ и насъ... Вѣдь я хорошо знаю Ча: онъ не такъ скоро откажется отъ своего намѣренія изловить насъ... Ну, пойдемъ!..

И Куен-чу зашагалъ по едва-замѣтной звѣровой тропѣ, по направленію къ ближайшему хребту. Цзу-хо безпрекословно слѣдовалъ за товарищемъ. Дорога была тяжелая. Ноги запутывались въ сплошномъ коврѣ, сотканномъ виноградомъ; низко опустившіяся вѣтви кустарниковъ и подлѣска хлестали по глазамъ, царапали лицо и рвали рубища бродягъ. Было совершенно темно и только зоркій, привычный глазъ стараго искателя женьшеня могъ разглядѣть узкую тропинку, затѣйливо вившуюся подъ низкимъ сводомъ безпросвѣтной листвы сплетшихся деревьевъ и кустарниковъ, щедро перевитыхъ толстыми, цѣпкими лозами винограда. Ночь прошла спокойно и благополучно. Никѣмъ не тревожимые, путники вышли съ разсвѣтомъ къ холмамъ и вздохнули свободною грудью: они находились уже въ безопасности, такъ какъ даже разсвирѣпѣвшій Ча не рискнулъ-бы зайти въ такую глушь, гдѣ преслѣдованіе бродягъ было-бы по меньшей мѣрѣ безразсуднымъ...

* * *

Едва востокъ заалѣлъ первыми отблесками восходящаго солнца, Ча уже былъ на ногахъ и энергично торопилъ рабочихъ къ дальнѣйшему преслѣдованію бѣглецовъ, за головы которыхъ онъ возвысилъ плату до двадцати ланъ за каждую: до такой степени ему хотѣлось удовлетворить свою кровожадную месть.

Рабочіе, охваченные алчностью, съ новой энергіей и мужествомъ перебрались черезъ рѣку, спѣшились и вновь повели правильную облаву того мѣста, гдѣ, по ихъ предположенію, должны были таиться бродяги. Черезъ полчаса, одинъ изъ работниковъ наткнулся на похолодѣвшій уже трупъ Фун-чау; а другіе случайно отыскали Сеотокви еще живого, но съ страшной раной въ плечѣ и совершенно обезсиленнаго отъ большой потери крови. Друзья Сеотокви немедленно вынесли его на лужайку, гдѣ болѣе опытный маньцзи обмылъ рану и перевязалъ ее разными цѣлебными травами. Ча также ухаживалъ за раненымъ, стараясь привести его въ чувство, съ цѣлью разузнать кое-что о бродягахъ. Хлопоты эти не увѣнчались желаемымъ успѣхомъ. Сеотокви находился въ полномъ безпамятствѣ и только шевелилъ губами, желая что-то сказать. Повидимому, начинался бредъ. Невнятный въ началѣ шепотъ становился громче и громче. Ча началъ прислушиваться, прежде просто ради удовлетворенія, присущаго всѣмъ китайцамъ, любопытства, но затѣмъ, заинтересованный нѣсколькими случайно схваченными словами, сталъ вслушиваться въ бредъ раненаго со вниманіемъ.

— Цзу-хо, вставай-же!.. Бѣги!.. судорожно шепталъ Сеотокви. Постой... Куда ты?.. Оставь этого разбойника... Онъ меня убилъ... Бѣги скорѣй... хозяинъ близко... Онъ убьетъ тебя, какъ собаку... Да и мнѣ не сдобровать!..

— Не сдобровать! со страшною злобою заворчалъ Ча, начиная догадываться, что Сеотокви, вѣроятно, предупредилъ во-время бродягъ о преслѣдованіи. — Не сдобровать!.. Съ живого шкуру сдеру!.. Я тебѣ по-

кажу, какъ съ разбойниками ладить!.. Эй, Ли-фу! крикнулъ онъ маньцзи перевязавшему рану Сеотокви. Вылѣчи мнѣ эту собаку во что-бы то ни стало... Награду получишь...

Ли-фу обрадовался обѣщанію хозяина и еще внимательнѣе сталъ ухаживать за раненымъ. Ча отошелъ въ сторону и началъ нетерпѣливо ожидать возвращенія рабочихъ, скрывшихся въ тайгѣ уже болѣе трехъ часовъ тому назадъ. Онъ недоумѣвалъ, что ихъ задерживаетъ, злился и ворчалъ:

— Спать вѣроятно завалились, презрѣнныя, трусливыя собаки... Хозяина надувать... Вѣрно сговорились съ разбойниками... Попадетъ имъ за это отъ меня!.. Я ихъ проберу!.. Я имъ покажу, какъ противъ хозяина итти!..

Прошло еще около двухъ часовъ. Ча, не смотря на свойственную ему трусость, уже собирался самъ итти въ тайгу, какъ вдругъ изъ чащи показались страшно измученные рабочіе, въ изорванной одеждѣ, исцарапанные и совершенно обезкураженные.

— Что!.. Одни?.. Упустили разбойниковъ! заревѣлъ на нихъ Ча.—Гдѣ такъ долго были?.. Негодные псы!.. Черепахи неповоротливыя!..

— Перестань, хозяинъ, пожалуйста ругаться, подобострастно проговорилъ одинъ изъ рабочихъ, наиболѣе смѣлый и мужественный. -Право мы не виноваты. Всю тайгу обшарили и никого не нашли... Навѣрное разбойники успѣли до хребта за ночь добраться, а тамъ, вѣдь кто ихъ разыщетъ!..

— Вижу вы всѣ ловкіе мошенники! разсвирѣпѣлъ опять Ча.—Все теперь знаю!.. Попадетъ отъ меня Сеотокви, шибко попадетъ... Не обрадуется!..

Рабочіе недоумѣвали, съ чего разсвирѣпѣлъ хозяинъ на Сеотокви, безпомощно лежавшаго на травѣ и пострадавшаго именно при преслѣдованіи бродягъ.

Сеотокви жизнью своею за хозяина пожертвовалъ, а тотъ его ругаетъ и наказать хочетъ,—шепта-

лись рабочіе, возвращаясь домой.—Это совсѣмъ не ладно... Ча, видно со злости съ ума сошелъ и самъ не знаетъ что его языкъ болтаетъ... Пускай онъ пошумитъ, а тамъ, можетъ быть, и въ себя придетъ, образумится...

Рабочіе ошиблись. Ча ругался всю дорогу, какъ бѣсноватый, и продолжалъ ругаться даже по возвращеніи домой. Маньцзи притихли и старались не попадаться хозяину на глаза. Они знали его крутой нравъ и опасались, что онъ, охваченный безумнымъ гнѣвомъ, совершитъ опять какую-нибудь неистовую жестокость. Вѣдь Ча,—имъ было отлично извѣстно,—любилъ тѣшиться надъ закабаленными рабочими, которыми распоряжался какъ деспотъ и тиранъ. Всѣ боялись его больше, чѣмъ кровожаднаго тигра, и трепетали отъ одного его взгляда. Сто слишкомъ работниковъ видѣли въ Ча своего властителя, покорно гнули шеи подъ тяжелымъ и мучительнымъ ярмомъ и даже не пытались отстаивать свое человѣческое достоинство. Таковъ ужъ характеръ закабаленнаго китайца.

На другой день, Ча, проснувшись, сейчасъ-же справился о состояніи здоровья Сеотокви.

— Пришелъ въ себя но очень слабъ, доложилъ Ли-фу.

— Ага, въ себя пришелъ! злобно обрадовался Ча.—Пойду, побесѣдую съ нимъ... И вы послушайте, что Сеотокви разскажетъ намъ! обратился онъ къ недоумѣвающимъ рабочимъ.—Пойдемте вмѣстѣ!..

Всѣ послѣдовали за хозяиномъ, не смѣя ослушаться. Сеотокви лежалъ на нарахъ, прикрытый козьей шкурой; его глубоко-ввалившіеся глаза горѣли лихорадочнымъ огнемъ; самъ онъ трясся, ощущая нестерпимый озноб, несмотря на духоту, господствовавшую въ фаньцзи. Увидя подходящаго хозяина, Сеотокви вдругъ замеръ, какъ-то съежился и безпомощно закрылъ глаза, не имѣя, повидимому, мужества вынести пронзительный, злобный взглядъ Ча. Послѣдній, приблизившись къ раненому, началъ говорить медленно, съ разстанов-

кой, сдерживая въ груди, клокотавшій тамъ, бѣшеный порывъ.

— Разскажи-ка намъ, Сеотокви, поподробнѣе, какъ ты разбойниковъ отъ бѣды спасъ...

Раненый вздрогнулъ, точно пронизанный электрическимъ токомъ, и широко раскрылъ воспаленные глаза, въ которыхъ отражался невыразимый ужасъ.

— Ты не смущайся, продолжалъ Ча тѣмъ-же ровнымъ голосомъ, тѣшась надъ мучительнымъ испугомъ Сеотокви.—Разсказывай, а мы послушаемъ...

— Прости, хозяинъ! едва слышно прошепталъ раненый, безпомощно заметавшись. — Я хотѣлъ только Цзу-хо спасти... Хорошій онъ мальчикъ, добрый. Онъ не виноватъ...

— Презрѣнный песъ!.. Гадина!.. разомъ вспылилъ Ча.—Вотъ ты каковъ!.. Разбойникамъ потакаешь! Я это давно уже подозрѣвалъ... Ну, пеняй теперь на себя, а я тебя изъ рукъ своихъ не выпущу!.. Ты заслужилъ негодная собака смерть, и я предамъ тебя самой лютой казни, какъ только поправишься... Я не желаю тѣшиться надъ полумертвымъ, а ужь вдосталь натѣшусь, когда хватитъ у тебя достаточно силъ порадовать меня своими стонами и корчами! . Запереть его сейчасъ въ амбаръ и зорко смотрѣть, чтобъ не удралъ! крикнулъ онъ Ли-фу.—Ты отвѣтишь за него головой, если онъ удеретъ... Назначь сторожей, а самъ глазъ съ него не спускай... Слушайте! обратился онъ затѣмъ къ столпившимся въ испугѣ рабочимъ, грозно потрясая сжатыми кулаками.—Я знаю все!.. Отъ моего глаза ничего не скроется... Ухо мое все слышитъ... Помните, никого не пощажу изъ васъ, если когда-либо вѣдались съ разбойниками!.. Въ куски изорву, сожгу въ землю заживо!..

Рабочіе въ ужасѣ слушали свирѣпую рѣчь хозяина и трепетали за участь Сеотокви, все-таки не догадываясь, какимъ образомъ Ча узналъ объ его сношеніяхъ съ бродягами, и когда именно удалось Сеотокви преду-

предить ихъ о грозящей имъ опасности. Многіе, подъ впечатлѣніемъ слышаннаго, пришли даже къ убѣжденію, что хозяинъ навѣрное колдунъ и вѣдается съ самимъ Сіо-куемъ, который и шепчетъ ему, при случаѣ, о всемъ, что дѣлается и говорится... Слѣдовательно, надо быть впредь особенно осторожнымъ и держать языки на привязи...

Угрозы Ча не остались безъ послѣдствій: въ слѣдующую-же ночь тайно оставили фаньцзу и бѣжали въ тайгу Лонхау и Сун-зи, содѣйствовавшіе бродягамъ въ ихъ бѣгствѣ и кражѣ ружей. Никто этого обстоятельства не зналъ, но преступники, испуганные необыкновеннымъ чутьемъ хозяина, рѣшились лучше своевременно избѣгнуть мучительной казни, которой Ча грозилъ предать всѣхъ измѣнниковъ. Лонхоу и Сун-зи хорошо знали, что хозяинъ никогда не ограничивался только угрозами, но постоянно прибѣгалъ ко всевозможнымъ насиліямъ и злодѣйствамъ. Еще недавно, они отлично помнили, Ча закопалъ живымъ[1]) въ землю одного работника только за то, что тотъ осмѣлился разъ спьяна изругать хозяина и замахнуться на него глинянымъ кувшиномъ. Наказаніе это было приведено въ исполненіе съ возмутительною жестокостью и оставило неизгладимое, сильное впечатлѣніе на всѣхъ рабочихъ, увидѣвшихъ и убѣдившихся, что шутки съ Ча очень плохи...

VIII.

Прошло двѣ недѣли. Куен-чу и Цзу-хо уже успѣли добраться окольными путями до завѣтнаго хребта Сихотэ-Алинь, въ которомъ по преданію, находится волшебная падь Ула-Джана съ неистощимыми запасами чудодѣйственнаго корня. Въ истекшіе дни бродягамъ

[1]) Факты подобнаго возмутительнаго самосуда китайскихъ старшинъ подтверждаются всѣми изслѣдователями Уссурійскаго края.

пришлось вынести не мало лишеній и невзгодъ. Запасъ ихъ провизіи давно уже истощился; имъ приходилось питаться исключительно дичью и съѣдобными кореньями, которые впрочемъ удавалось добыть не всегда. Были дни, когда бродягамъ приходилось быть безъ пищи по двое сутокъ подъ-рядъ, и они питались въ этомъ случаѣ древесными листьями, либо незрѣлыми ягодами винограда. Дни и ночи они проводили въ постоянной тревогѣ, опасаясь неожиданнаго нападенія со стороны какого-нибудь хищника, которыми изобилуетъ вся мѣстность, прилегающая къ хребту. Особенно опасались они встрѣчи съ легендарными красными волками или Сіокуемъ—этимъ страшнымъ врагомъ всѣхъ путниковъ и шатуновъ. Въ постоянной тревогѣ и страхѣ, бродяги шли все-таки впередъ и впередъ, поощряемые страстнымъ, неотразимымъ желаніемъ добраться до волшебной пади. Гдѣ эта падь находится—они конечно не знали, но твердо надѣялись на случай и счастье, которые не разъ выручали искателей корня и давали имъ возможность побывать, если не въ самой пади, то хотя въ ближайшихъ къ ней мѣстностяхъ, также изобиловавшихъ жень-шенемъ. И въ этихъ случаяхъ искатели возвращались домой обогащенными на всю жизнь!.. Куен-чу мечталъ только о томъ, какъ бы добраться до этихъ завѣтныхъ мѣстъ, а затѣмъ волшебная падь была бы, по его мнѣнію, непремѣнно найдена Цзу-хо, который имѣлъ на то всѣ преимущества.

— Цзу-хо—чистый юноша... Онъ навѣрное разыщетъ падь, а я подожду его поблизости,—мечталъ старый бродяга, бодро шагая по извилистой тропѣ, вьющейся по крутому склону куполоподобнаго холма. — Корня наберемъ, разбогатѣемъ... Я сдѣлаюсь купцомъ, фаньцзи построю, рабочихъ найму...

Неожиданный, пронзительный крикъ разомъ прервалъ его розовыя мечты... Еще моментъ, и этотъ отчаянный крикъ былъ подавленъ, почти мгновенно, страшнымъ рычаніемъ...

Куен-чу быстро обернулся и похолодѣлъ: Цзу-хо, шедшій позади, всего въ нѣсколькихъ шагахъ, лежалъ навзничь, а надъ нимъ грозно стоялъ громадный тигръ, готовый растерзать свою жертву. Смертельная опасность грозила Цзу-хо; жизнь его висѣла на волоскѣ... Малѣйшая нерѣшительность, и все было бы кончено!.. Но Куен-чу не дремалъ; онъ достаточно освоился съ разнообразными опасностями коварной тайги, встрѣчалъ ихъ всегда лицомъ къ лицу и пріобрѣлъ, за время своего многолѣтняго скитальчества, способность сохранять мужество и удивительное хладнокровіе при самыхъ неожиданныхъ сюрпризахъ со стороны хищныхъ обитателей лѣсныхъ трущобъ... Онъ живо поставилъ ружье на сошки и, одновременно, пронзительно крикнулъ во всю свою богатырскую грудь, съ цѣлью испугать звѣря, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отвлечь на время его вниманіе отъ поверженной на траву жертвы. Хищникъ, увидя другого врага, нѣсколько опѣшилъ и отскочилъ въ сторону. Черезъ секунду, онъ уже пригнулся къ землѣ, съ намѣреніемъ сдѣлать новый прыжокъ. Но старикъ не зѣвалъ... Раздался выстрѣлъ, глухо зарокотавшій подъ безпросвѣтнымъ сводомъ глухой листвы. Тигръ, вмѣсто того, чтобы прыгнуть по направленію Куен-чу, вдругъ сдѣлалъ громадный прыжокъ вверхъ, и, перевернувшись въ воздухѣ, тяжело грохнулся на траву: мѣткая пуля бродяги размозжила ему голову...

Куен-чу подбѣжалъ къ Цзу-хо: тотъ лежалъ безъ движенія; съ затылка къ правой щекѣ шла глубокая царапина, изъ которой обильно текла кровь. Старый бродяга внимательно осмотрѣлъ рану и вздохнулъ съ облегченіемъ:

— Благодареніе божественному Фо! прошепталъ онъ радостно.—Все пустяки... Мальчикъ будетъ живъ!.. Ламаза не успѣлъ полакомиться имъ, а только сшибъ съ ногъ...

Куен-чу не торопясь перевязалъ рану. Не прошло и получаса, какъ Цзу-хо пришелъ въ себя, раскрылъ глаза и удивленно осмотрѣлся.

— Что, испугался, мальчуганъ? ласково спросилъ старый бродяга.

— Какой страшный звѣрь! едва прошепталъ Цзу-хо, съ трудомъ поднимаясь на ноги.—Я и не замѣтилъ, какъ онъ выскочилъ изъ чащи и свалилъ меня съ ногъ... Куда онъ дѣвался?

— Вонъ лежитъ,—просто отвѣтилъ Куен-чу, указывая на громадную тушу хищника, безпомощно распростертаго по близости,

— Ты убилъ его? удивился юноша. Какой громадный звѣрь! Шкура-то какая хорошая—большія деньги можно получить за нее,—прибавилъ онъ, съ любопытствомъ разглядывая мертваго тигра. Давай, помогу шкуру снять... Славная она!..

— Оставь, брось!.. Нѣкогда намъ со шкурой возиться, остановилъ Куен-чу товарища. Подумай, она вѣситъ не мало... Неужели ты хочешь таскать ее съ собой?.. Вѣдь неизвѣстно, сколько времени придется намъ прошататься еще по тайгѣ... Пойдемъ!..

И онъ рѣшительно пошелъ дальше. Цзу-хо безпрекословно послѣдовалъ за товарищемъ, признавъ его доводы вполнѣ основательными и разумными.

— Знаешь-ли что, мальчуганъ,—неожиданно обратился старикъ къ Цзу-хо,—мнѣ кажется, что ламаза не даромъ таился здѣсь... Нѣтъ-ли тутъ по близости козъ, либо оленей?.. Я уже давно присмотрѣлся, что хищникъ всегда ходитъ слѣдомъ за ними... На всякій случай, станемъ поглядывать. Можетъ быть и удастся что-нибудь на ужинъ подстрѣлить: давно вѣдь мяса не ѣли!.. Смотри-же, теперь осторожно, не шуми и гляди зорко...

Бродяги пошли дальше, но уже не прежнимъ свободнымъ шагомъ, а крадучись, осторожно ступая и внимательно взглядываясь въ окружающую листву. Поднявшись на вершину холма, Куен-чу зорко оглядѣлъ всю мѣстность, лежавшую у его ногъ.

Вершина представляла безплодное плато; скалистая почва послѣдняго была едва прикрыта лишь крапивой

и папоротниками. Посреди плато бѣжалъ прозрачный, какъ кристаллъ, родникъ; не смотря на быстроту теченія, онъ не производилъ ни малѣйшаго шума: до такой степени было мягко его ложе, щедро выложенное пушистымъ мхомъ... Голая площадка, окруженная мелкимъ лѣсомъ, точно лысина короткими волосами, давала возможность видѣть всю окружающую мѣстность, даже миніатюрную цвѣтущую долину, ревниво сжатую со всѣхъ сторонъ каменными громадами. Посреди долины затѣйливо извивался широкій ручей, опушенный, словно соболемъ, раскошною кустарною растительностью... Куен-чу всматривался въ восхитительный уголокъ особенно внимательно, хорошо зная, что подобныя уютныя мѣстности всегда служатъ любимымъ убѣжищемъ для козъ и оленей... Старый бродяга зорко оглядѣлъ всю долину, но не замѣтилъ ничего особеннаго. Онъ началъ тогда всматриваться по частямъ, пробѣгая глазами почти каждую сажень роскошной пади, и, наконецъ, послѣ сильнаго напряженія зрѣнія, примѣтилъ у ручья какія-то движущіяся точки, едва замѣтныя издали.

— Козы! радостно прошепталъ Куен-чу.—Гляди! Видишь?

Цзу-хо всмотрѣлся по указанному направленію и, дѣйствительно, увидѣлъ нѣсколько козъ или оленей, пришедшихъ, должно быть, на водопой.

— Теперь не зѣвай... Надо подкрасться къ нимъ какъ можно тише, а то удерутъ живо! проговорилъ старый бродяга и сталъ спускаться съ холма по крутой тропѣ, усѣянной мелкими валунами.—Цзу-хо послѣдовалъ за товарищемъ, стараясь ступать какъ можно осторожнѣе, чтобы не тронуть съ мѣста всюду разбросанные камни, которые могли-бы своимъ паденіемъ обратить вниманіе козъ на грозящую имъ опасность. Спустившись въ долину, бродяги приняли всѣ мѣры, чтобы скрыть свое близкое присутствіе отъ необыкновенно чуткихъ, пугливыхъ животныхъ. Шаги ихъ сдѣ-

лались болѣе осторожными и неслышными... Ручей былъ близокъ; до слуха охотниковъ уже доносилось его гармоничное журчаніе, нѣжный рокотъ. Бродяги пригнулись и поползли, тщательно скрываясь въ густой, высокой травѣ и среди широко-распустившагося кустарника. Неслышно отстраняя сплетшіяся вѣтви, Куен-чу выползъ на самый берегъ ручья первымъ и пытливо осмотрѣлся... Пусто кругомъ... Прозрачныя во́ды ручья быстро бѣжали подъ густымъ сводомъ таинственной, благоухающей заросли, омывая и полируя торчащіе со дна камни. Ни одного живого существа. Въ этомъ прелестномъ уголкѣ мрачнаго, суроваго хребта Сихотэ-Алинь была такъ-же безжизненно, какъ и на голой вершинѣ только-что оставленнаго холма... Человѣкъ, незнакомый съ тайнами тайги, попавъ сюда, пришелъ-бы къ заключенію, что окружающая мертвая тишина служитъ признакомъ отсутствія животной жизни... И онъ жестоко ошибся-бы!.. Куен-чу зналъ, что мертвая тишина обманчива, что навѣрное, въ самомъ близкомъ отъ него разстояніи притаились насторожившіяся козы, до чуткаго слуха которыхъ долетѣлъ, вѣроятно, осторожный шорохъ подкрадывавшихся охотниковъ. Куен-чу былъ увѣренъ, что эта повидимому безжизненная мѣстность кипитъ жизнью, но жизнью таинственною, при которой одинъ звѣрь хоронится отъ другого, страшась встрѣтить и обратить на себя вниманіе опаснаго, кровожаднаго врага...

Старикъ, притаивъ дыханіе и пригнувшись почти къ самому корню травы, лежалъ совершенно недвижно, пристально всматриваясь въ темнозеленую, густую листву, чутко вслушиваясь въ каждый подозрительный шелестъ. Онъ рѣшилъ терпѣливо выждать... Солнце скрылось уже за горизонтомъ; долина погрузилась въ таинственный полумракъ, позволявшій хорошо еще видѣть окружающіе предметы... Прошло нѣсколько минутъ томительнаго ожиданія. Вотъ чуткое, при-

вычное ухо Куен-чу разслышало въ чащѣ знакомые звуки—осторожные шаги пробирающагося звѣря. Ближе и ближе... Раздался легкій трескъ раздвигаемой заросли и на противуположномъ берегу ручья отчетливо обрисовалась стройная, красивая фигура пятнистаго оленя. Выбравшись изъ чащи, граціозное животное остановилось въ нерѣшительности. Высоко поднявъ голову, украшенную роскошными рогами, олень началъ потягивать носомъ воздухъ; его розоватыя ноздри трепетали и раздувались, а настороженныя уши нервно шевелились, силясь уловить какой-либо подозрительный шорохъ. Большіе темные глаза животнаго пытливо всматривались въ потемнѣвшую листву, чуткій звѣрь опасался засады или нападенія... Вотъ онъ, повидимому, успокоился, склонился къ ручью и сталъ торопливо втягивать живительную влагу... Куен-чу, едва слышно, выдвинулъ ружье на сошки. Какъ ни было это движеніе осторожно, олень услыхалъ... Быстрымъ скачкомъ отпрянулъ онъ отъ воды, мгновенно повернулся и присѣлъ на заднія ноги, чтобы однимъ могучимъ прыжкомъ перенестись въ спасительную чащу... Но было уже поздно!.. Раздался выстрѣлъ... Звѣрь сдѣлалъ отчаянный скачекъ и съ жалобнымъ стономъ опрокинулся съ берега въ ручей, окрашивая кровью его прозрачныя воды... Бродяги бросились къ смертельно-раненому оленю; тотъ силился подняться на ноги, но вновь падалъ, отбивая бока объ острые камни, торчавшіе со дна. Напрасныя усилія!.. Враги уже приближались, поспѣшно перебираясь черезъ мелкій ручей... Съ энергіей мучительнаго отчаянія, олень напрягъ послѣднія, быстро угасавшія силы, сдѣлалъ слабый прыжокъ къ чащѣ, но тотчасъ-же упалъ и сталъ смотрѣть на подходящихъ охотниковъ ласковыми, кроткими, испуганными глазами, умоляя о пощадѣ и недоумѣвая въ то-же время, чѣмъ онъ провинился передъ этими злыми людьми, неожиданно поразившими его мѣткою пулею Куен-чу между тѣмъ

выхватилъ ножъ и всадилъ его по самую рукоять въ гибкую шею оленя... Тотъ судорожно затрепеталъ и вытянулся; изъ погасшихъ глазъ выкатились двѣ крупныя слезы и смѣшались съ окровавленной водой ручья... Все было кончено!.. Куен-чу хладнокровно вытеръ ножъ о пятнистую шкуру мертваго звѣря и, ухватившись затѣмъ за вѣтвистые рога, поволокъ его къ берегу.

— Помоги!—отрывисто крикнулъ онъ товарищу, продолжавшему стоять разиня ротъ возлѣ убитаго оленя.

Цзу-хо встрепенулся и помогъ вытащить звѣря на берегъ.

— Будемъ теперь сыты надолго... Инь какая славная штука, жирная, мясистая,—весело болталъ Куен-чу, потроша добычу привычной рукой.—Ну-ка, мальчуганъ, разведи живо костеръ, да поужинаемъ... Довольно голодать!..

Цзу-хо не ждалъ повторенія приказанія. Поощряемый пустымъ, изголодавшимся желудкомъ, онъ быстро набралъ цѣлый ворохъ валежника и раздулъ такой костеръ, что любо было смотрѣть, какъ его кроваво-красные языки фантастически освѣщали окружающую темную листву...

IX.

Послѣ благополучно проведенной ночи, съ разсвѣтомъ, бродяги вновь разожгли почти потухшій костеръ и поджарили въ запасъ на угольяхъ нѣсколько десятковъ ломтей распластаннаго оленьяго мяса; остальную тушу пришлось бросить, въ виду невозможности таскаться по тайгѣ съ черезчуръ значительнымъ запасомъ провизіи. Позавтракавъ какъ можно плотнѣе, искатели тронулись въ дальнѣйшій путь. Куен-чу игралъ роль проводника, стараясь пробраться въ наиболѣе дикую, неприступную мѣстность Сихотэ-Алинь, такъ какъ хо-

рошо зналъ, что драгоцѣнный корень жень-шень любитъ расти въ наиболѣе недоступныхъ падяхъ легендарнаго хребта. Старый бродяга еще вчера вечеромъ примѣтилъ съ вершины лысаго холма нѣчто подходящее и теперь направился, едва проходимой тропой, именно къ ущелью, ранѣе высмотрѣнному. Имъ руководилъ инстинктъ, пріобрѣтенный за время многолѣтняго шатанья. Онъ шелъ съ большою увѣренностью, несмотря на то, что извилистая и постоянно развѣтвлявшаяся тропа шла подъ непроницаемымъ сводомъ сплетшихся вѣтвей разнообразныхъ деревьевъ и кустарника, густо перевитыхъ могучимъ виноградомъ. Солнечные лучи затеривались гдѣ-то въ выси, не доходя до этой безпросвѣтной глуши, въ которой царствовалъ вѣчный мракъ и какое-то подавляющее, страшное, подозрительное безмолвіе. Бродяги шли почти ощупью. Ихъ ноги путались въ густой травѣ и винограднѣ, покрывавшемъ землю во многихъ мѣстахъ почти сплошнымъ, необыкновенно роскошнымъ ковромъ. Ежеминутно имъ приходилось уклоняться отъ массы низко опустившихся и нависшихъ вѣтвей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они должны были ползти, напоминая дикихъ звѣрей, пробирающихся въ свои берлоги. Иногда являлась надобность въ ножахъ, чтобы проложить хотя какую-нибудь лазейку... Но вотъ и ущелье!.. Въ этомъ мѣстѣ, казалось, хребетъ былъ разсѣченъ могучимъ ударомъ топора и разсѣлся на двѣ половины, между которыми зіяла зловѣщая щель, густо заросшая разнообразною растительностью. Крутые склоны хребта щетинились вѣковыми кедрами, елью, лиственницей и ильмомъ. Несмотря на знойный день, въ ущельѣ было прохладно и сыро, точно въ погребѣ. При входѣ въ щель, Куен-чу пріостановился и сталъ вытирать грязными руками исцарапанное, сильно вспотѣвшее лицо.

— Кажется волшебная падь недалеко,—тихо проговорилъ старый бродяга, съ трудомъ переводя дыханіе,

послѣ пяти часовой, страшно тяжелой ходьбы по звѣровой тропѣ.—Я въ этихъ мѣстахъ еще ни разу не былъ, добавилъ онъ послѣ короткаго размышленія.—Глушь-то какая!..

Сильно измученный и упавшій было духомъ Цзу-хо мгновенно ободрился, услышавъ радостное предположеніе, и весело взглянулъ на товарища.

— Что, обрадовался, мальчуганъ? спросилъ Куен-чу, присаживаясь на густую, сырую траву.

— Конечно! согласился Цзу-хо.—Вѣдь сколько уже дней по тайгѣ бродимъ и все даромъ: ни одного корешка еще не нашли.

— Здѣсь навѣрное кое-что добудемъ, увѣренно проговорилъ старый бродяга.—Мѣсто самое подходящее! А тамъ подумаемъ, какъ-бы и до волшебной пади тебѣ добраться... Ты долженъ итти въ ту падь одинъ... Ты хорошо знаешь, что я не могу...

— Пойду, пойду!.. Только укажи, куда итти! воскликнулъ возбужденный юноша рѣшительно и съ отвагою...

Отдохнувъ немного, бродяги тронулись въ дальнѣйшій путь, вырѣзавъ предварительно по тонкой, короткой палкѣ, необходимой при поискахъ корня. Искатели сошли съ тропинки и отважно углубились въ самую чащу. Имъ приходилось пробираться чрезъ едва проницаемую заросль виноградника, рябины, акаціи, жасмина, лещины и жимолости сплетшихся и перепугавшихся почти вплотную, благоухающую стѣну. Высокая трава покрывала тучную, черноземную почву сплошнымъ мягкимъ ковромъ... Путники подвигались очень медленно, осторожно раздвигая вырѣзанными палками траву и зорко высматривая—не мелькнетъ-ли гдѣ хорошо знакомый листъ драгоцѣннаго корня... Прошло около двухъ часовъ безплодныхъ поисковъ... Бродяги уже начали чувствовать весьма понятное утомленіе, пробираясь въ густѣйшей заросли постоянно въ наклоненномъ впередъ положеніи...

— Нашелъ!.. вдругъ радостно крикнулъ Цзу-хо, быстро склоняясь къ самой землѣ.

Куен-чу поспѣшилъ къ товарищу, охваченный страстнымъ желаніемъ взглянуть на счастливую находку какъ можно скорѣй.

— Молодецъ! проговорилъ старый бродяга, посмотрѣвъ опытнымъ глазомъ на продолговатые листья найденнаго корня, рельефно выдѣлявшіеся изъ остальной зелени.—Постой, постой!.. Не спѣши, осторожнѣй!.. Испортишь корень!.. Дай вырою!..

Цзу-хо, начавшій было вырывать жень шень дрожащими отъ радости руками, пріостановился и немного отодвинулся въ сторону, давъ мѣсто болѣе опытному товарищу. Тотъ пригнулся къ самой землѣ и съ величайшею осторожностью сталъ разгребать привычными руками разсыпчатый черноземъ, стараясь высвободить жень-шень безъ поврежденія множества мелкихъ корешковъ и бородки. Послѣ получасовой, въ высшей степени внимательной работы, корень былъ вырытъ. Онъ оказался превосходнымъ экземпляромъ, толщиною съ мизинецъ, при чемъ своею формою очень напоминалъ человѣческую фигуру.

— Двѣсти лянъ за такой корень дадутъ! воскликнулъ Куен-чу, съ восторгомъ разглядывая найденную добычу.—Теперь надо его только сохранить... Сдери-ка мнѣ немного бересты!..

Цзу-хо, счастливый и радостный, моментально исполнилъ приказаніе товарища. Старикъ быстро сдѣлалъ небольшую берестянку, осторожно вложилъ въ нее найденный корень и засыпалъ черноземомъ. Затѣмъ прикрылъ берестянку крышкой и засунулъ ее за пазуху, проговоривъ рѣшительно:

— У меня сохраннѣй будетъ. Надо корень поберечь, не помять и тогда много денегъ получимъ за него. Ты-же еще не привыкъ обращаться съ нимъ... Ну, пойдемъ, мальчуганъ, дальше!.. Поищемъ еще!..

Цзу-хо, убѣжденный доводами старика, молча со-

гласился съ нимъ и пустился въ новые поиски за драгоцѣннымъ корнемъ. Подвигались они по заросли чрезвычайно медленно, при чемъ Цзу-хо старался держаться по возможности ближе къ товарищу, опасаясь заблудиться въ густолиственной, таинственной чащѣ... Прошло еще нѣсколько часовъ совершенно безплодныхъ поисковъ. Искатели, сильно измученные, уже стали подумывать объ отдыхѣ и лишь высматривали, гдѣ-бы устроиться поудобнѣй и безопаснѣй. Они миновали едва проходимые кустарники и вышли подъ роскошный сводъ гигантскихъ ильмовъ и кедровъ, пышно перевитыхъ виноградными лозами, всюду спускавшимися въ видѣ изящныхъ гирляндъ и кружевъ. Виноградъ, почти спѣлый, висѣлъ плотными гроздями мелкихъ, совершенно темныхъ ягодъ. Цзу-хо томимый жаждой, потянулся было за ближайшею гроздью, соблазнительно выглядывавшею изъ темной зелени, какъ вдругъ примѣтилъ какое-то животное, притаившееся на толстомъ суку, впереди стоявшаго ильма. Всмотрѣвшись попристальнѣй, онъ съ трепетомъ увидѣлъ, что это былъ грозный бичъ тайги—громадный барсъ, видимо приготовившійся броситься на Куен-чу, ничего не подозрѣвавшаго и безпечно подходившаго къ ильму. Цзу-хо быстро сбросилъ съ плеча ружье, но въ этотъ моментъ хищникъ сдѣлалъ уже прыжокъ, мѣтя схватить Куен-чу за затылокъ...

— Берегись! успѣлъ только Цзу-хо пронзительно предупредить товарища о грозящей ему опасности.

Старый бродяга инстинктивно отпрянулъ назадъ, и барсъ, неожидавшій этого энергичнаго движенія, промахнулся и всею массою упалъ ему на грудь. Вцѣпившись передними лапами за плечи и упершись задними въ бедра, хищникъ изогнулся и сталъ грызть лицо Куен-чу. Тотъ, не теряя присутствія духа, моментально выхватилъ ножъ, всадилъ его барсу въ брюхо и богатырскимъ взмахомъ распоролъ его до грудной полости...

Все описанное произошло въ теченіе всего нѣсколькихъ секундъ, и когда Цзу-хо подбѣжалъ къ товарищу оказать посильную помощь, смертельно раненый хищникъ уже безсильно бился у ногъ старика, страшно хрипя и щелкая зубами. Взглянувъ мелькомъ на умирающаго барса, Цзу-хо перевелъ глаза на Куен-чу, продолжавшаго еще стоять въ какомъ-то страшномъ оцѣпенѣніи и обомлѣлъ: его трудно было узнать!.. Лицо залитое кровью представляло какую-то безобразную смѣсь разорваннаго мяса и клочьевъ кожи. Носа, щекъ, губъ не существовало. Только лихорадочно-блестѣвшіе глаза, да страшно оскаленные зубы показывали, что на мѣстѣ этой безформенной массы должно быть лицо.

— Бѣдный, бѣдный Куен-чу! вырвался изъ груди Цзу-хо невольный, жалостливый крикъ.

Старикъ очнулся отъ этого крика, замахалъ руками и что-то забормоталъ, но что именно—трудно было съ перваго разу разобрать: отсутствіе губъ и прорванныя щеки мѣшали говорить достаточно отчетливо.

— Онъ схватилъ меня за лицо, — насилу разобралъ Цзу-хо безсвязное бормотанье искалѣченнаго товарища, — а я ударилъ его ножемъ... Славно его обработалъ!.. Хрипи, хрипи, проклятый!.. Хрипи, подлая собака!.. Что, не удалось старымъ бродягой закусить?.. Зубы, небось, поломалъ... Трусъ!..

— Пойдемъ, другъ, участливо проговорилъ Цзу-хо... Тебѣ надо обмыться, да раны перевязать... Вѣдь онъ все лицо тебѣ изодралъ...

— Ничего, заживетъ... Лицо успѣемъ обмыть... прежде посмотримъ: цѣла-ли берестянка съ корнемъ?.. Вѣдь онъ прямо на грудь вскочилъ! — сталъ безпокоиться Куен-чу, бережно вытаскивая изъ-за пазухи берестянку и внимательно разглядывая ее.

— Вотъ ловко-то! веселымъ тономъ забормоталъ старый бродяга, точно онъ и не былъ въ лапахъ и зубахъ страшнаго хищника.—Цѣлехонька!.. Даже не

смята!.. Счастливо отдѣлался, благодаря божественному Фо и заступничеству благодушнаго У-дау!..

— Ну, пойдемъ теперь къ ручью! добавилъ Куен-чу, осторожно пряча драгоцѣнный корень опять за окровавленную пазуху...

Искатели добрались до ближайшаго горнаго ручья уже съ заходомъ солнца. Обмывшись студеной водой, старикъ сдѣлалъ при помощи товарища перевязку лица и, какъ ни въ чемъ не бывало, усѣлся за незатѣйливый ужинъ, твердо убѣжденный, что извѣстныя ему цѣлебныя травы излѣчатъ раны въ самомъ непродолжительномъ времени...

X.

Прошло еще нѣсколько дней. Бродяги все еще находились въ томъ-же ущельѣ, производя неутомимые поиски корня. Ихъ настойчивость увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ. Къ найденному ранѣе корешку присоединилось еще нѣсколько, хотя меньшей величины, но все-таки значительной стоимости. Куен-чу, раны котораго зажили, началъ уже приходить къ безусловному заключенію, что онъ находится дѣйствительно въ предверіи волшебной пади, какъ это онъ предположилъ съ перваго разу. Старый бродяга радовался и трепеталъ одновременно. Наступалъ рѣшительный моментъ, сопряженный съ новыми опасностями, еще болѣе страшными и, кромѣ того, неизвѣстными, что значительно увеличивало неотразимый къ нимъ ужасъ. Куен-чу собирался съ духомъ, откладывая со-дня-на-день окончательное рѣшеніе. Онъ боялся красныхъ волковъ—этихъ зловѣщихъ охранителей волшебной пади; онъ чувствовалъ къ нимъ суевѣрный страхъ, побѣдить который не былъ еще въ силахъ. Старый бродяга былъ увѣренъ, что красные волки непремѣнно появятся въ самый рѣшительный моментъ и своимъ появленіемъ смутятъ Цзу-хо, которому предстояло итти

дальше одному. Куен-чу медлилъ послать юношу на крайне рискованное, по его мнѣнію, предпріятіе и ждалъ новолунія, чтобы принести необходимую жертву богамъ.

— Авось, мечталъ онъ, —Сіо-куй первый смилостивится, а У-дау поможетъ... Безъ ихъ содѣйствія ничего не подѣлаешь!.. Захотятъ они—Цзу-хо сразу найдетъ волшебную падь; а если вздумаютъ дурить, такъ мальчуганъ пробродитъ цѣлый мѣсяцъ около пади, а въ нее не попадетъ... Надо подождать!..

И старый бродяга ждалъ терпѣливо, но чего именно—онъ не могъ дать себѣ яснаго отчета. Дни проходили за днями, полные нерѣшительности и всевозможныхъ опасеній за результатъ отчаяннаго предпріятія. Всѣ эти дни упорно стояла тропическая жара, при совершенно ясномъ безоблачномъ небѣ. Солнце жгло немилосердно засушивая на болѣе или менѣе открытыхъ мѣстахъ, всю растительность и скручивая древесный листъ. Только въ непроглядной глуши, подъ непроницаемымъ сводомъ разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ, продолжала еще господствовать освѣжающая прохлада; но и тамъ почва стала замѣтно просушиваться, а ярко-зеленая трава постепенно желтѣть и склоняться къ землѣ, быстро терявшей накопленную мѣсяцами влагу...

* * *

Вечеръ. Искатели жень-шеня сидѣли у ярко-горящаго костра и обжаривали на угольяхъ мясо только-что убитой козы.

— Пора-бы и дальше тронуться... Все ущелье кажись перерыли, прервалъ Куен-чу продолжительное молчаніе, набивая ротъ сочнымъ, слегка поджареннымъ, мясомъ.

— Пойдемъ дальше! лаконически согласился Цзу-хо, энергично работая зубами надъ большою костью.

Бродяги опять замолчали; слышалось только усиленное чавканье и трескъ горящаго валежника.

— Посмотри, что это такое? спросилъ вдругъ Цзу-хо, на секунду отрываясь отъ своего куска и посматривая на вершину холма, высящагося передъ нимъ въ видѣ черной громады, прорѣзанной въ одномъ мѣстѣ яркой, огненной змѣйкой.

Куен-чу взглянулъ на холмъ и тревожно проговорилъ:

— Тайга горитъ!.. Надо не зѣвать!.. Ишь, какъ быстро разгорается!..

Дѣйствительно, вершина, доселѣ темная, уже пылала какъ громадный костеръ. Черезъ нѣсколько секундъ, огненные змѣйки появились на другихъ ближайшихъ вершинахъ и вдругъ, съ неудержимою быстротою, поползли по склонамъ въ падь. Запахло гарью. Милліоны искръ подымались къ небу и падали на дно ущелья въ видѣ огненнаго дождя. Бѣлесоватый дымъ вздымался густыми клубами; иногда онъ совершенно чернѣлъ, начиналъ валить густо и быстро, крутясь спиралью вверхъ и брызгая по сторонамъ крупными искрами. Это загорались скалистые пни, груды сухого валежника и хвоя гигантскихъ кедровъ, сосенъ, елей и лиственницы. Тамъ и здѣсь стали образовываться огненные вихри, метавшіе къ покраснѣвшему небу снопы пламени и пылающія головни. Послѣднія, падая на высохшую траву въ видѣ раскаленныхъ бомбъ зажигали, одновременно, тайгу во многихъ мѣстахъ. Лѣсной пожаръ, благодаря этому, разростался съ поражающею, стихійною быстротою. На днѣ пади сдѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Въ воздухѣ стоялъ какой-то ужасающій гулъ, какъ-будто откуда-то надвигалась грозовая туча, переполненная электричествомъ. Тутъ и тамъ слышалась частая трескотня; постоянно разростаясь, она превращалась въ страшные залпы. Казалось, по тайгѣ разсыпались многотысячныя, враждебныя арміи и вели оживленную перестрѣлку... Встревоженныя пожаромъ, птицы испуганно метались въ густыхъ клубахъ ѣдкаго дыма и съ жалобными криками падали сотнями въ

огненную стихію. Хищные звѣри, выгнанные изъ логовищъ, козы, изубры, олени и другія животныя, застигнутыя врасплохъ въ своихъ завѣтныхъ тайникахъ, поднялись на ноги и искали спасенія въ поспѣшномъ, безумномъ бѣгствѣ. Мертвая тайга оживилась. Таившіеся гдѣ-то звѣри толпами мчались неизвѣстно куда, забывъ въ эту страшную минуту взаимную распрю и вражду. Слабые перестали бояться сильныхъ. Тигры, барсы, медвѣди, рыси и волки, забыли на время о своемъ кровожадномъ аппетитѣ, подавленные лѣснымъ пожаромъ. Каждое животное заботилось только о своей шкурѣ. Косолапый, уже подпаленный, медвѣдь, силился перегнать легконогую косулю. Бенгальскій тигръ осаживалъ гигантскими прыжками пятнистыхъ оленей и козъ, совершенно не замѣчавшихъ отъ страху неожиданно близкое сосѣдство могучаго хищника. Стаи голодныхъ волковъ, поджавъ пышные хвосты и высунувъ языки, прыгали съ кочки на кочку, рядомъ съ антилопами и ланями. Хищники, охваченные паническимъ ужасомъ, не замѣчали близости лакомой добычи и трепетали только о собственной шкурѣ, уже подпаленной огнемъ во многихъ мѣстахъ. Вся эта масса звѣрей мчалась съ быстротою вихря, при чемъ многіе изъ нихъ натыкались на полномъ карьерѣ на пни, стволы деревьевъ и убивались до смерти... Куен-чу и Цзу-хо, увлеченные общимъ потокомъ, едва не смятые обезумѣвшими отъ ужаса обитателями тайги, побѣжали по фантастически-освѣщенной пади, полагаясь исключительно на инстинктъ животныхъ. Въ этомъ хаосѣ бродяги не могли даже изыскать лучшаго способа спасенія, хорошо сознавая, что жизнь ихъ зависитъ теперь только отъ случая. Они бѣжали насколько хватало силъ. Отъ быстраго бѣга у нихъ захватывало дыханіе, но они не смѣли уменьшить эту безумную быстроту. Разъяренная, огненная стихія неслась быстрѣе бродягъ, и съ каждой минутой положеніе ихъ становилось все опаснѣй и отчаяннѣй. Огонь

всюду находилъ себѣ достаточную пищу и стремительно перебѣгалъ съ одного мѣста на другое, охватывая въ свои всепожирающія объятья цѣлые холмы, пади, ущелья и вѣковые лѣса... Стало дѣлаться нестерпимо жарко. Многія отставшія животныя уже корчились въ предсмертной, мучительной агоніи, оглашая воздухъ стонами и криками, раздиравшими душу. Огненные языки жадно лизали эти корчившіяся туши, быстро превращая ихъ въ обугленныя, безформенныя массы...

Бродяги, слыша эти мучительные крики и ощущая близость всепожирающей стихіи, неслись впередъ съ удвоенной быстротой, не чувствуя устали. На ихъ спинахъ уже начали тлѣть рубища... Еще нѣсколько минутъ, и имъ пришлось-бы испытать мучительную смерть, но божественный Фо смилостивился и послалъ неожиданное спасеніе въ видѣ довольно широкаго ручья, затѣйливо извивавшагося по дну слѣдующей пади... Инстинктъ животныхъ оказалъ незамѣнимую услугу!..

Куен-чу и Цзу-хо, не раздумывая, бросились съ крутого берега прямо въ ручей. Кругомъ кишѣли разнообразные звѣри, также нашедшіе спасеніе въ прозрачной, холодной водѣ... Между тѣмъ огненный вихрь подлетѣлъ къ самому берегу, закрутился, словно охваченный гнѣвомъ, и началъ жадно пожирать сухой кустарникъ, густо разросшійся вдоль ручья. Черезъ минуту, лѣсной пожаръ понесся, съ гуломъ и со стономъ, дальше, вздымая къ небу тучи искръ и уничтожая на своемъ пути до тла всякую растительность... Смертельная опасность миновала. Бродяги вздохнули облегченною грудью и внимательно осмотрѣлись. Только теперь они увидѣли въ какомъ разнообразномъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, непріятномъ обществѣ находились. Въ ручьѣ нерѣшительно копошились: козы, олени, кабаны, волки и даже громадный темно-бурый медвѣдь, охваченный какимъ-то страннымъ оцѣпенѣніемъ. Кроваво-красные, широко расширенные, глаза хищника безсмысленно вращались въ

своихъ опаленныхъ орбитахъ. Медвѣдь, повидимому, недоумѣвалъ, что предпринять дальше. Онъ даже не замѣчалъ близко-стоявшихъ искателей жень-шеня, которые, на всякій случай, подсыпали на полки ружей свѣжаго пороху и запалили фитили. Хищникъ простоялъ въ водѣ болѣе получасу. Наконецъ онъ пришелъ повидимому въ себя, выползъ на противоположный берегъ, обойденный лѣснымъ пожаромъ, и скрылся въ чащѣ. Вслѣдъ за нимъ, скоро, незамѣтно, исчезли въ тайгѣ волки, козы, олени, кабаны, и бродяги остались, какъ казалось одни... По крайней мѣрѣ они такъ предполагали первое время, но вскорѣ разубѣдились, такъ какъ случайно усмотрѣли, при заревѣ быстро удалявшагося пожара, какое-то живое существо, продолжавшее еще копошиться въ томъ-же ручьѣ, но въ нѣкоторомъ отдаленіи. Зоркій глазъ Куен-чу скоро разобралъ, что живое существо былъ также человѣкъ!.. Встрѣча въ глухой тайгѣ необычайная и въ высшей степени любопытная!..

— Смотри, смотри!.. Какой-то человѣкъ въ водѣ стоитъ! проговорилъ старый бродяга встревоженно и, вмѣстѣ съ тѣмъ радостно.—Пойдемъ, посмотримъ, кто это такой!.. Ужъ не ищетъ-ли и онъ волшебной пади?..

Бродяги вышли изъ воды и направились къ неизвѣстному. Тотъ скоро замѣтилъ ихъ и, видимо, сильно испугался неожиданнаго появленія подобныхъ себѣ, такъ какъ быстро бросился въ чащу, гдѣ и притаился.

— Э... э... не бойся!.. Не убьемъ!.. успокоительно крикнулъ Куен-чу неизвѣстному.

Отвѣта не послѣдовало.

— Не прячься!.. Право, не убьемъ!.. крикнулъ опять старый бродяга.

— Миленькіе, хорошіе мои!.. Вотъ не ожидалъ-то встрѣтиться съ вами здѣсь!.. радостно взвизгнулъ неизвѣстный и поползъ изъ чащи на берегъ.

— Хе, хе, хе, да это Сун-зи! весело воскликнулъ

Цзу-хо.—Здравствуй, здравствуй, голубчикъ... Какъ ты попалъ сюда?..

— Здорово, старый товарищъ!.. Эге, какъ тебѣ рыло кто-то обглодалъ... Здорово, Цзу-хо! радостно здоровался Сун-зи съ бродягами.—Какъ я радъ, ахъ, какъ я радъ, что васъ встрѣтилъ!..

Неожиданно встрѣтившіеся знакомцы крѣпко пожали другъ другу руки, присѣли затѣмъ на корточки и прежде всего важно закурили трубки, оглядывая другъ-друга внимательнымъ взглядомъ.

— Ну, разсказывай, какъ ты сюда попалъ? нарушилъ продолжительное молчаніе Куен-чу, какъ старшій изъ собесѣдниковъ.

— Длинная исторія... нехотя проговорилъ Сун-зи.

— Да ты разскажи ее покороче, настаивалъ старый бродяга, крайне заинтересованный загадочнымъ появленіемъ товарища въ такой глухой тайгѣ.

— Слушайте-же! сдался Сун-зи.—Помните, какъ я и Лонхоу помогли вамъ бѣжать изъ фаньцзи Ча?

Бродяги кивнули утвердительно головами.

— Итакъ, какъ только вы убѣжали, продолжалъ Сун-зи,—хозяинъ хватился ружей... Догадался сейчасъ, что вами украдены, разсвирѣпѣлъ и погнался за вами... Что дальше было вы знаете... Не знаете только того, вѣроятно, что вы убили Фун-чау, а Сеотокви подстрѣлили...

— Неужели Сеотокви раненъ? вдругъ встревожился Цзу-хо.

— А тебѣ какое дѣло? сурово спросилъ Куен-чу.

— Сеотокви спасъ насъ!.. Вотъ какое дѣло!.. торопливо отвѣтилъ Цзу-хо.—Помнишь, мы спали крѣпко, началъ онъ разсказывать,—Сеотокви въ это время натолкнулся на насъ, разбудилъ меня и предупредилъ, что Ча собирается захватить насъ...

— Э, э, э... теперь понимаю! глубокомысленно перебилъ юношу Сун-зи.

— Что ты понимаешь? съ недоумѣніемъ спросилъ старый бродяга.

Слушайте, слушайте, что я вамъ дальше разскажу! началъ поспѣшно говорить Сун-зи.—Какъ только мы возвратились домой, Чà вдругъ набросился на Сеотокви и сталъ его ругать, какъ собаку... Все упрекалъ, какъ онъ осмѣлился предупредить васъ о погонѣ... Кто сказалъ объ этомъ хозяину—мы не могли догадаться... Вѣроятно Чà—колдунъ!.. Мы такъ и рѣшили, что онъ колдунъ. Чà разсвирѣпѣлъ на Сеотокви ужасно, приказалъ посадить его подъ стражу и всѣмъ заявилъ, что предастъ его лютой смерти, какъ только тотъ оправится отъ раны...

— Этому не бывать! отчаянно крикнулъ вдругъ Цзу-хо.—Надо спасти его!.. Мы должны его спасти!..

— Не горячись, мальчуганъ!.. Надо дѣло хорошенько обдумать, спокойно перебилъ Куен-чу. Ну, разсказывай дальше! обратился онъ къ Сун-зи.

Тотъ продолжалъ:

— Чà поклялся, что зароетъ Сеотокви живымъ въ землю и съ каждымъ измѣнникомъ такъ-же поступитъ... Мы такъ испугались, то-есть я и Лянхоу... Ну, думаемъ, вѣдь хозяинъ навѣрное колдунъ и скоро догадается что мы помогли вамъ и раздѣлается съ нами, какъ съ хунхузами [1]), безпощадно... Раздумывать тутъ было нечего, и мы бѣжали изъ фаньцзи въ тайгу... Бродили по ней, жень-шень искали почти три недѣли... Затѣмъ сюда пробрались... Тутъ на наше несчастье тайга загорѣлась... Мы бросились бѣжать, куда звѣрь бѣжалъ... Я добрался, благодаря божественному Фо, до ручья, а Лонхоу гдѣ-то свалился и сгорѣлъ... И меня тоже хорошо подпалило!.. Посмотрите!.. И Сун-зи показалъ товарищамъ обугливщуюся одежду и сильно обожженую спину.

— А ружье твое гдѣ? полюбопытствовалъ Куен-чу.

---

[1]) Хунхузами китайцы зовутъ разбойниковъ.

— Потерялъ въ тайгѣ... Видишь-ли, началъ опять разсказывать Сун-зи, — какъ только тайга загорѣлась, мы и побѣжали... Страсть какъ шибко бѣжали!.. Тутъ я все растерялъ: и ружье, и даже найденный корень жень-шень... Ахъ, ахъ, какъ мнѣ его жалко! вдругъ завылъ онъ плаксивымъ голосомъ. — Вѣдь сколько времени искалъ!.. А корень-то какой славный былъ!.. Сто ланъ получилъ-бы за него!.. Купцомъ [1]) сдѣлался-бы... А теперь, я опять нищій... Ахъ, какъ мнѣ его жалко!.. Ахъ, какъ жалко!..

— Не вой!.. Я тебѣ одинъ корень подарю, участливо проговорилъ Цзу-хо.—Я нашелъ три штуки... Но, смотри, ты долженъ помочь мнѣ въ одномъ дѣлѣ!..

— Голубчикъ, другъ ты мой, обрадовался Сун-зи.— Все исполню, что ни пожелаешь!...

— Что ты задумалъ такое? сурово вмѣшался Куен-чу, обращаясь къ Цзу-хо.

— Я хочу спасти Сеотокви отъ лютой казни! рѣшительно и горячо заговорилъ юноша. —Слышишь!.. ты долженъ мнѣ помочь?.. Сеотокви спасъ насъ—я уже говорилъ тебѣ объ этомъ, и мы не смѣемъ оставить его въ рукахъ кровожаднаго Ча... Божественный Фо никогда не проститъ намъ такой черной, злой неблагодарности!..

— Все это такъ—я съ тобой не спорю, мальчуганъ, сдался старый бродяга.—Только наше-то дѣло бросать не слѣдуетъ...

— Какое?

— А волшебную падь забылъ? напомнилъ Куен-чу.

— Мы успѣемъ разыскать ее позже, когда Сеотокви спасемъ... Она не уйдетъ, а вѣдь Ча ждать не станетъ, резонно замѣтилъ Цзу-хо.

---

[1]) Завѣтная мечта большинства бѣдняковъ-китайцевъ сдѣлаться «купцомъ», выбраться изъ закабаленнаго положенія и, въ то-же время, забрать въ кабалу другихъ бѣдняковъ, въ особенности инородцевъ края.

— Можетъ быть Сеотокви уже и казненъ? сдѣлалъ возможное предположеніе Куен-чу.—Зачѣмъ намъ попусту обратно бѣжать? Вѣдь дорога не близкая...

— Нѣтъ голубчикъ, нѣтъ, вмѣшался Сун-зи.—Вотъ я тебѣ сейчасъ разсчитаю: мѣсяцъ тому назадъ я оставилъ фаньцзу, и Сеотокви былъ очень плохъ... Ли-фу, который лѣчитъ его, говорилъ мнѣ, что онъ раньше двухъ мѣсяцевъ не поправится... Рана вѣдь страшная—все плечо разворочено... А хозяинъ хотѣлъ казнить его не раньше, какъ тотъ поправится совсѣмъ... Ча, видишь-ли, желаетъ, чтобы Сеотокви подольше со смертью боролся и мучился больше...

— Кровожадный песъ!.. Ламаза проклятый!.. вспылилъ Цзу-хо.

— Попадется онъ въ мои руки—не возрадуется, злобно прошипѣлъ Куен-чу.

— И я подбавлю ему отъ себя, сердито проворчалъ Сун-зи.—Вѣдь это звѣрь, а не человѣкъ.—Я его хорошо знаю: цѣлыхъ три года выжилъ у него, все видѣлъ... Онъ всѣхъ рабочихъ закабалилъ, распоряжается ими, какъ мандаринъ, и знать никого не хочетъ. Чуть не такъ кто сдѣлалъ, онъ сейчасъ палками до полу-смерти забиваетъ... Если-же замѣтитъ неповиновеніе—не задумываясь казни предаетъ... Онъ вѣдь, въ эти три года двухъ въ землю закопалъ, а одного приказалъ зарѣзать... Вонъ руссы далеко живутъ, и тѣ услыхали объ его злодѣйствахъ... Разъ пять они приказывали старшинамъ схватить Ча и доставить его во Владивостокъ... Старшины хотѣли было исполнить это приказаніе, да не могутъ, боятся... Ча громко кричалъ, что каждаго старшину, который вздумаетъ появиться въ его фаньцзѣ, онъ предастъ лютой смерти... Что съ такимъ человѣкомъ подѣлаешь? Вѣдь сила на его сторонѣ!..

— Врешь! разсердился Куен-чу.—Какая на его сторонѣ сила?.. Онъ одинъ, а васъ рабочихъ, болѣе ста человѣкъ... Самъ-же ты разсказывалъ намъ, что всѣ не-

навидятъ его... Неужели сто молодцовъ съ одною собакою не справятся?..

— Охъ, страшно, право страшно!.. нервно заговорилъ Суи-зи.—Подумай хорошенько!.. Вѣдь онъ страсть какой богатый... Что захочетъ, то и сдѣлаетъ съ нами. Онъ такъ напугалъ насъ, такъ сдавилъ въ своихъ рукахъ, что мы и пикнуть боимся. Что мы подѣлаемъ, когда даже храбрые руссы ничего сдѣлать съ нимъ не могли... Вотъ послушай, что я тебѣ еще разскажу: лѣтъ пять назадъ, его забрали за разныя злодѣйства и въ Хунъ-Чунъ[1]) отправили... Ну радовались всѣ, оттуда ужъ не вернется: навѣрное голову срѣжутъ... А на дѣлѣ совсѣмъ другое, голубчикъ, случилось!.. Онъ у мандариновъ откупился и вернулся, еще хуже сталъ неистовствовать, злобу свою на рабочихъ вымещать... Вотъ и подумай теперь, что мы можемъ подѣлать съ такимъ человѣкомъ, передъ деньгами котораго даже мандарины преклонились... Вѣдь онъ—сила!.. Страшно богатъ, да притомъ колдунъ... Каждый чиновникъ сдѣлаетъ все, что Ча пожелаетъ...

— Слыхалъ, мальчуганъ, что за звѣрь Ча, а ты у него изъ лапъ Сеотокви хочешь вырвать! съ усмѣшкой обратился Куен-чу къ своему молодому другу.

— Я его не боюсь! отважно проговорилъ Цзу-хо. — Я вѣдь не закабаленный рабочій... А если онъ колдунъ, то у меня и противъ колдуна средство найдется... Помнишь, ты тигра убилъ... Я успѣлъ въ его желчи, на всякій случай, двѣ пули вымочить... Эти пули каждаго колдуна возьмутъ.

— Полно? усумнился Куен-чу.

---

[1]) До послѣдняго времени, всѣхъ китайцевъ, провинившихся въ чемъ-либо, русское правительство, руководствуясь трактатами, отправляло на расправу китайскимъ мандаринамъ въ пограничный маньчжурскій городъ Хунъ-чунъ. Въ настоящее время всѣ китайцы, совершившіе преступленіе въ Уссурійскомъ краѣ, судятся по русскимъ законамъ, что значительно подняло обаяніе русской власти на Востокѣ.

— Вѣрно, съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Цзу-хо.—Мнѣ это говорилъ одинъ старый, престарый старикъ, совсѣмъ сѣдой—ему лѣтъ сто будетъ...

— Можетъ быть, можетъ быть, согласился суевѣрный Куен-чу.—Твой старикъ, вѣроятно, правду говорилъ... Сѣдые старики никогда не врутъ, потому что смерть ихъ близко, а божественный Фо лжи, вѣдь, не терпитъ, къ себѣ на небо не пуститъ... А ты, мальчуганъ, ловкій, навѣрное батыремъ будешь!..

— Такъ что-же, поможешь мнѣ Сеотокви спасти? спросилъ Цзу-хо, польщенный похвалой товарища.

— Конечно помогу... Вѣдь мы съ тобой кады! твердо проговорилъ Куен-чу.—Сегодня-же въ обратный путь тронемся... И Сун-зи съ нами пойдетъ.

— Конечно, конечно! согласился тотъ поспѣшно.—Что мнѣ въ тайгѣ дѣлать? Того и смотри, что какому-нибудь звѣрю въ зубы попадешь... Ружья нѣтъ, ножа нѣтъ... А жень-шень подаришь мнѣ? вкрадчиво обратился онъ къ Цзу-хо.

— Возьми!.. Вѣдь я обѣщалъ,—просто проговорилъ юноша и подалъ Сун-зи одну изъ берестянокъ съ драгоцѣннымъ корнемъ, бережно сохраненную за пазухой.

— Голубчикъ, добренькій! обрадовался Сун-зи, хватая трепетными руками завѣтную берестянку.—Всюду за тобой пойду... Каждое твое желаніе исполню... А самъ купцомъ потомъ сдѣлаюсь!..

XI.

Темная августовская ночь. Въ долинѣ Сучанъ, сдавленной между двумя хребтами, царствуетъ таинственный мракъ, среди котораго едва бѣлѣетъ богатая фаньцза маньцзи Ча, окруженная высокимъ, крѣпкимъ частоколомъ. Всѣ спятъ въ фаньцзѣ, сильно измученные тяжелой, дневной работой. Спитъ даже Сеотокви, запертый въ амбарѣ, хотя спать ему крайне неудобно, благодаря тяжелой, четыреугольной доскѣ, значитель-

ныхъ размѣровъ, плотно охватывающей его шею. Упершись однимъ краемъ доски въ глиняный полъ, Сеотокви, давно покорившійся своей горькой участи, спитъ сидя, не имѣя возможности принять какое-либо другое положеніе, болѣе удобное. Согнувшись въ три погибели подъ тяжестью мучительнаго ярма — плода изобрѣтательности китайскихъ инквизиторовъ, онъ храпитъ на весь амбаръ, какъ купецъ, возлежащій на мягкомъ ложѣ изъ звѣриныхъ шкуръ, а не несчастный преступникъ, которому уже было наканунѣ объявлено объ ожидающей его, на слѣдующій день участи. Рядомъ со свѣсившейся головой Сеотокви лишенный уже косы мстительнымъ Ча, торчатъ изъ доски кисти его рукъ, продѣтыя въ небольшіе прорѣзы пыточнаго орудія; босыя ноги его вдѣланы въ колодки, не позволяющія ему двинуться съ мѣста... Такимъ образомъ, свирѣпый Ча принялъ всѣ мѣры, чтобы преступникъ не избѣжалъ мучительной казни и не лишилъ-бы его удовольствія насладиться предсмертными своими страданіями и корчами. Надъ несчастнымъ Сеотокви долженъ былъ разразиться страшный гнѣвъ жестокаго Ча, еще болѣе обозлившагося послѣ побѣга Сун-зи и Лонхоу, захватившихъ такъ-же изъ фаньцзи не мало необходимыхъ вещей. Этотъ послѣдній побѣгъ привелъ Ча въ ужасное изступленіе и онъ безповоротно рѣшилъ предать несчастнаго Сеотокви, для примѣра остальнымъ рабочимъ, самымъ мучительнымъ истязаніямъ, какія только могла выдумать китайская изобрѣтательность. День казни былъ уже разъ назначенъ, но отмѣненъ вслѣдствіе суевѣрія Ча, увидѣвшаго дурное для себя предзнаменованіе въ случившемся въ тотъ день солнечномъ затмѣніи. Благодаря этому счастливому стеченію обстоятельствъ, жизнь Сеотокви протянулась еще нѣсколько дней, къ чему онъ отнесся, впрочемъ, вполнѣ безучастно, охваченный, присущимъ всѣмъ китайцамъ, фатализмомъ. Этотъ-же фатализмъ далъ Сеотокви возможность уснуть наканунѣ казни вполнѣ спо-

койно и безмятежно, несмотря на тяжелую пыточную доску и колодки, къ которымъ онъ успѣлъ уже привыкнуть настолько, чтобы не чувствовать ихъ мучительнаго, постояннаго давленія...

Тихо вокругъ фаньцзи, словно вся природа замерла подъ тяжелымъ, мрачнымъ покровомъ безлунной ночи. Ни звука, ни шороха... Но вотъ мелькнули во мракѣ какія-то три тѣни и неслышно приблизились къ частоколу, высящемуся вокругъ фаньцзи, въ видѣ крѣпкой, крѣпостной ограды. Это были наши знакомцы Куэн-чу, Сунзи и Цзу-хо, возвратившіеся изъ тайги нѣсколько дней тому назадъ и рѣшившіеся въ эту послѣднюю ночь спасти несчастнаго Сеотокви отъ ожидающей его казни. Только наканунѣ удалось Сун-зи навести необходимыя справки и получить отъ преданнаго друга, остававшагося все время въ фаньцзѣ, нужныя свѣдѣнія о томъ, въ какомъ помѣщеніи запертъ Сеотокви и нѣтъ-ли какихъ-либо особенныхъ препятствій къ его освобожденію. Свѣдѣнія эти оказались довольно благопріятными для выполненія задуманнаго бродягами плана. Сеотокви держали запертымъ въ томъ-же амбарѣ, въ которомъ оставилъ его Сун-зи. Часовыхъ къ нему Ча не считалъ нужнымъ ставить, такъ какъ былъ положительно увѣренъ въ невозможности побѣга; и эта увѣренность была вполнѣ понятна, въ виду другихъ мѣръ, принятыхъ противъ бѣгства несчастнаго Сеотокви.

Бродяги, приблизившись къ оградѣ, начали совѣщаться, стараясь говорить какъ можно тише, чтобы не обратить на себя преждевременнаго вниманія сторожевыхъ собакъ, предавшихся, подъ впечатлѣніемъ окружающей мертвой тишины, сладостной дремотѣ.

— Въ какой фаньцзѣ онъ запертъ? спросилъ Куэн-чу.

— Вотъ въ этой, влѣво отъ жилой, указалъ Сун-зи на виднѣвшуюся изъ-за частокола крышу.

— Какъ теперь во дворъ пробраться? съ недоумѣніемъ прошепталъ Цзу-хо, осторожно потряхивая толстыя бревна забора.

— Пробраться не трудно... Главное, какъ-бы собаки не разлаялись очень, проговорилъ старый бродяга.

— Не бойся! успокоилъ Сун-зи. Я, вѣдь, три года въ фаньцзѣ выжилъ: собаки меня хорошо знаютъ. Стоитъ только окликнуть ихъ, и онѣ голосу не подадутъ...

— Значитъ и къ работѣ можно приступить... Разгребайте живо ножами землю вокругъ этого бревна, распорядился Куен-чу, указавъ на одно изъ звеньевъ частокола.—Живо!

Работа закипѣла, но чрезвычайно осторожная и осмотрительная. Бродяги неслышно обрыли одинъ изъ столбовъ, вытащили его общими усиліями изъ земли и отодвинули нижній конецъ въ сторону. Въ частоколѣ образовалась узкая щель, черезъ которую всѣ пролѣзли во дворъ и смѣло направились къ фаньцзѣ, служившей тюрьмой Сеотокви. Проснувшіяся собаки бросились-было на бродягъ, но, узнавъ Сун-зи, возвратились успокоенныя, на свои мѣста и отдались опять сладостной дремотѣ, не подозрѣвая, что старый знакомецъ явился съ товарищами съ злымъ умысломъ противъ ихъ хозяина.

Черезъ минуту, бродяги были уже въ амбарѣ, по обыкновенію незапертомъ, какъ и всѣ китайскія помѣщенія. Сеотокви продолжалъ крѣпко спать, не предчувствуя возможности спасенія. Куен-чу, едва разсмотрѣвшій его въ темнотѣ, слегка коснулся головы колодника и позвалъ шепотомъ.

— Эй, эй, Сеотокви!.. Сеотокви!..

Тотъ продолжалъ спать, какъ убитый. Куен-чу потрясъ его сильнѣй. Сеотокви разомъ проснулся и сталъ съ недоумѣніемъ всматриваться въ окружающую тьму, но ничего не могъ разглядѣть съ просонья.

— Сеотокви, мы пришли спасти тебя, шепнулъ Цзу-хо въ другое ухо колодника, ощупывая въ то-же время, пыточную доску, надѣтую ему на шею.

Сеотокви, ничего не видя, продолжалъ недоумѣвать, предполагая, что все ему чудится и что надъ нимъ

подшучиваетъ злой Сіо-куй. Но вотъ онъ почувствовалъ, что кто-то снялъ съ шеи тяжелую доску, осторожно освободилъ его руки и ноги.

— Вставай!.. Пойдемъ!.. шепнулъ Куен-чу.

Сеотокви, повинуясь приказанію таинственнаго голоса, съ трудомъ поднялся на сильно затекшія ноги и поддерживаемый бродягами, безпрекословно вышелъ изъ своей тюрьмы. Ему казалось, что его уже ведутъ на казнь, и онъ шелъ, опустивъ голову, ничего не видя, ничѣмъ не интересуясь и не отдавая себѣ яснаго отчета во всемъ происходящемъ. Но вотъ всѣ вышли за частоколъ и могли, безъ опасенія быть услышанными, сбросить таинственность и сдержанность. Цзу-хо, давно крѣпившійся въ изліяніи своихъ чувствъ, крѣпко обнялъ окончательно ошеломленнаго Сеотокви и, цѣлуя его въ обѣ щеки, радостно проговорилъ:

— Благодареніе божественному Фо!.. Мы спасли тебя во-время... Вотъ-то обозлится песъ Ча!.. Пускай теперь лаетъ на вѣтеръ...

— Жаль, что онъ на насъ не залаялъ: я-бы пустилъ ему пулю въ бокъ! проворчалъ Куен-чу, косясь на едва видиѣвшуюся вдали фаньзу.

Только при этой угрозѣ, сказанной отъ озлобленнаго сердца, Сеотокви вдругъ сообразилъ, что избѣгъ ужасной казни и находится теперь внѣ власти свирѣпаго, кровожаднаго Ча. Онъ разомъ ободрился и внимательно вглядѣлся въ своихъ спасителей.

— Голубчики, дорогіе! радостно взвизгнулъ онъ, узнавъ Цзо-хо и Сун-зи.—Благодарю васъ, благодарю!.. Очень благодарю!.. и Сеотокви упалъ на колѣни и поклонился до земли своимъ спасителямъ.

— И тебя благодарю!.. Не знаю только, кто ты такой, трепетно проговорилъ Сеотокви, поклонившись также до земли и Куен-чу.

— Ну, пойдемъ, полно бабничать, проворчалъ старый бродяга съ напускною серьезностью и тронулся

дальше.—Зѣвать намъ около берлоги Ча нечего... Нужно до разсвѣта удрать подальше!..

— Это Куен-чу, шепнулъ Сун-зи освобожденному товарищу.

— Барсъ изодралъ ему лицо—вотъ ты и не узналъ его, добавилъ Цзу-хо... Ты его теперь не бойся... Онъ славный и добрый... Если-бы онъ не помогъ намъ, мы и тебя не спасли-бы! Всему дѣлу Куен-чу помогъ!..

— Вы всѣ теперь мои братья и друзья... Клянусь въ томъ божественнымъ Фо! торжественно воскликнулъ Сеотокви, и поплелся по пыльной дорогѣ, вслѣдъ за старымъ бродягой, который торопился скрыться до восхода солнца, въ таинственной тайгѣ...

* * *

Маньцзи Ча проснулся утромъ въ самомъ веселомъ настроеніи, предвкушая заранѣе удовольствіе предстоявшей казни Сеотокви. Нѣжась на мягкой шкурѣ черно-бураго медвѣдя, онъ провѣрялъ въ своемъ воображеніи цѣлый рядъ пытокъ и истязаній, которымъ намѣревался подвергнуть преступнаго рабочаго.

— Прежде всего я повыдергаю изъ бороды всѣ волосы, мечталъ Ча,—потомъ вышибу всѣ зубы и выколю глаза... Затѣмъ изломаю руки и ноги... А послѣ въ землю...

Въ этотъ моментъ мечты его были неожиданно прерваны сильнымъ стукомъ въ дверь каморки. Вслѣдъ за стукомъ раздались тревожные голоса:

— Хозяинъ, а, хозяинъ!.. Вставай скорѣй!.. Сеотокви бѣжалъ!..

При послѣднихъ словахъ Ча вскочилъ съ наръ, точно ужаленный, и стремглавъ выскочилъ, полуодѣтый, въ общее помѣщеніе фаньцзи, въ которомъ толпились встревоженные рабочіе. Черезъ полминуты, Ча былъ уже въ амбарѣ и безсмысленно пялилъ налитые кровью глаза на взломанныя колодки и пыточную доску, такъ плотно пригнанную мѣсяцъ назадъ къ шеѣ ненавистнаго Сеотокви. Неожиданное исчезновеніе послѣд-

няго произвело на Ча такое потрясающее впечатлѣніе, что на него нашелъ положительный столбнякъ. Онъ не могъ вымолвить ни слова и только трясся отъ ужасной злобы, охватившей все его существо. Рабочіе столпились какъ бараны, во дворѣ, съ трепетомъ ожидая послѣдствій хозяйскаго гнѣва и, въ то же время, недоумѣвая, что сдѣлалось съ Ча, продолжавшимъ таращить глаза на мѣсто, гдѣ высидѣлъ столько времени несчастный Сеотокви, лишенный возможности пошевельнуться... Но вотъ, недоумѣніе смѣнилось вскорѣ неотразимымъ ужасомъ. Ча очнулся, выбѣжалъ на дворъ и разразился неистовыми ругательствами, какъ по адресу убѣжавшаго Сеотокви, такъ и всѣхъ рабочихъ, будто-бы, содѣйствовавшихъ бѣгству преступника. Ча ругался въ теченіе получаса непрерывно, какъ бѣсноватый, съ пѣною у рта, необыкновенно визгливымъ голосомъ, потрясая сжатыми кулаками передъ смиренными физіономіями, страшно перетрусившихъ рабочихъ.

— Гдѣ мерзавецъ Ли-фу?.. Подать мнѣ его! вдругъ вспомнилъ Ча.—Ему, презрѣнной собакѣ, я приказалъ караулить Сеотокви!.. Подать мнѣ Ли-фу!.. Приведите его сейчасъ!..

Рабочіе не замедлили вытолкнуть изъ толпы Ли-фу, блѣднаго и трясущагося, какъ осиновый листъ.

Ча неистово взвизгнулъ, выхватилъ ножъ, всегда висѣвшій у него на поясѣ, и остервенѣлымъ звѣремъ набросился на Ли-фу... Черезъ нѣсколько секундъ, тотъ уже корчился съ перерѣзаннымъ горломъ на землѣ, въ виду сотни товарищей, не осмѣлившихся шевельнуть пальцемъ въ его защиту...

* * *

Это жестокое самоуправство свирѣпаго Ча имѣло для него самыя печальныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ заслуженныя послѣдствія. Русскія власти, предувѣдомленныя о случившемся и выведенныя, наконецъ, изъ терпѣнія постоянными злодѣйствами Сучанскаго изверга, выслали изъ Владивостока военный отрядъ съ приказа-

ніемъ доставить Ча живого или мертваго. Порученіе это было выполнено блистательно. Захваченный совершенно врасплохъ, Ча былъ доставленъ во Владивостокъ, а оттуда въ пограничный маньчжурскій городъ Хунъ-Чунъ, гдѣ его и обезглавили. Такимъ образомъ, Ча не удалось на этотъ разъ откупиться. Голова его была вскорѣ прислана русскому пограничному комиссару, какъ вещественное доказательство китайскаго правосудія...

Что касается Куен-чу, Сун-зи, Цзу-хо и Сеотокви, то они напрасно пробродили по хребту Сихотэ-Алинь до глубокой осени: волшебной пади имъ не удалось найти... Впрочемъ, вѣруя въ счастливую звѣзду Цзу-хо, всѣ согласились итти на поиски пади Ула-Джана на слѣдующую весну. Выполнили-ли они это рѣшеніе—неизвѣстно, но нѣкоторые маньцзи разсказывали, что Сун-зи предпочелъ сдѣлаться „купцомъ", находя болѣе пріятнымъ эксплоатировать инородцевъ, чѣмъ рисковать жизнью изъ-за призрачнаго предпріятія. Остальные, можетъ быть, до сихъ поръ тщетно ищутъ чудную падь Ула-Джана, а можетъ быть ужъ давно сдѣлались жертвой многочисленныхъ хищниковъ глухой тайги.

На соболей.

Разсказъ изъ быта ходзеновъ (гольдовъ).

I.

Пришли ясные, осенніе дни. Съ сѣвера потянуло рѣзкимъ холодомъ. Суровая зима приближается быстрыми шагами и съ каждымъ днемъ все настойчивѣе и настойчивѣе заявляетъ свои права на существованіе. Быстрыя, свѣтлыя воды Усуръ-мангу [1]) уже покрылись, скованною морозомъ, ледяною бронею, едва прикрытою, недавно выпавшимъ, пушистымъ снѣгомъ. Замолкъ бурливый рокотъ рѣки на перекатахъ, вокругъ гигантскихъ корчагъ и столѣтнихъ деревьевъ, свалившихся въ рѣку съ подмытыхъ береговъ. Смолкла, уснула Усуръ-мангу послѣ продолжительной, могучей борьбы, нагромоздивъ на отмеляхъ цѣлыя горы мелко искрошеннаго льду, образовавъ непроходимые тороза при каждой, болѣе или менѣе крутой извилинѣ, предъ каждымъ островкомъ, при устьяхъ многочисленныхъ притоковъ... Величественные ильмы, стройные тополи, крѣпкіе вязы и другія лиственныя де-

[1]) Ходзены зовутъ рѣку Уссури—Усуръ-мангу, что означаетъ въ буквальномъ переводѣ: „Великая рѣка".

ревья уже давно сбросили свою пышную, лѣтнюю одежду и, оголенные уныло стоятъ среди омертвѣвшей природы. Недавніе морозы навѣсили на ихъ закоченѣвшихъ вѣтвяхъ фантастическія, бѣлоснѣжныя кружева, блистающія на солнцѣ милліонами разноцвѣтныхъ искръ. На плоскихъ берегахъ Усуръ-мангу раскинулась роскошная, снѣжная пелена, рѣжущая глазъ своею ослѣпительною бѣлизною, сверкающая на солнцѣ волшебными, радужными огнями,—разсыпанными по ней щедрой рукой необъятныя массы драгоцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ каменьевъ. То здѣсь, то тамъ высоко пробивается изъ подъ пушистаго снѣга прошлогодняя, пожелтѣвшая трава, какимъ-то чудомъ избѣгнувшая всепожирающаго пламени грозныхъ паловъ [1])... Наступила самая лучшая, самая горячая пора прибыльнаго пушного промысла...

Въ ходзенской деревнѣ Нучь-Ауа господствуетъ необычайное оживленіе. Все мужское населеніе, за исключеніемъ дряхлыхъ стариковъ и больныхъ, готовится къ прибыльному звѣрованью [2]), прибыльному, впрочемъ, не для самихъ ходзеновъ, а для ихъ безстыдныхъ, жадныхъ до безшабашной наживы, эксплоататоровъ. Передъ каждой почти фаньзой стоятъ легкія норты [3]), запряженныя мускулистыми, остромордыми собаками и верхомъ нагруженныя юколой [4]), просомъ, солью, табакомъ, порохомъ, свинцомъ и другими необходимыми припасами. Собаки, свернувшись на снѣгу, около нортъ, терпѣливо ждутъ своихъ хозяевъ. Ходзены, съ винтовками за плечами, въ мохнатыхъ, енотовыхъ шапкахъ съ назатыльниками и наушниками, въ теплыхъ, спи-

---

[1]) Каждую осень инородцы и казаки сжигаютъ на пастбищахъ сухую траву (пускаютъ палы), съ тою цѣлью, чтобы на будущій годъ трава росла лучше и мягче. При неосторожности, палы превращаются въ страшные лѣсные пожары, истребляющіе массы строеваго лѣса и особенно подлѣсокъ.

[2]) Звѣрованье—охота на пушного звѣря.

[3]) Норты—легкія, узкія сани.

[4]) Юкола—сушеная на солнцѣ рыба. Приготовляется въ прокъ безъ соли, юкола издаетъ невыносимо противный запахъ. Она составляетъ обыкновенную пищу ходзеновъ и ихъ собакъ.

тыхъ изъ оленьей шкуры, рубахахъ, прощаются съ женами и дѣтьми, гурьбой высыпавшими изъ фаньцзъ проводить мужей и отцовъ на трудный промыселъ, преисполненный опасностями и всевозможными тяжелыми случайностями. Къ ногамъ промышленниковъ, обутымъ въ мягкіе, сшитые изъ выдѣланной оленьей шкуры, привязаны легкія лыжи. Въ рукахъ у каждаго ходзена былъ орстель, длинная палка, необходимая не только при ѣздѣ на собакахъ, но также при подъемахъ на лыжахъ на крутые скаты и, особенно, при опасныхъ спускахъ.

Среди группъ прощающихся мелькаетъ юркая, тощая фигура одного изъ экспоататоровъ добродушныхъ инородцевъ, маньцзи Шань-Ляй, наканунѣ прибывшаго въ Нучь-Ауа, съ богатымъ запасомъ пороха, свинца, табаку, соли, проса и другихъ необходимыхъ для промышленниковъ припасовъ. Не забытъ былъ и ханшинъ, до котораго ходзены хотя и не большіе охотники, но не брезгаютъ имъ и, при случаѣ, пьютъ этотъ одуряющій напитокъ даже не въ мѣру.

Шань-Ляй, одѣтый въ богатый кафтанъ, подбитый бѣлоснѣжнымъ бараномъ и опушенный дорогимъ соболемъ, юрко вертится среди ходзенъ, какъ хищный, голодный волкъ среди стада безпомощныхъ овецъ. На его сухомъ, черствомъ лицѣ лежитъ печать необычайной жадности. Проницательные, глубоко ушедшіе въ орбиты глаза горятъ ненасытною алчностью. Шань-Ляй съ какою-то лихорадочною поспѣшностью перебѣгаетъ отъ одной группы къ другой и отравляетъ послѣднія минуты прощанья промышленниковъ съ женами и дѣтьми рѣзкими напоминаніями о долгѣ и угрозами.

— Хуашу, за тобой теперь семнадцать соболей!.. Запомни хорошенько своей дурацкой головой, а то опять спорить будешь!.. крикнулъ онъ одному высокому, молодому ходзену, державшему на рукахъ здороваго, краснощекаго мальчугана. Рядомъ съ промышленникомъ стояла, низко опустивъ голову, симпатичная

ходзенка, съ черными огневыми глазами, окаймленными пышными, длинными рѣсницами.

— Вѣрно, вѣрно!.. раболѣпно отвѣтилъ Хуашу. Не забудь только, другъ, привези Хизѣ, что я просилъ... Самъ знаешь, одна, вѣдь останется... А ужъ я тебѣ потомъ за все заплачу, какъ съ промысла пріѣду...

— Привезу, не забуду... Тамъ особый счетъ будетъ... Только смотри, всѣхъ соболей мнѣ за назначенную цѣну... Если утаишь хоть одного и спустишь другому, такъ будешь меня помнить, быстро, съ угрозой проговорилъ Шань-Ляй и побѣжалъ дальше.

— Да ужъ, конечно, тебѣ—кому-же больше, грустно пробормоталъ Хуашу вслѣдъ китайцу и глубоко, тяжко вздохнулъ, такъ вздохнулъ, точно со вздохомъ вырвался у него изъ сдавленной груди давно сдерживаемый стонъ. Страдальческій вздохъ этотъ рѣзнулъ Хизе ножемъ. Она какъ-то болѣзненно вздрогнула и еще ниже опустила свою голову, при чемъ съ ея плечъ свалились на грудь двѣ тяжелыя, плотно заплетенныя косы.

— У, этотъ шайтанъ, совсѣмъ закабалилъ насъ... Чтобъ у него въ горлѣ оленій рогъ застрялъ!.. прошептала она, посматривая на удалявшагося Шань-Ляя.

— Молчи, Хизе, молчи!.. со страхомъ остановилъ Хуашу свою жену. Услышитъ онъ, то хуже всякаго амба (злого духа) сдѣлается... Молчи, Хизе!.. Не навлекай своимъ языкомъ его страшнаго гнѣва...

Хизе смолкла, прикусивъ до крови нижнюю губу. Грудь ея подымалась высоко и судорожно. Давно сдерживаемыя рыданія подступили къ горлу. Хизе едва не поддалась, внезапно охватившему ее, душевному волненію, но успѣла во время подавить его, и только двѣ крупныя слезы медленно выкатились изъ ея черныхъ глазъ и затерялись въ складкахъ теплаго халата. Хуашу, между тѣмъ, молча цѣловалъ своего сына и думалъ о своемъ закабаленномъ, тяжеломъ положеніи. Въ прошломъ году онъ отдалъ Шань-Ляю всѣхъ добы-

тыхъ соболей, числомъ двадцать двѣ штуки, а между тѣмъ, долгъ выросъ съ десяти соболей уже до семнадцати и выростетъ, вѣроятно, еще больше...

«Такова, видно, несчастная участь моя — остаться закабаленнымъ до самой смерти, грустно думалъ Хуашу, лаская сына. А тамъ и мальчишка мой въ кабалу попадетъ — ходзенамъ другого исхода нѣтъ... А что взялъ я отъ Шань-Ляя въ прошломъ году?.. Фунта два пороху, свинцу фунтовъ пять, да пудовъ десять проса, немного табаку, соли и кусокъ дабы (бумажной матеріи) на халатъ себѣ и женѣ... Кажется все... Нѣтъ, лѣтомъ еще привезъ Шань-Ляй моему мальчугану чудную, заморскую игрушку, круглую такую и упругую, какъ рыбій пузырь: бросишь ее — она и начнетъ прыгать, словно живая... И только... За все это Шань-Ляй насчиталъ двадцать девятъ соболей. Конечно, это много, охъ, какъ много, но вѣроятно вѣрно. Шань-Ляй не такой человѣкъ, чтобы присчитать могъ... Одна бѣда только, что дешево, очень дешево цѣнитъ онъ соболя... Вонъ руссы предлагаютъ за штуку два и три серебряныхъ рубля, а Шань-Ляй кладетъ только по рублю, да и то за лучшаго соболя... Если-же похуже шкурка немного, то уже и два соболя за рубль тащитъ. Да, кромѣ того, дорого за всѣ припасы беретъ... А что подѣлаешь съ нимъ?.. Ничего... Вонъ два года тому назадъ вздумалъ я было продать соболей въ другіе руки, подороже, такъ вѣдь Шань-Ляй едва съ голоду меня и жену не заморилъ; отказался привозить просо и все остальное, и другимъ товарищамъ наказалъ не привозить... Всѣ они и отхлынули отъ меня: зачѣмъ, молъ слова своего не держишь... Цѣлый годъ сидѣлъ я на одной юколѣ, ни пороху ни свинцу не было... Насилу умолилъ я Шань-Ляя, чтобъ опять сталъ все возить—пять соболей, да съ десятокъ куницъ подарилъ ему за это... И, вѣдь, какой-же онъ упрямый, да сердитый!.. А все таки хорошій онъ человѣкъ... Вотъ уйду я на промыселъ, и ужъ вѣрно знаю, что

все женѣ привезетъ, что понадобится: ни въ чемъ отказу ей не будетъ... А, вѣдь, онъ не знаетъ, насколько удачно будетъ звѣрованье, и самъ вернусь-ли я домой... Потомъ, правду сказать, Шань-Ляй никогда за долги не давитъ, ждетъ годами, только не обманывай его и отдавай ему всѣ добытыя шкурки, одной не утаи... Да, хорошій онъ человѣкъ! окончательно рѣшилъ Хуашу, опуская сына на землю.

— Ну, прощай, Хизе, пора... Видишь, наши уже готовы, прошепталъ онъ, обращаясь къ женѣ.

Хизе молча поцѣловала мужа; на ея длинныхъ рѣсницахъ дрожали крупныя слезы. Взявъ затѣмъ сына на руки, она, не оглядываясь, убѣжала въ фаньцзу. Видно, стыдно было ей плакать при постороннихъ...

Хуашу грустно подошелъ къ своей нортѣ и крикнулъ на сабакъ. Тѣ стремительно вскочили, дружно натянули постромки и понеслись по мягкому снѣгу, къ едва виднѣвшимся вдали холмамъ. Хуашу не отставалъ отъ норты и быстро скользилъ на лыжахъ по ровной низменности, вслѣдъ за остальными промышленниками.

II.

Партія промышленниковъ, отправившаяся изъ Нучь-Ауа, на звѣрованье, состояла изъ двадцати человѣкъ при пятнадцати портахъ. Въ каждую норту было запряжено по десяти собакъ. Умныя, мускулистыя животныя поощряемыя, криками своихъ хозяевъ бѣжали весело и бодро. Блестящій снѣгъ лежалъ всюду пушистой, толстой пеленой, сверкавшей на солнцѣ милліонами радужныхъ огней. Ходзены легко скользили на лыжахъ, изрѣдка перекидываясь отрывистыми словами. Впереди всѣхъ нортъ, растянувшихся по слегка холмистой мѣстности въ одну извилистую линію, лихо несся совершенно сѣдой, но еще очень бодрый, ходзенъ-вожакъ промысловой партіи. Цацымъ, такъ звали вожака,

пользовался среди одноплеменниковъ репутаціей замѣчательнаго стрѣлка, искуснаго промышленника и отважнаго охотника. Никто не зналъ лучше его всѣхъ таинственныхъ убѣжищъ пушного звѣря, никто не умѣлъ такъ ловко выслѣдить звѣря, какъ онъ, такъ искусно устроить ему западню и съ такою удивительною сноровкою и ловкостью выбраться изъ самаго затруднительнаго положенія. Уже съ десятилѣтняго возраста, Цацымъ участвовалъ во всѣхъ промыслахъ. Каждую зиму, въ теченіе почти полувѣка, онъ проводилъ въ таинственной тайгѣ, въ плохихъ шалашахъ, наскоро сдѣланныхъ изъ древесныхъ сучьевъ, промышляя дорогого соболя, горностая, куницу, выдру, чернобурую лисицу и енотовидную собаку. Не брезгалъ онъ и сибирской бѣлкой, не упускалъ случая снять и съ чернаго медвѣдя его пушистую, теплую шубу. Послѣднія двадцать лѣтъ, Цацымъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, какъ ловкій, безстрашный промышленникъ, которому хорошо были извѣстны всѣ таинственные закоулки и тропинки необъятной тайги. Отличный стрѣлокъ, онъ билъ соболя не иначе какъ въ голову, чтобы не испортить дорогой шкурки. Никто не помнилъ случая, чтобы Цацымъ когда нибудь промахнулся. Въ постоянной борьбѣ съ непогодой и лютымъ морозомъ, онъ закалилъ свое тѣло до необычайности. Это былъ скованный изъ стали атлетъ съ желѣзнымъ здоровьемъ и замѣчательной неутомимости. Среди своихъ, въ высшей степени суевѣрныхъ и нѣсколько трусливыхъ, одноплеменниковъ, Цацымъ отличался выдающимся мужествомъ и безстрашіемъ. Преодолѣвъ суевѣрный страхъ къ тигру и барсу, олицетворяющихъ, по мнѣнію суевѣрныхъ ходзеновъ, злого духа амба, страхъ, всосанный съ молокомъ матери, онъ, при первой же встрѣчѣ съ однимъ изъ этихъ кровожадныхъ хищниковъ, всадилъ ему въ голову свою мѣткую пулю и съ торжествомъ принесъ снятую шкуру домой. Съ этого знаменательнаго дня, ходзены стали смотрѣть на

Цацыма, какъ на человѣка исключительнаго, могущаго бороться даже съ амба, какъ на человѣка, не знающаго страха и знакомаго съ необходимыми заклинаніями, парализующими всѣ козни злого духа. Это мнѣніе окрѣпло вскорѣ еще больше, когда Цацымъ убилъ огромнаго тигра, въ теченіе цѣлаго мѣсяца наводившаго паническій страхъ на все окрестное инородческое населеніе...

Почти каждогодно Цацымъ приносилъ домой вмѣстѣ съ дорогими шкурками соболя, или полосатую шкуру тигра, или мохнатую шубу чернаго медвѣдя, или же свѣтло-желтую шкуру свирѣпаго барса. Проживъ въ тайгѣ сорокъ слишкомъ зимъ, Цацымъ совершенно освоился съ характеромъ и привычками всѣхъ звѣрей, и ловко, остроумно умѣлъ пользоваться этими привычками при устройствѣ всевозможныхъ замысловатыхъ снарядовъ, особенно для ловли соболей. Онъ всегда возвращался съ промысла съ бо́льшей добычей, чѣмъ другіе промышленники, благодаря чему и считался наиболѣе зажиточнымъ ходзеномъ деревни Нучь-Ауа. Впрочемъ, вся зажиточность Цацыма ограничивалась просторной фаньцзой и лучшей винтовкой въ цѣломъ округѣ, пріобрѣтенной отъ одного уссурійскаго казака за десять серебряныхъ рублей. И не мудрено. Послѣ смерти его отца осталось болѣе сорока соболей долгу. Цацымъ, какъ человѣкъ честный и какъ добрый сынъ, дорожившій памятью отца, принялъ на себя уплату [1]) этого долга, не смотря даже на то, что достовѣрность его ничѣмъ другимъ не подтвердилась, какъ заявленіемъ заимодавца, жаднаго китайца Шань-Ляй. Попавъ такимъ образомъ въ кабалу уже съ перваго года своей самостоятельной жизни, Цацымъ не могъ выбиться

[1]) Ходзены отличаются выдающимся добродушіемъ и честностью. Не было случая, чтобы дѣти отказывались платить долгъ, оставшійся послѣ смерти отцовъ. Китайцы отлично знакомы съ этой высоконравственной чертой инородцевъ и пользуются ею для наживы.

изъ нея, не смотря на всѣ старанія. Долгъ то уменьшался, то опять возрасталъ; особенно въ года менѣе удачнаго промысла! Шань-Ляй велъ свое эксплоататорское дѣло настолько ловко, что никому, разъ попавшемуся въ кабалу, не давалъ возможности выбиться изъ нея, съ цѣлью пользоваться исключительнымъ правомъ получать, за самую ничтожную сумму, весь зимній заработокъ своихъ должниковъ. Отпуская ходзенамъ въ долгъ порохъ, свинецъ, просо, табакъ, соль и разныя бумажныя матеріи, отпуская при этомъ все въ неограниченныхъ размѣрахъ, Шань-Ляй ловко запутывалъ довѣрчивыхъ дикарей и втягивалъ ихъ въ омутъ вѣчной кабалы и долговъ. Это былъ не человѣкъ, а кровожадный вампиръ, высасывавшій изъ добродушныхъ ходзеновъ кровь до послѣдней капли; онъ былъ на здоровомъ тѣлѣ несчастныхъ инородцевъ злокачественной язвой и ловко держалъ ихъ въ вѣчно угнетенномъ, тяжкомъ положеніи...

III.

Къ вечеру, партія промышленниковъ остановилась на ночевку въ густой, дубовой рощѣ, раскинувшейся на отлогомъ скатѣ куполообразнаго холма,—крайняго звена бокового отрога хребта Сихотэ-Алинь. Наскоро исправивъ прошлогодніе шалаши и бросивъ собакамъ по юколѣ, ходзены пожевали ту же вонючую рыбу, завернулись въ звѣриныя шкуры и, не смотря на рѣзкій холодъ, скоро заснули крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. Голодныя собаки, проглотивъ скромную подачку, не замедлили послѣдовать примѣру своихъ хозяевъ. Зарывшись въ рыхлый снѣгъ и сбившись въ одну плотную кучу, чтобы было потеплѣе, онѣ заснули чуткимъ сномъ незамѣнимыхъ сторожевыхъ животныхъ. Въ становищѣ наступила почти мертвая тишина, нарушаемая только сильнымъ храпѣньемъ уставшихъ промышленниковъ и дружнымъ сапомъ собакъ. Солнце давно уже зашло, и кругомъ

царствовала непроглядная тьма зимней ночи. Ходзены спали спокойно, вполнѣ довѣрившись чуткому уху своихъ собакъ. Они знали, что вѣрныя животныя, не смотря на ихъ крѣпкій, повидимому, сонъ, всегда во время почуятъ приближеніе какого-нибудь хищника и во время разбудятъ уставшихъ хозяевъ своимъ громкимъ тявканьемъ...

Ночь прошла спокойно... Не успѣло еще солнце озолотить своими утренними лучами мохнатыя вершины Сихотэ-Алинь, промышленники были уже на ногахъ. Пожевавъ неизмѣнную юколу, они пустились въ дальнѣйшій путь, спѣша достигнуть мѣста промысла до захода солнца, чтобы успѣть исправить прошлогодніе шалаши и подготовить ихъ къ четырехъ-мѣсячному почти жилью. Поднявшись на вершину холма, ходзены стали спускаться по довольно крутому, сглаженному снѣгомъ, противоположному скату. У подошвы холма темнѣлась глубокая падь, густо заросшая разнообразною древесною растительностью. Мягкій, пушистый снѣгъ заполнилъ всѣ неровности ската, засыпалъ каждую выбоину, трещину и покрывалъ холмъ въ видѣ гигантской, ослѣпительной бѣлизны скатерти, испещренной точно цвѣтами—темными пятнами отдѣльно стоящихъ, вѣковыхъ дубовъ. Спускъ былъ довольно затруднительный. Норты все время раскатывались и набѣгали на собакъ, не смотря на подведенные подъ полозья тормаза и другія предосторожности, принятыя промышленниками. Каждый ходзенъ съѣзжалъ на лыжахъ позади своей норты, придерживая ее веревкой, прихваченной за заднюю перекладину, и задерживая, ондовременно, свой бѣгъ орстелемъ...

Но вотъ и падь, темная, мрачная какъ могила. Среди густой заросли затѣйливо вилась едва замѣтная тропа. На недавно выпавшемъ снѣгѣ видѣлось множество мелкихъ звѣриныхъ слѣдовъ. Очевидно было, что по этой узкой тропѣ только что прошли цѣлыя стада дикихъ козъ, косулей и изубровъ. Изрѣдка, справа и

слѣва, въ самой заросли, виднѣлись другіе слѣды, крупные, круглые, повидимому, тигровые. Безъ сомнѣнія, хищникъ назойливо слѣдовалъ за козами. Дѣйствительно, едва успѣли промышленники углубиться въ заросль, какъ наткнулись на остатки недавней трапезы хищника: поперекъ тропинки валялась полуобъѣденная туша огромнаго изубра; снѣгъ вокругъ ея былъ сильно притоптанъ и обильно смоченъ кровью. Повидимому, на этомъ мѣстѣ, всего можетъ быть часъ тому назадъ, произошла короткая борьба между грознымъ хищникомъ и изубромъ, борьба неравная, страшная, отчаянная... Цацымъ, шедшій все время впереди партіи, принужденъ былъ оттащить остатки изубра въ заросль и очистить дорогу для проѣзда нортъ. Собаки, почуявъ недавнее присутствіе своего злѣйшаго врага, стали упираться, заметались изъ стороны въ сторону и никакъ не рѣшались пройти мимо мѣста кровавой трапезы. Поощрительные крики ходзеновъ не имѣли своего дѣйствія; не помогали и щедрые удары орстелей. Повидимому, собакъ охватилъ какой-то неопредѣленный страхъ. Тигровый запахъ сводилъ ихъ положительно съ ума. Присѣвъ на хвосты, онѣ подняли кверху свои острыя морды и начали дружно тявкать, не обращая вниманія на энергическія покрикиванія хозяевъ. Тявканье это изрѣдка переходило въ громкій вой, словно собаки оплакивали злосчастную судьбу изубра, попавшагося въ крѣпкіе зубы страшнаго хищника... Промышленникамъ удалось проѣхать мимо тигровой трапезы только послѣ многихъ хлопотъ: собакъ пришлось чуть-ли не протаскивать за шиворотъ черезъ мѣсто, смоченное кровью растерзаннаго звѣря. За то потомъ, едва только мѣсто страшной борьбы осталось позади, страху какъ не бывало. Задорно поднявъ пушистые хвосты, собаки дружно натянули постромки и поволокли норты по узкой, извилистой тропѣ, все глубже и глубже въ таинственную заросль. Дорога была крайне тяжелая. Норты постоянно задѣвали за стволы деревьевъ и часто опрокидывались.

Промышленники съ трудомъ передвигали свои лыжи по истоптанной дикимъ звѣремъ тропинкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вздумали было снять ихъ и забросить за спину, но оказалось еще хуже: при каждомъ шагѣ они погружались въ рыхлый, глубокій снѣгъ чуть-ли не по поясъ... Поневолѣ пришлось опять привязать лыжи къ ногамъ...

IV.

Пробравшись черезъ глубокую падь, промышленники вышли къ подошвѣ высокаго холма, сплошь покрытаго мохнатой шапкой, густой щетиной хвойныхъ деревьевъ. Гигантскіе кедры въ сто футовъ вышиной и въ два обхвата толщиной, величественныя сосны, пихты, лиственницы, тиссъ и мохнатыя ели образовали, повидимому безконечный, дѣвственный лѣсъ, еще нетронутый рукой человѣка. Темный, таинственный лѣсъ этотъ ползъ по скатамъ холма къ самой вершинѣ и сползалъ опять въ сосѣднюю, мрачную падь съ тѣмъ, чтобы вновь подняться на ближайшіе холмы Казалось, цѣлый, безконечный хребетъ былъ сплошь прикрытъ этими гигантскими, исключительно хвойными, деревьями. Только у подошвы хребта и въ падяхъ примѣшивались отдѣльные экземпляры лиственныхъ породъ: широковѣтвистый ильмъ, вѣковой дубъ, крѣпкая ясень, черная береза, кленъ, орѣхъ, липа и другія деревья. Промышленники достигли цѣли своего путешествія. Этотъ темный лѣсъ служилъ убѣжищемъ для дорогого соболя. Ходзены остановились у его опушки для послѣдняго совѣщанія. Въ этомъ мѣстѣ партія должна была разбиться на болѣе мелкія и разойтись по разнымъ падямъ. Полюбовная сдѣлка закончилась безъ всякихъ споровъ, и черезъ часъ промышленники разбрелись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы не сходиться въ теченіе по крайней мѣрѣ трехъ мѣсяцевъ. Вожакъ промысловой партіи Цацымъ сталъ во главѣ небольшой партіи, состоящей изъ его сына Хоадзо и знакомаго намъ Хуашу.

Хоадзо было всего только пятнадцатый годъ, тѣмъ не менѣе онъ уже выработался, подъ руководствомъ своего опытнаго отца, въ отважнаго, смѣлаго охотника, знакомаго съ собольимъ промысломъ и свыкшагося съ тайгой почти въ одинаковой степени, какъ и съ фаньзой отца. Поднявъ своихъ собакъ, Цацымъ началъ огибать холмъ влѣво. Хуашу и Хоадзо слѣдовали по пятамъ своего опытнаго вожака. Спустя часъ съ небольшимъ, промышленники вышли въ глубокую падь, густо заросшую почти исключительно величественными кедрами. Пацымъ уже съ осени облюбовалъ это мѣсто, особенно богатое соболемъ въ года хорошаго урожая кедроваго орѣха. Онъ отлично зналъ, что урожай орѣховъ привлекаетъ сюда множество сибирской бѣлки, а за ней слѣдомъ приходитъ и хищный соболь—главный истребитель бѣлки...

Прошлогодній шалашъ Цацыма, воздвигнутый изъ бересты на самой опушкѣ лѣса, оказался вполнѣ исправнымъ и годнымъ для жилья. До захода солнца оставалось часа два. Промышленники немедленно разгрузили норты, сложили всю провизію, порохъ и свинецъ въ одномъ изъ угловъ шалаша и прикрыли звѣриными шкурами. На почетномъ мѣстѣ промышленники подвѣсили привезенный бурханъ (идолъ), представляющій изображеніе человѣка [1]), сильно размалеванное красной краской. Позади шалаша Цацымъ выбралъ вѣковой кедръ съ низко опущенными вѣтвями, на которыхъ развѣсилъ до десятка другихъ бурхановъ, въ видѣ небольшихъ, уродливыхъ фигурокъ, изображающихъ человѣка, неизвѣстныхъ животныхъ или что-то среднее между тѣмъ и другими. Закончивъ эту наиболѣе важную часть своей работы, Цацымъ упалъ ницъ передъ под-

[1]) Каждый подобный бурханъ—это овальная дощечка, на которой грубо вырѣзанными углубленіями обозначены очертанія человѣческаго носа, рта и глазъ; на нижнемъ краю и на обѣихъ сторонахъ верхняго прикрѣплены къ дощечкѣ куски мѣха, представляющіе бороду и волосы на головѣ.

вѣшанными идолами и обратился къ нимъ съ горячей мольбой относительно удачнаго звѣрованья. Съ цѣлью ублажить своихъ бурхановъ, онъ вынесъ изъ шалаша немного ханшина и варенаго проса.

— Кушайте на здоровье! проговорилъ онъ, плеская водкой въ идоловъ и размазывая ихъ просомъ.—Кушайте, кушайте! Только смотрите, чтобъ уловъ у меня былъ хорошій, добавилъ Цацымъ требовательнымъ тономъ и вернулся въ шалашъ.

Хоадзо и Хуашу уже устроили посреди шалаша очагъ, а вблизи послѣдняго—мѣста для спанья. Время между тѣмъ подходило къ вечеру. Солнце уже скрылось за ближайшій холмъ и причудливо золотило его щетинистую, темную вершину. Уставшіе промышленники плотно поужинали вареным просомъ и легли спать поближе къ разведенному на очагѣ огню. Собаки, соблазненныя нѣжащимъ теплом, забрались въ шалашъ и мирно улеглись на разной рухляди. Хоадзо хотѣлъ было повыгнать ихъ вонъ, но отецъ остановилъ его.

— Лежи!.. Оставь ихъ—теплѣе будетъ!.. проговорилъ Цацымъ, плотнѣе завертываясь въ звѣриную шкуру. Дѣйствительно, не прошло и получаса, какъ въ шалашѣ сдѣлалось такъ душно и жарко, что промышленники принуждены были сбросить съ себя шкуры. Очагъ распространялъ вокругъ нестерпимый чадъ и ѣдкій дымъ, нисколько впрочемъ не безпокоившій привычныхъ ходзеновъ. Воздухъ въ шалашѣ сдѣлался въ высшей степени тяжелымъ и съ каждой минутой становился все удушливѣе и тяжелѣе. Нестерпимая вонь отъ юколы и непріятный запахъ отъ сырыхъ шкуръ смѣшивались со смраднымъ дыханіемъ двухъ десятковъ собакъ и съ ѣдкимъ чадомъ тлѣвшагося очага. Непривычный человѣкъ навѣрное задохнулся бы въ этой отвратительной атмосферѣ, но ходзены чувствовали себя вполнѣ хорошо; главное желаніе было вполнѣ достигнуто—имъ было не только тепло, но даже жарко...

V.

Еще было совсѣмъ темно, когда промышленники встали, наскоро позавтракали неизмѣнной юколой и варенымъ просомъ и снарядились на промыселъ. Едва глазъ сталъ различать въ темномъ лѣсу отдѣльные предметы, ходзены оставили шалашъ, предварительно помолившись передъ бурханами и испросивъ у нихъ хорошей добычи. Полуголодныя собаки, хорошо зная свое дѣло, моментально разбѣжались во всѣ стороны, и черезъ минуту таинственная чаща огласилась коротким тявканьемъ чуткихъ ищеекъ, напавшихъ на слѣдъ дорогого, пушнаго звѣря... Шалашъ со всей провизіей, съ запасомъ пороха и свинца былъ оставленъ безъ всякаго надзора. Промышленники хорошо знали, что никто не рѣшится воспользоваться, довѣрчиво оставленнымъ, добромъ. Если и набредетъ, случайно, на шалашъ такой-же охотникъ-промышленникъ, какъ они сами, то, по существующему обычаю, войдетъ въ шалашъ, поѣстъ, если голоденъ, и пойдетъ себѣ дальше, не позарившись на оставленные припасы и вещи. Да кто и рискнетъ захватить съ собой что либо? Каждый охотникъ отлично знаетъ, что къ вечеру промышленники непремѣнно вернутся въ шалашъ на ночевку, внимательно осмотрятъ его и, если замѣтятъ какую-либо пропажу, бросятся съ собаками по слѣдамъ убѣгающаго вора. Въ этомъ случаѣ послѣдній не долженъ ждать пощады. Промышленники, несмотря на усталость, выслѣдятъ похитителя во что-бы-то ни стало, потеряютъ сутки, двое сутокъ, даже цѣлую недѣлю, но догонятъ вора и безпощадно убьютъ его, какъ какого-нибудь хищнаго звѣря. Страхъ подобнаго жестокаго возмездія останавливаетъ воровскую руку другихъ инородцевъ и особенно уссурійскихъ казаковъ, нерѣдко промышляющихъ соболей въ однихъ мѣстахъ съ ходзенами. Что касается самихъ ходзеновъ, то они настолько безуко-

ризненно честны, такъ глубоко уважаютъ чужую собственность, что не позарятся на тысячи чужихъ соболей, даже при условіи полной безнаказанности. Эта высокая, нравственная черта характера заслуживаетъ особеннаго вниманія...

Промышленники, углубившись въ чащу дѣвственнаго, хвойнаго лѣса, пошли гуськомъ по хрусткому, скрыпучему ковру, недавно выпавшаго снѣга, уже подернутаго тонкимъ слоемъ ледяной коры. Въ чащѣ снѣгу было гораздо меньше; лыжи оказались совершенно лишними. Закинувъ ихъ за спины, охотники молча зашагали среди гигантскихъ кедровъ и мохнатой ели. Впереди всѣхъ шелъ Цацымъ; Хоадзо слѣдовалъ въ нѣсколькихъ шагахъ позади отца, а Хуашу замыкалъ шествіе. Собаки уже давно разсыпались по необъятному лѣсу. Ихъ короткое тявканье замолкло гдѣ-то вдали. Двадцать чуткихъ ищеекъ точно сгинули, затерявшись въ лѣсной трущобѣ, богатой соболемъ. Кругомъ царствовала невозмутимая, подавляющая тишина. Гигантскія деревья, съ низко опущенными подъ тяжестью недавно выпавшаго снѣга вѣтвями, казалось, застыли; ихъ пышныя вершины словно заснули въ выси едва просвѣчивавшагося голубого неба. Яркіе, солнечные лучи затерявались гдѣ-то высоко и только изрѣдка пробивались въ чащу, причудливо освѣщая толстыя стволы деревьевъ... Съ каждымъ шагомъ лѣсъ становился гуще, темнѣе и мрачнѣе; деревья тѣснились все больше и больше; пышныя вершины, увѣшанныя фантастическими, снѣжными кружевами, образовали непроницаемый сводъ и затмили солнце. Въ таинственной чащѣ царствовалъ угнетающій душу полумракъ. Охотники съ трудомъ пробирались среди дѣвственнаго, зимняго лѣса, чутко вслушиваясь въ окружающую подавляющую тишину: не слышно-ли призывнаго лая собакъ, разсыпавшихся въ безпросвѣтной чащѣ?.. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ промышленникамъ приходилось пробираться сквозь едва проницаемую заросль; съ тру-

домъ раздвигали они руками сплетшіяся вѣтви и, чуть-ли не ползкомъ, выбивались на болѣе просторное мѣсто. Обледенѣлыя вѣтви рѣзали руки, больно хлестали по лицу и обсыпали сверху сухимъ снѣгомъ. Несмотря на сильный морозъ, охотникамъ было жарко отъ трудной ходьбы, жарко до изнеможенія...

Вотъ чуть дрогнула вершина ближайшаго кедра, и въ недвижномъ воздухѣ закружилось нѣсколько порошинокъ снѣга. Чуткій опытный Цацымъ вскинулъ свои зоркіе глаза кверху.

— Бѣлка!—прошепталъ онъ, замѣтивъ звѣрька, боязливо притаившагося на самой вершинѣ огромнаго кедра.

Въ это время до уха охотниковъ донеслось отдаленное бѣшеное тявканье сабакъ. Было очевидно, что онѣ выслѣдили соболя и вогнали его на дерево. Цацымъ встрепенулся и сталъ торопливо пробираться по направленію лая. Лай становился то громче, то опять замиралъ въ отдаленіи. Повидимому, соболь преслѣдуемый и окруженный собаками, прыгалъ съ дерева на дерево, мечась въ разныя стороны и стараясь скрыться отъ зоркихъ чуткихъ враговъ. Но вотъ лай становился все слышнѣе и слышнѣе и спустя полчаса, промышленники подошли къ огромному кедру, окруженному безъ устали тявкающими собаками. Не было сомнѣнія, что въ конецъ измученный назойливой погоней соболь притаился въ пышной вершинѣ дерева, въ надеждѣ, что называется „отсидѣться". Зоркій глазъ Цацыма тотчасъ-же разсмотрѣлъ звѣрька. Черезъ нѣсколько секундъ загрохоталъ въ чащѣ громкій выстрѣлъ, и соболь, пораженный мѣткой пулей въ голову, запрыгалъ съ вѣтви на вѣтвь и шлепнулся наконецъ въ снѣгъ. Умныя собаки только этого и ждали, спустя минуту, онѣ уже исчезли опять въ чащѣ...

До заката солнца промышленники пробродили по лѣсу совершенно безполезно, тѣмъ не менѣе истекшій день нельзя было назвать неудачнымъ. Убитый соболь былъ изъ лучшихъ и вполнѣ вознаградилъ партію за тяжелое дневное шатаніе по тайгѣ. Надо помнить,

что ходзенъ-промышленникъ считаетъ звѣрованье очень удачнымъ, если ему удастся добыть, въ теченіе четырехъ-мѣсячнаго промысла, отъ пятнадцати до двадцати штукъ соболей. Охотники вернулись въ шалашъ до нельзя измученные и голодные. Въ то время, какъ Хуашу съ Хоадзо готовили незатѣйливый ужинъ, Цацымъ пошелъ въ свою импровизированную молельню отблагодарилъ бурхановъ за посланную добычу. Щедро смазавъ варенымъ просомъ идоловъ и плеснувъ въ нихъ ханшиномъ, Цацымъ повелъ къ нимъ слѣдующую рѣчь:

— Спасибо вамъ, что старика не забыли и добычку хорошую послали ему. Смотрите, и впредь не забывайте, а Цацымъ ужъ васъ тоже не забудетъ... Цацымъ щедрый, Цацымъ добрый — ни проса не пожалѣетъ для васъ, ни ханшина!

VI.

Прошло около мѣсяца. Наступили сильные морозы. Цацымъ съ Хуашу уже набили до пятнадцати штукъ соболей. Кромѣ того раза три случилось имъ подстрѣлить изубровъ, что дало возможность замѣнить неизмѣнную юколу свѣжимъ мясомъ. Въ теченіе цѣлаго истекшаго мѣсяца не выпало ни одной снѣжинки. Все время небо было совершенно ясное, прекраснаго голубого цвѣта. Промышленники проводили дни въ высшей степени однообразно: съ разсвѣтомъ уходили на звѣрованье, съ закатомъ солнца возвращались, наскоро ѣли и спѣшили завалиться спать. Охота шла вполнѣ благополучно. Ни одна изъ собакъ не нарвалась еще на тигра, да и сами промышленники избѣгали непріятныхъ встрѣчъ съ хищными звѣрями...

Прошло еще недѣли двѣ. Наступилъ январь мѣсяцъ. Небо заволокло свинцовыми тучами, и повалилъ снѣгъ. То онъ валилъ тяжелыми хлопьями, то сыпалъ мелкою пылью, то падалъ въ видѣ причудливыхъ звѣздочекъ, самой разнообразной формы и величины. При этомъ въ

воздухѣ стояла необычайная тишина. Снѣгъ падалъ совершенно вертикально, при мертвомъ штилѣ. Снѣгъ шелъ непрерывно въ теченіе цѣлой недѣли. Лѣсъ сталъ неузнаваемъ. Всюду снѣгъ легъ ровнымъ, рыхлымъ слоемъ, аршина въ два толщиной. Вѣтви деревьевъ ломились подъ страшною тяжестью облѣпившихъ ихъ хлопьевъ снѣга и безшумно падали на мягкую снѣжную подстилку. Охота на соболей съ собаками оказалась невозможною. Рыхлый снѣгъ не выдерживалъ ихъ тяжести, и онѣ постоянно погружались въ него съ головой. Благодаря этому обстоятельству, соболь всегда успѣвалъ уходить отъ преслѣдованія собакъ, прыгая съ дерева на дерево. Въ виду всего этого, Цацымъ поневолѣ прекратилъ охоту на соболей съ собаками и принужденъ былъ промышлять дорогихъ звѣрковъ инымъ путемъ. Хорошо зная всѣ ихъ привычки, онъ устроилъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько слопцовъ [1]). Хуашу, кромѣ того, насторожилъ на соболиныхъ тропахъ луки. Съ этого времени жизнь промышленниковъ потекла еще однообразнѣе и скучнѣе. Сутки за сутками проходили въ полномъ бездѣльи. Охотники почти не выходили изъ шалаша и проводили время только въ ѣдѣ и снѣ. Разъ въ сутки, поочереди, обходили они слопцы и настороженные луки, осматривали ихъ, забирали убитыхъ соболей и возвращались въ шалашъ предаваться болѣзненному, тяжелому сну. И такъ изо дня въ день въ теченіе цѣлаго мѣсяца!.. Изрѣдка только ходили всѣ втроемъ на охоту за козами и изубрами, такъ какъ запасъ юколы давно уже вышелъ. Такимъ образомъ промышленники кормились почти исключительно дичью, и ею-же кормили своихъ собакъ.

---

[1]) Соболь имѣетъ странную привычку пробѣгать непремѣнно по всѣмъ встрѣчнымъ колодамъ. Зная такое его обыкновеніе, охотники устраиваютъ на колодахъ особенныя проходныя загородки, въ которыхъ настораживаютъ бревна и кладутъ какую-нибудь приманку кусочекъ рыбы или мяса. Соболь, взбѣжавъ на колоду и схвативъ приманку, трогаетъ за приводъ бревна, которое падаетъ и давитъ звѣрька. Такой незамысловатый снарядъ называется «слопцомъ».

Наступилъ февраль мѣсяцъ. Подходило время возвращенія домой. Однажды Цацымъ пошелъ осматривать слопцы и настороженные луки. Осмотрѣвъ ближайшіе слопцы, онъ направился дальше, въ самую чащу дѣвственнаго лѣса. Внизу господствовала мертвая тишина; вверху гулялъ вѣтеръ и сердито качалъ пышныя вершины вѣковыхъ кедровъ. Вѣтеръ налеталъ откуда-то сердитыми, сильными порывами; изрѣдка проносился въ выси могучій вихрь; бѣшено срывалъ онъ съ вершинъ деревьевъ ихъ снѣжныя шапки и разметывалъ послѣднія въ воздухѣ на милліоны, сверкавшихъ на солнцѣ, звѣздочекъ... Столѣтніе колоссы негодуя грозно покачивали своими мохнатыми вершинами. Сверху долеталъ какой-то яростный, подавляющій душу рокотъ, доносились страшные вздохи разгнѣваннаго, потревоженнаго богатыря—лѣса...

Цацымъ бодро скользилъ на лыжахъ подъ низко нависшими вѣтвями величественныхъ кедровъ. Тропа была хорошо знакомая, избитая: онъ шелъ по ней чуть-ли не въ сотый разъ. Ружье Цацыма было заряжено, на всякій случай соболинымъ зарядомъ... Не доходя сажень ста до послѣдняго слопца, влѣво отъ тропы мелькнула длинная фигура большого соболя, быстро поднявшагося на огромный кедръ. Затрепетало охотничье сердце стараго Цацыма; не хотѣлось ему упустить богатую добычу, и онъ, незадумываясь, сошелъ со знакомой тропы влѣво. Соболь, замѣтивъ приближающагося промышленника, легко перепрыгнулъ на ближайшую ель, съ ели опять на другой кедръ, ловко скрываясь за толстыми стволами. Цацымъ упорно преслѣдовалъ проворнаго звѣрька, ловя моментъ подстрѣлить его... Онъ уже отошелъ отъ тропинки довольно далеко... Вдругъ соболь, взбѣжавъ на самую вершину гигантскаго кедра, на секунду открылъ свою острую мордочку... Цацымъ быстро приложился... Раздался громкій выстрѣлъ, и соболь, пораженный въ голову, полетѣлъ внизъ, перепрыгивая съ одной вѣтки на дру-

гую... Но вотъ звѣрекъ вдругъ зацѣпился за одинъ изъ суковъ и заманчиво повисъ въ трехъ саженяхъ отъ земли... Цацымъ даже выругался съ досады. Взлѣсть на дерево не представлялось никакой возможности. Самая первая вѣтвь была не менѣе какъ въ полутора саженяхъ отъ земли, при толщинѣ кедра болѣе двухъ обхватовъ. Какъ быть? Потерять дорогого звѣрька жалко, а достать невозможно. «Нечего пороха жалѣть», подумалъ Цацымъ. «Перебью сукъ пулей, и соболь мой». Не откладывая своего рѣшенія въ долгій ящикъ, Цацымъ быстро зарядилъ винтовку, приложился и выстрѣлилъ. Пуля пронзила сукъ и расщепила его болѣе чѣмъ на половину. Цацымъ даже улыбнулся отъ удовольствія и вновь зарядилъ ружье... Раздался второй выстрѣлъ, и соболь, вмѣстѣ съ перебитымъ сукомъ полетѣлъ въ снѣгъ. Только что протянулъ Цацымъ руку къ дорогой добычкѣ, снѣгъ, вдругъ, подъ его ногами заколыхался, поднялся горой и разметался невидимой силой въ разныя стороны! Едва успѣлъ промышленникъ отскочить назадъ, какъ передъ нимъ предсталъ огромный черный медвѣдь въ самой сильной степени ярости. Потревоженный выстрѣлами, хищникъ стремительно поднялся на заднія лапы и бросился на Цацыма съ свирѣпымъ рявканьемъ, похожимъ на какое-то дикое, безумное бормотанье... Охотникъ неожиданно оказался въ положеніи въ высшей степени затруднительномъ и опасномъ. Винтовка его была только что разряжена и зарядить ее уже не было времени: медвѣдь находился всего только въ пяти шагахъ и уже протягивалъ свои переднія лапы, со страшными когтями, чтобы схватить Цацыма за затылокъ и заворотить на лицо, пообыкновенію, скальпъ. Старый, безстрашный промышленникъ не растерялся. Стремительно ловко увернулся онъ отъ лапъ хищника и быстро скрылся за толстымъ стволомъ ближайшаго, огромнаго кедра. Медвѣдь, огорошенный неудачнымъ нападеніемъ, опустился на четвереньки въ какомъ-то дикомъ недоумѣніи, удивляясь, какимъ образомъ

могъ врагъ избѣгнуть его могучихъ лапъ. Впрочемъ, это недоумѣніе продолжалось всего только нѣсколько мгновеній. Яростно рванувъ передними лапами снѣгъ, хищникъ стремительно поднялся опять на дыбы и съ оглушительнымъ хриплымъ ревомъ вновь бросился на Цацыма. Глаза его были налиты кровью; пасть широко раскрыта; изо рта клубилась пѣна... Старый охотникъ не потерялъ присутствія духа и опять скрылся за кедромъ. Медвѣдь обнялъ толстый стволъ дерева передними лапами и началъ ловить Цацыма. Послѣдній находился въ положеніи крайне затруднительномъ. Не имѣя возможности зарядить ружье, онъ думалъ хоть обрубить лапы хищника ножемъ, но медвѣдь не спускалъ съ охотника налитыхъ кровью глазъ и предугадывалъ каждое его намѣреніе. Только что Цацымъ замахивался ножемъ, хищникъ быстро отнималъ отъ дерева лапы и начиналъ кружиться вокругъ ствола, съ цѣлью догнать промышленника. При этомъ, видя безуспѣшность подобнаго бѣганья, онъ пускался на хитрости. Побѣжитъ налѣво и вдругъ разомъ бросится вправо. Но Цацымъ не дремалъ и зорко слѣдилъ за каждымъ движеніемъ разсвирѣпѣвшаго хищника...

Прошелъ томительный часъ, другой, а медвѣдь все продолжалъ, съ небольшими передышками, бѣгать вокругъ дерева за промышленникомъ. Послѣдній сталъ уже изнемогать, а зарядить ружья еще не удалось. Хищникъ слѣдилъ за малѣйшимъ движеніемъ охотника и каждый разъ, какъ только замѣчалъ, что послѣдній подноситъ руку къ рогу съ порохомъ, стремительно нападалъ и заставлялъ думать только о бѣгствѣ... Но вотъ медвѣдю наконецъ надоѣло безцѣльное бѣганье вокругъ дерева и онъ рѣшился на новый, хитрый маневръ. Осторожно отпятившись и не спуская, въ то-же время, глазъ съ врага, хищникъ вырвалъ изъ снѣгу, лежавшую невдалекѣ, колоду и положилъ ее возлѣ кедра такъ, чтобы Цацымъ не могъ свободно бѣгать вокругъ дерева. Такъ же быстро и, осторожно хищникъ

схватилъ нѣсколько, подломившихся подъ тяжестью снѣга, вѣтвей и положилъ ихъ сверхъ колоды, соорудивъ такимъ образомъ нѣчто въ родѣ баррикады. Цацымъ зорко слѣдилъ за инженерной работой своего врага и ждалъ, что будетъ дальше. Медвѣдь, устроивъ заслонъ, началъ опять бѣгать вокругъ дерева. Охотникъ не зѣвалъ. Прыгая черезъ искусно устроенную баррикаду, онъ, въ то-же время, старался разбросать ее. Медвѣдь вновь складывалъ заслонъ и опять начиналъ бѣгать, но и въ данномъ случаѣ такъ-же безуспѣшно. Между тѣмъ стало темнѣть. Хищникъ повидимому, умаялся не меньше Цацыма и рѣшился отдохнуть. Прилегши на снѣгъ, въ двухъ шагахъ отъ кедра, онъ положилъ морду на лапы и упорно уставилъ на Цацыма свои, налитые кровью, глаза. Цацымъ стоялъ за деревомъ, не смѣя двинуть рукой. При каждомъ его движеніи, при каждомъ его поползновеніи зарядить ружье, медвѣдь бросался на него стрѣлой и заставлялъ опять кружиться вокругъ дерева...

Цацымъ не терялъ бодрости и хладнокровія. Онъ хорошо сознавалъ, что только при полномъ сохраненіи того и другого возможна еще нѣкоторая надежда на спасеніе. Между тѣмъ темнѣло все больше и больше. Цацымъ хорошо понималъ, что, съ наступленіемъ ночи, онъ пропалъ, такъ какъ ему было-бы невозможно тогда слѣдить за движеніями хищника. Надо было что нибудь предпринять, не ожидая заката солнца. Цацымъ наконецъ, рѣшился на послѣднее средство. Осторожно приставивъ винтовку къ стволу кедра, онъ началъ правой рукой насыпать въ стволъ ружья порохъ, при чемъ лѣвую, видимую медвѣдю, половину своего тѣла сохранялъ въ полной неподвижности. Медвѣдь не замѣтилъ хитраго маневра охотника и продолжалъ упорно смотрѣть въ глаза Цацыма. Послѣдній, насыпавъ изъ рогу пороху безъ мѣры, опустилъ въ дуло двѣ пули. О пыжахъ нельзя было и думать. Оставалось самое главное— одѣть на капсюль пистонъ. Цацымъ быстро взялъ

ружье и поднялъ курокъ. Медвѣдь встрепенулся и бросился на охотника. Началось опять безумное, отчаянное бѣганье вокругъ дерева. На бѣгу Цацыму удалось одѣть пистонъ и съ этого момента онъ былъ уже убѣжденъ въ счастливомъ выходѣ изъ затруднительнаго положенія. Спустя нѣсколько минутъ безполезнаго бѣганья, хищникъ опять улегся. Казалось, онъ твердо рѣшилъ извести охотника. Цацымъ только этого и ждалъ. Осторожно поставивъ, благодаря наступившей темнотѣ, винтовку на сошки, онъ началъ незамѣтно наклоняться къ прикладу. Хищникъ тѣмъ не менѣе замѣтилъ подозрительное движеніе охотника и, поднявшись на дыбы, стремительно бросился на него съ страшнымъ рявканьемъ... Раздался необыкновенно громкій выстрѣлъ, и, одновременно, медвѣдь и человѣкъ рухнулись на снѣгъ... Черезъ нѣсколько секундъ одинъ изъ бойцовъ поднялся: это былъ Цацымъ, опаленный, ошеломленный и окровавленный. Въ двухъ шагахъ отъ него корчился въ снѣгу, смертельно раненый, хищникъ; судорожно обхвативъ передними лапами, имъ-же положенный пень, онъ бился въ страшной, предсмертной агоніи. Голова его представляла безобразную смѣсь раздробленныхъ костей, крови, мяса и мозговъ... Цацымъ отдѣлался очень легко: разрывомъ винтовки ему только оторвало на лѣвой рукѣ большой палецъ и повредило правое ухо...

VII.

Не успѣлъ замолкнуть въ воздухѣ грохотъ страшнаго выстрѣла, какъ вдали послышался другой выстрѣлъ и призывной, ободряющій крикъ.

— Меня ищутъ—на выручку идутъ, усмѣхнулся Цацымъ, натирая пораненную руку порохомъ. И онъ, сколько хватило силъ, отвѣтилъ торжествующимъ крикомъ... Черезъ полчаса охотники сошлись. Хоадзо съ радостнымъ восклицаніемъ бросился къ отцу.

— Ахъ, ама, (отецъ) ты живъ!.. А мы думали, что тебя звѣрь заѣлъ, проговорилъ онъ сквозь слезы.

— Глупый, развѣ ты не знаешь, что всякій звѣрь поломаетъ свои зубы на старомъ, сухомъ тѣлѣ твоего отца, пошутилъ Цацымъ.—Посмотри, какого славнаго звѣря свалилъ, добавилъ онъ, показывая на громадную тушу чернаго медвѣдя, рѣзко выдѣлявшуюся на бѣломъ снѣгу.

— Эй, Хуашу, полно тебѣ глазища-то на меня пялить обратился Цацымъ къ молодому охотнику. — Поди, снимай шкуру—самъ не могу: видишь палецъ выстрѣломъ оторвало...

Хуашу молча опустился передъ убитымъ медвѣдемъ на колѣни, вытащилъ ножъ и, несмотря на темноту, ловко сталъ снимать съ хищника шубу.

— Славный звѣрь! пробормоталъ онъ, распарывая брюхо медвѣдю.

— Славный-то славный, да дорогъ! съ горечью проговорилъ Цацымъ—Видишь, потерялъ ружье! И онъ поднялъ со снѣга свою винтовку или, вѣрнѣе сказать, только одинъ прикладъ: ствола не существовало. Хуашу такъ былъ пораженъ потерею лучшей винтовки цѣлаго округа, что не нашелъ даже словъ, чтобы выразить старому охотнику свое глубокое, искреннее сожалѣніе, по поводу такого рокового обстоятельства: онъ только щелкнулъ языкомъ, крякнулъ и съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой.

— Ужъ лучше бы „онъ“ у меня ребро вывернулъ, руку перешибъ, да только бы ружье цѣло осталось, началъ причитать Цацымъ, съ грустью разсматривая почернѣвшій прикладъ винтовки.—Лучше бы „онъ“ у меня кусокъ мяса вырвалъ, глазъ выворотилъ, кожу со всей спины содралъ!.. Э-эхъ!.. И Цацымъ незамѣтно смахнулъ, набѣжавшую на глаза слезу...

— Эй, Хоадзо! крикнулъ онъ черезъ минуту своему сыну, встряхнувъ головой, какъ бы отгоняя тяжелую, неотвязчивую мысль:—Хоадзо, давай поможемъ Хуашу, да и гайда въ шалашъ... Не забудь захватить съ собою соболя!..

Снявши съ медвѣдя шкуру и распластавши его, охотники побрели въ шалашъ, въ который прибыли уже около полуночи, въ высшей степени измученные физически и морально... Несмотря на позднее время, Цацымъ, прежде чѣмъ лечь спать, пошелъ къ своимъ бурханамъ возблагодарить за чудное спасеніе.

— Вотъ вамъ, жрите на здоровье, проговорилъ Цацымъ, вѣшая на сукъ, предъ бурханами, добрый кусокъ медвѣжатины.—Спасибо, что выручили изъ бѣды, да добычку хорошую послали... Только одно нехорошо, что ружье потерялъ... Амбà (злой духъ) подшутилъ надо мною, а вы, видно спали въ это время и не досмотрѣли, добавилъ онъ съ упрекомъ...

Прочитавъ бурханамъ приличное случаю правоученіе, старый охотникъ возвратился въ шалашъ... Черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже крѣпко спалъ рядомъ съ товарищами...

Прошла еще недѣля, и промышленники стали собираться домой. Нагрузили норты собольими шкурками медвѣжьей шубой, забрали бурхановъ и поплелись по глубокому снѣгу къ родной деревнѣ... Черезъ три дня благополучнаго пути, небольшая партія промышленниковъ въѣзжала въ Нучь-Ауа. Жадный Шань-Ляй уже былъ въ деревнѣ и ждалъ возвращенія охотниковъ на соболей. Какъ голодный волкъ, бросился онъ на встрѣчу промышленникамъ и съ жадностью прошамкалъ своимъ беззубымъ ртомъ:

— Ну, какова добычка?... Много ли послали вамъ бурханы соболей.

— Много то много, да намъ оттого пользы мало, грустно отвѣтилъ Цацымъ.—Вотъ и шубу медвѣжью привезъ, добавилъ онъ, мотнувъ головой по направленію своей норты.

— Ну, давай живѣй, давай живѣй!.. Выкладывай свой товаръ, выкладывай! съ какою то лихорадочною поспѣшностью шамкалъ Шань-Ляй, какъ бы опасался, что кто нибудь отобьетъ у него выгодное дѣло.

– Ну, не копайся, пошевеливайся!.. Развязывай, развязывай скорѣй, торопилъ Шань-Ляй и самъ, наконецъ, бросился вскрывать привезенную промышленниками добычу. Руки его дрожали отъ нетерпѣнія; тѣмъ не менѣе его кривые пальцы работали съ необычайною быстротою и ловко распутывали обмотанную вокругъ норты веревку.

— Эй, Хуашу, а ты что стоишь!?.. Чего глаза выпятилъ!?.. Развязывай свою норту и выкладывай шкурки живѣй! крикнулъ Шань-Ляй молодому охотнику, о чемъ-то замечтавшемуся. Хуашу вздрогнулъ, тяжело вздохнулъ и медленно началъ исполнять приказаніе хищника-купца. Черезъ минуту норты были уже разгружены... Еще не удалось промышленникамъ поздороваться съ родными, какъ весь ихъ зимній, тяжелый заработокъ перешелъ въ широкіе, бездонные, мѣшки китайца-торгаша. Посреди улицы, Шань-Ляй свелъ окончательные счеты, подвелъ итоги и, въ результатѣ оказалось, что какъ Цацымъ, такъ и Хуашу очутились еще въ болѣе неоплатныхъ долгахъ, чѣмъ были до отъѣзда на промыселъ. Первый моментъ охотникамъ показалось это обстоятельство очень невѣроятнымъ, но когда Шань-Ляй высчиталъ по пальцамъ, что онъ привезъ имъ въ теченіе зимы, то они должны были убѣдиться, что счетъ совершенно вѣренъ. Правда, Шань-Ляй поставилъ за всѣ доставленные имъ продукты баснословно высокія цѣны, а соболи шкурки оцѣнилъ чрезвычайно низко, но тому и другому обстоятельству онъ подыскалъ вполнѣ достовѣрное объясненіе, и промышленники не смѣли прекословить, тѣмъ болѣе не смѣли, что это прекословіе могло бы повлечь за собой непріятныя послѣдствія. Цацымъ и Хуашу слишкомъ тѣсно были связаны съ китайцемъ, были закабалены имъ и опасались своимъ прекословіемъ навлечь на себя гнѣвъ гнуснаго вампира-кулака.

Съ пустой нортой въѣхалъ Хуашу во дворъ своей фаньцзи. Хизе выбѣжала на встрѣчу мужу съ сыномъ

на рукахъ. Крѣпко поцѣловалъ Хуашу, взялъ на руки сына и вошелъ въ фаньцзу.

— Много набилъ соболей? полюбопытствовала Хизе.

— Двадцать пять штукъ, хорошіе всѣ, просто заглядѣнье, началъ хвастаться Хуашу.—Такіе соболи, что множество денегъ за нихъ получить можно: пышные, нѣкоторые съ сѣдиной, крупные... Куплю я тебѣ, Хизе, хорошей дабы на халатъ, себѣ что нибудь... Да заживемъ!.. Хорошая добычка, отличная...

Хуашу увлекся и, на время, даже забылъ, что соболей уже нѣтъ, и что они уже полная, неотъемлемая собственность Шань-Ляя.

— Покажи-ка твоихъ соболей, попросила Хизе.

— Отчего не показать—сейчасъ покажу, проговорилъ Хуашу и направился къ дверямъ фаньцзи. Тутъ только онъ вспомнилъ, что соболей уже отобралъ Шань-Ляй, а норта стоитъ на дворѣ совершенно пустая.

— Да, вѣдь я соболей уже продалъ Шань-Ляю, пробормоталъ молодой ходзенъ и грустно вернулся къ женѣ.

— Не продалъ, а долгъ заплатилъ, съ тяжелымъ вздохомъ поправила Хизе...

Хуашу молча закурилъ трубку, понурилъ голову и задумался... Цѣлую зиму промаялся онъ въ тайгѣ, вдали отъ семьи, рисковалъ своею жизнь, вынесъ много невзгодъ, жилъ хуже всякаго звѣря, и, въ результатѣ, эта тяжелая жизнь дала неоплатный долгъ. Мечты его не осуществились. Думалъ купить женѣ дабы на новый халатъ, кое-какія бездѣлушки сыну, а тутъ Шань-Ляй насчиталъ за привезенные имъ соль, просо, порохъ и свинецъ такую кучу денегъ, что Хуашу и счетъ въ нихъ потерялъ. До халата-ли тутъ!?.. А, можетъ быть, Шань-Ляй въ долгъ привезетъ: и дабу, и бездѣлушки для сына?.. Хуашу даже повеселѣлъ отъ этого предположенія...

Конечно привезетъ... Шань-Ляй дѣло свое хорошо знаетъ: если закабаливать, то ужъ закабаливать...

СКИТАЛЕЦЪ.

(Изъ сибирскихъ воспоминаній).

I.

Многіе изъ товарищей, бывшихъ со мною въ южныхъ частяхъ Восточной Сибири, вѣроятно помнятъ таинственнаго, сорокалѣтняго мужчину блѣднаго, изнуреннаго, угрюмаго, который нигдѣ не могъ согрѣть угла и безцѣльно скитался по необъятной Сибири: то онъ жилъ въ деревнѣ, то въ городѣ, то блуждалъ среди безлюдныхъ степей Саянскихъ или въ таинственной тайгѣ Уссурійскаго края; его встрѣчали въ холодныхъ пустыняхъ Туруханска, на золотыхъ пріискахъ рѣки Зеи, наконецъ на китайской границѣ, за тысячи верстъ отъ родного города. Онъ бродилъ по Сибири, какъ вѣчный жидъ, ища душевнаго покоя и не находя его, тщетно надѣясь сбросить съ сердца какую-то таинственную, гнетущую тяжесть. Вездѣ ему было скверно, тяжко и грустно. Нигдѣ онъ не могъ прожить болѣе недѣли. Какой-то невѣдомый призракъ преслѣдовалъ его, и безпощадно гналъ съ мѣста на мѣсто, съ одной окраины обширной Сибири на другую. Характеръ у него былъ ласковый и тихій, но съ какимъ-то оттѣнкомъ та

инственности и скрытности, что не возбуждало къ себѣ симпатіи окружающихъ. Не постигая подобнаго душевнаго состоянія, сочиняли разныя догадки въ большинствѣ случаевъ далеко не въ его пользу. Что касается меня, то я старался стоять внѣ сплетенъ, живо сочувствуя горю вѣчнаго скитальца. Съ первой минуты нашего знакомства, я почувствовалъ къ нему искреннее расположеніе, инстинктивно отгадавъ, что въ тайникахъ его сердца скрывается какое-то неизлѣчимое, тяжкое страданіе...

Алексѣй Кузьмичъ Старцевъ (такъ звали скитальца) былъ единственнымъ сыномъ богатаго иркутскаго купца. Послѣ смерти отца и жены, онъ неожиданно прекратилъ прекрасно веденную торговлю, бросилъ дѣла и отправился путешествовать. Старцевъ посѣтилъ Францію, Германію, Италію, Алжиръ и Тунисъ. Желая въ своихъ разнообразныхъ странствованіяхъ позабыть прошлое и избавиться отъ гнетущей тоски, онъ побывалъ даже въ центральной Африкѣ; но зловѣщій призракъ минувшаго неотступно слѣдовалъ за нимъ, терзая и безпокоя его съ настойчивою безпощадностью. Старцевъ возвратился домой еще болѣе разочарованнымъ, болѣе печальнымъ, чѣмъ былъ. Очутившись опять въ родной Сибири, онъ сталъ блуждать по неизмѣримымъ сѣвернымъ тундрамъ, углублялся въ таинственную тайгу, былъ на берегахъ Ледовитаго океана, но, въ концѣ концовъ, все это опять ему надоѣло, опротивило. Прибывъ въ Таштыпъ на границу Монголіи, онъ рѣшился отдохнуть здѣсь немного дольше. Въ Таштыпѣ мы и познакомились. Въ первое время, Старцевъ былъ скрытнымъ, подозрительнымъ, неразговорчивымъ, но, по прошествіи нѣсколькихъ дней, сдѣлался болѣе сообщительнымъ. Онъ уже не избѣгалъ моего общества и даже, хотя очень рѣдко, оживлялся въ разговорѣ. Говорилъ тогда много обо всемъ, исключая себя, вспоминалъ видѣнное, во время долгихъ своихъ странствованій, трактовалъ о политикѣ, торговлѣ, промышленности, выказывая при этомъ большую начи-

танность и солидное развитіе. Несмотря на все оживленіе, изрѣдка охватывавшее Старцева во время нашихъ бесѣдъ, улыбка не появлялась на его блѣдныхъ, сухихъ губахъ; исхудалое, страдальческое лицо его было постоянно омрачено какою-то затаенною грустью. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, видѣвшихъ у меня Алексѣя Кузьмича, пришли къ заключенію, что причина его постоянной грусти и тяжелаго душевнаго состоянія гнѣздилась со смерти отца и любимой жены. Я, имѣя возможность короче познакомиться со Старцевымъ, не могъ согласиться съ предположеніями товарищей. Изъ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, неопредѣленныхъ выраженій, общихъ заключеній, я могъ сдѣлать выводъ, что умершая жена, память которой Старцевъ чтилъ и уважалъ, не могла возбудить въ его сердце сладкаго чувства полной любви. Извѣстно, что самое тяжелое горе, вызванное потерей дорогихъ сердцу лицъ, постепенно затирается временемъ, оставляя послѣ себя только печальныя, но не лишенныя вѣры въ будущность, воспоминанія. Въ душѣ же Старцева всѣ надежды на лучшую жизнь были уничтожены и разбиты; остались только грустное разочарованіе, полная апатія ко всему окружающему и неотразимое отчаяніе. Такое состояніе души могло происходить, по моему мнѣнію, или отъ несчастной любви, или... упрековъ совѣсти. Согласовались-ли мои предположенія съ истиной, покажетъ продолженіе разсказа.

II.

Тому, кто видѣлъ Старцева, не нужно было особенной проницательности, чтобы замѣтить, что этотъ исковерканный жизнью человѣкъ носилъ въ себѣ зародышъ неизлѣчимой болѣзни. Онъ угасалъ на нашихъ глазахъ медленно, но постоянно; съ каждымъ убѣгающимъ днемъ усиливался его внутренній недугъ. Однажды, когда я осторожно замѣтилъ ему о необходимости об-

ратить вниманіе на свое здоровье, онъ только грустно улыбнулся и взглянулъ на небо. Улыбка эта и взглядъ показывали ясно, что, хорошо понимая свое состояніе, онъ радовался, быстро приближавшемуся концу своихъ страданій. Не смотря на такое равнодушіе къ жизни, я считалъ себя обязаннымъ поискать помощи и совѣта у прибывшаго на короткое время въ Таштыпъ окружнаго врача изъ Минусинска. Видя мою заботливость, Старцевъ поблагодарилъ меня пожатіемъ руки и грустно проговорилъ:

— Все это напрасно!.. Дни мои сочтены, и часъ моего освобожденія приближается...

Приглашенный мною къ Алексѣю Кузьмичу, почтенный докторъ Малининъ, осмотрѣвъ больного и прописавъ какое-то ничтожное лѣкарство, вышелъ со мною изъ комнаты и дружески объявилъ, что Старцевъ безнадеженъ и неизлѣчимъ.

— У Алексѣя Кузьмича не тѣло, а душа страдаетъ, но для такихъ болѣзней медицина не имѣетъ средствъ, проговорилъ Малининъ, прощаясь со мной.

Въ виду подобнаго положительнаго заключенія, не оставалось ничего больше, какъ только приложить всѣ старанія къ тому, чтобы облегчить послѣднія минуты, быстро угасавшей, жизни: я такъ и сдѣлалъ. Старцевъ видя мои старанія обнаружилъ ко мнѣ искреннюю благодарность. Я замѣчалъ нѣсколько разъ, что онъ желаетъ что-то передать мнѣ, но скрытность характера и застарѣлое недовѣріе къ людямъ удерживали его отъ прилива внезапной откровенности. Онъ точно совѣстился познакомить посторонняго съ источникомъ своихъ душевныхъ страданій и, въ то же время, страстно жаждалъ подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ тяжкимъ, неотразимымъ горемъ. Наконецъ, эта нерѣшительность была побѣждена моею внимательностью и сердечнымъ расположеніемъ. Однажды, чувствуя себя нѣсколько лучше, Старцевъ сказалъ мнѣ:

— Можетъ быть, ты удивляешься, мой дорогой опекунъ и другъ, что до сихъ поръ, несмотря на безгра-

ничное твое ко мнѣ сочувствіе, я не могъ отблагодарить тебя довѣріемъ... Не удивляйся и, вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбляйся моею скрытностью... Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что тѣ, которые много страдали въ жизни, стараются прятать свои мученія въ самыхъ потаенныхъ уголкахъ сердца, не имѣя смѣлости обнажить ихъ передъ равнодушной толпой. Ты первый, къ которому, послѣ испытанныхъ ударовъ судьбы, я почувствовалъ истинную дружбу и привязанность. Ты выказалъ мнѣ такую безграничную симпатію, что я рѣшаюсь познакомить тебя съ моими страданіями... Можетъ быть, это облегчитъ меня. Сознаюсь, что факты моей печальной жизни не изобилуютъ необыкновенными случаями и происшествіями; они очень просты, естественны, даже почти прозаичны; но въ нихъ таится страшная, житейская драма... Страданія меня убивающія исходятъ отъ безнадежной любви и отъ... неотразимыхъ угрызеній совѣсти...

Отецъ мой былъ богатѣйшимъ купцомъ въ Иркутскѣ; онъ имѣлъ огромные склады товаровъ въ разныхъ городахъ Сибири, велъ крупную транзитную торговлю чаемъ, имѣлъ своихъ агентовъ по всей Россіи. Его воспитаніе ограничивалось элементарной школой, но, тѣмъ не менѣе, онъ умѣлъ цѣнить образованіе въ другихъ и потому отдалъ меня въ гимназію, по окончаніи курса которой послалъ въ С.-Петербургскій университетъ. Я былъ еще очень юнымъ, когда вернулся домой со степенью кандидата. Мой отецъ, по принятому обычаю у купцовъ, уже нашелъ для меня подругу жизни, не считая нужнымъ спросить моего мнѣнія. Подобные браки до того обыкновенны въ нашемъ кругу, что, я какъ и много другихъ, приступилъ къ вѣнцу равнодушно, не безъ желанія, но безъ радости, уступая условіямъ нашей общественной жизни. Моя жена, дочь богатаго золотопромышленника, была юнымъ созданіемъ, полнымъ свѣжести и красоты, но безъ всякаго воспитанія и образованія. Какой имѣла характеръ и любила-ли меня—

я не могъ узнать, потому что, спустя два мѣсяца послѣ свадьбы, мой отецъ, опасаясь неустойки въ своихъ дѣлахъ, благодаря недобросовѣстности одного изъ петербургскихъ банкировъ, приказалъ мнѣ отправиться въ столицу, изслѣдовать суть дѣла и доглядѣть за его окончаніемъ. Какъ ни горько мнѣ было разставаться съ молодой, красивой женой,—я исполнилъ волю отца. Получивъ рекомендательное письмо къ нашему компаньону, я обнялъ обливающуюся слезами Ольгу и пустился въ далекій путь...

III.

Многіе изъ васъ знаютъ длинную, мучительную, однообразную дорогу изъ Иркутска въ Петербургъ, продолжалъ Старцевъ свой разсказъ, послѣ короткаго перерыва. Одна безконечная линія прорѣзываетъ степи, густыя тайги, лѣсныя трущобы и тянется все дальше и дальше... Тройка мчитъ васъ отъ станціи къ станціи; колокольчики издаютъ свой унылый звукъ; ямщики, крича, ободряютъ лошадей, которыя мчатся въ карьеръ, а путешественникъ, изнуренный, наполовину омертвѣлый, впадаетъ въ то странное состояніе, которое обладаетъ всѣми признаками полнаго безсилія... Въ первые дни моего путешествія я грустилъ, мечталъ о розовыхъ щечкахъ моей жены, предугадывалъ ея слезы считалъ вздохи, проклиналъ въ душѣ обстоятельства, заставившія меня покинуть молодую красавицу-жену и мчаться по ухабистой, сибирской дорогѣ. Но постепенно, незамѣтно, впечатлѣнія эти начали ослабѣвать, затираться и пропадать. Дѣйствительно, трудно мечтать, когда сорокаградусный морозъ сковываетъ мозгъ, постоянное брянанье колокольчиковъ разстраиваетъ нервы, а усталость смеживаетъ отяжелѣвшія вѣки. Я не доѣхалъ еще до Томска, какъ апатичное состояніе обезсилило всякіе порывы сердца. По временамъ иногда мелькалъ въ воображеніи очаровательный образъ жены, но, затума-

пенный сыплющимся снѣгомъ, быстро исчезалъ. Въ Тобольскѣ видѣнія эти окончательно оставили меня: далѣе, за Пермью, я уже не чувствовалъ ничего. Я пересталъ совсѣмъ думать, мечтать; я былъ существомъ сонным, апатичнымъ, лишеннымъ воли... Не помню даже, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ очутился въ удобномъ помѣщеніи одной изъ лучшихъ гостинницъ на Невскомъ проспектѣ, нанятомъ мнѣ моимъ Иваномъ. Когда благодатное тепло согрѣло мои окоченѣвшіе члены, когда движеніе столицы охватило меня водоворотомъ своей общественной жизни, я проснулся отъ этой летаргіи, почувствовалъ усиленное движеніе крови... Я сталъ опять добрымъ, веселымъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, воспоминаніе о бѣлокурой Ольгѣ совсѣмъ исчезло: оно разсѣялось по частямъ, среди длинной, снѣговой линіи, называемой Иркутскимъ трактомъ...

Въ первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ, я пользовался, какъ ребенокъ, всѣми развлеченіями. Я вспомнилъ дорогое студенческое время, имѣющее всегда много очарованій для всякаго, кто уже оставилъ университетскую скамью. Я ревностно посѣщалъ театры, выставки, публичныя гулянья, народныя увеселенія, и все это было для меня источникомъ неописаннаго наслажденія и умственнаго очарованія. Иркутскъ такъ много разнится отъ Петербурга, что нельзя удивляться тому, что я испытывалъ въ столицѣ... Здѣсь движеніе, шумъ, жизнь—тамъ постоянная тишина и покой. Здѣсь люди чувствуютъ, мыслятъ, работаютъ, роятся тысячами-тысячъ — тамъ прозябаютъ, пропадаютъ, какъ атомы среди пространства безъ границъ и конца...

По прошествіи двухъ недѣль какого-то лихорадочнаго оживленія, наступилъ моментъ обдуманности и размышленія. Хоть стыдно, но долженъ сознаться, что этотъ поворотъ мысли на практическій путь былъ вызванъ только письмомъ, полученнымъ изъ Иркутска отъ отца, очень интересовавшагося, какъ идутъ его дѣла, что я сдѣлалъ и что остается сдѣлать. Отъ Ольги не было

приложено ни одной строчки: бѣдняжка не умѣла писать!.. Рѣшившись вознаградить потерянное время, я тотчасъ же отправился на квартиру Егора Варламова, компаньона отца, съ цѣлью предъявить рекомендательное письмо. Это былъ одинъ изъ богатѣйшихъ коммерсантовъ столицы; онъ жилъ въ роскошномъ собственномъ домѣ, на Большой Морской. Миновавъ различныя конторы, я былъ введенъ въ кабинетъ коммерсанта. Послѣдній сидѣлъ за столомъ и, медленно попивая чай, отдавалъ какія-то приказанія своимъ агентамъ, стоявшимъ въ почтительномъ отдаленіи. Я молча поклонился и подалъ ему отцовское письмо. Взглянувъ на подпись, онъ быстро всталъ, протянулъ мнѣ руки и сталъ душить меня въ своихъ здоровыхъ объятіяхъ...

— Ты будешь у меня другомъ, сыномъ, а не гостемъ, проговорилъ, наконецъ, Варламовъ, крѣпко цѣлуя меня въ обѣ щеки. Единственный наслѣдникъ моего благодѣтеля Кузьмы, которому я обязанъ состояніемъ, не долженъ быть чужимъ въ моемъ домѣ... Гдѣ ты остановился?..

Я сказалъ.

— Зачѣмъ ты остановился въ гостинницѣ!?.. Возможно-ли это!?.. закипятился почтенный коммерсантъ... Ну, другъ Алеша, я этого отъ тебя не ожидалъ... Эй, Осипъ, Иванъ, ступайте за вещами молодого барина и справляйтесь живо!.. отдалъ онъ приказаніе, не спросивъ даже меня, насколько будетъ мнѣ удобно остановиться въ его домѣ.

Затѣмъ онъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Поселишься у меня, мой другъ... Сейчасъ подадутъ обѣдъ...

— Не смѣю злоупотреблять... вздумалъ было я постоять за свою самостоятельность...

— Что, что такое!? перебилъ мою рѣчь добродушный Варламовъ. Твои нѣмецкія церемоніи мнѣ не нравятся... Мы не нѣмцы, а люди русскіе: что на сердцѣ, то и на языкѣ... Ѣшь, пей, приказывай и будь, какъ у себя дома... Нечего разсуждать—дѣло устроено. Пока

я покончу съ этими господами, ты познакомишься съ моею дочерью... Го, го, увидишь какая она у меня умница... Саша, а, Саша, поди къ отцу!

Едва успѣлъ онъ окликнуть дочь, какъ въ дверяхъ кабинета показалась прелестная дѣвушка, лѣтъ семнадцати, стройная, очаровательная, веселая, съ игривой, задорной улыбкой на пунцовыхъ губкахъ.

— Ты меня звалъ, папаша? спросила она мягкимъ, груднымъ голосомъ.

— Да, милая!.. Отдаю тебѣ подъ опеку сына моего лучшаго друга и благодѣтеля... Постарайся, чтобы онъ не скучалъ, чтобы ему было хорошо... Впрочемъ, тебѣ напоминать лишнее, плутовка!..

Молодая дѣвушка посмотрѣла на меня, и яркій румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Она была поразительно хороша!.. Я былъ ошеломленъ, очарованъ, ослѣпленъ!.. Ея большіе, черные глаза, обрамленные пышными, темными рѣсницами, блестѣли магнетическимъ огнемъ... Волшебная сила ея божественнаго взора оказала на меня неотразимое впечатлѣніе... Я чувствовалъ что-то непонятное, странное. Меня влекла къ этой дѣвушкѣ какая-то непреодолимая сила... Я положительно не могъ оторвать своихъ затуманенныхъ глазъ отъ ея восхитительной головки, обрамленной густыми волнами черныхъ кудрей... О, это былъ ангелъ, мгновенно овладѣвшій моимъ сердцемъ, душой, волей и разумомъ!.. Боже, Боже мой, какъ она была поразительно хороша!..

Алексѣй Кузьмичъ замолкъ. Закрывъ лицо руками, онъ предался тягостнымъ воспоминаніямъ. Я не смѣлъ тревожить его и молчалъ, терпѣливо ожидая продолженія трогательной исповѣди...

IV.

Не знаю, какъ долго глядѣлъ я на дѣвушку восторженнымъ взоромъ, не находя словъ для привѣтствія, продолжалъ Старцевъ, послѣ продолжительнаго раздумья.

Смущенный, безмолвный, я положительно не могъ дать себѣ яснаго отчета въ совершавшихся вокругъ меня обстоятельствахъ. Дочь Варламова, сжалившаяся, наконецъ, надъ моимъ положеніемъ, подошла ко мнѣ и, взявъ меня за руку, просто сказала:

— Пойдемъ въ гостиную... Отецъ скоро придетъ...

Эта искренняя, ни съ чѣмъ несравнимая, естественность дѣвушки, ея дѣтская наивность, произвели на меня неотразимое впечатлѣніе. Я былъ очарованъ, ослѣпленъ!.. Я очутился въ положеніи путника, долго блуждавшаго среди горячихъ песковъ пустыни и случайно наткнувшагося на роскошный оазисъ. Мнѣ не нужно было долгихъ наблюденій, чтобы замѣтить, что Саша получила старательное образованіе, которое, при наивной простотѣ дѣвушки, производило глубокое впечатлѣніе...

Часъ прошелъ, какъ одна минута. Увлекшись разговоромъ съ прелестной дѣвушкой, я и не замѣтилъ Варламова, стоявшаго позади насъ.

— Толкуйте, толкуйте, проговорилъ старикъ, поглаживая свою сѣдую бороду, а супъ стынетъ, пирожки пережариваются... Пойдемте къ столу, дѣти.

Не знаю почему, но послѣднее слово прозвучало для меня крайне пріятно.

— Говорю такъ, продолжалъ Варламовъ, указавъ мнѣ мѣсто возлѣ дочери и наливая себѣ объемистую рюмку анисовки, — потому что сына моего почтеннаго друга Старцева считаю своимъ сыномъ... Ты, Саша, помни объ этомъ: онъ твой нареченный братъ, и, для скрѣпленія вашей братской дружбы, поцѣлуйтесь.

Легкій румянецъ опять выступилъ на лицѣ моей сосѣдки. Привыкшая безпрекословно повиноваться отцу, она нагнула ко мнѣ свою головку, и я, дрожа отъ волненія, напечатлѣлъ на ея бѣлоснѣжномъ лбу горячій поцѣлуй. Я чувствовалъ, что этотъ случайный, неожиданный поцѣлуй не былъ залогомъ чистой, спо-

койной, братской привязанности, а заревомъ пылкаго, неотразимаго чувства первой любви...

Что могу сказать вамъ больше? Довольно того, что не кончился еще день, а уже мнѣ казалось, что я составляю частицу семейства, которое такъ сердечно приняло меня. Я чувствовалъ себя какъ дома; мнѣ было хорошо и спокойно...

Варламовъ на слѣдующій же день занялся со мною дѣлами отца, но они были такъ запутаны, что требовали спеціальной обработки и много времени.

— Знаешь что, сказалъ мнѣ Варламовъ, вернувшись отъ адвоката,—это дѣло не по тебѣ. Ты изнѣженный барчукъ, имѣешь умъ для книжныхъ мудрствованій. Я мужикъ и владѣю мужицкой хитростью и смекалкой, необходимыми при такихъ сложныхъ и запутанныхъ счетахъ. Эти ябедники съѣли бы тебя... Стараго же Варламова не съѣдятъ—за это ручаюсь... И такъ, сиди здѣсь, развлекайся, будь товарищемъ моей голубкѣ Сашѣ, а я за тебя поработаю.

— Но столько жертвъ, вздумалъ было я отклонить любезныя услуги старика.

— Какъ? Что? Опять тебѣ въ голову пришли жертвы?.. Я ничѣмъ не жертвую, даже временемъ, потому что у того же адвоката имѣю свои дѣла.

— Однако...

— Никакихъ „однако!..“ Варламовъ сказалъ, что сдѣлаетъ, и сдѣлаетъ, а ты сиди тихо, ежели не хочешь разсердить меня.

Долѣе сопротивляться было невозможно. Старикъ, благодаря упрямству, всегда умѣлъ поставить на своемъ. Откровенно признаться, въ душѣ я радовался услугамъ его... Прошла недѣля, и почтенный мой опекунъ сообщилъ мнѣ, что дѣла поставлены на хорошую дорогу; но при этомъ прибавилъ, что торопливость можетъ испортить все, а потому совѣтовалъ мнѣ быть терпѣливымъ. Въ послѣднемъ совѣтѣ, признаться, я и не нуждался. Съ каждымъ днемъ я все больше и больше

привязывался къ новой жизни, мирной, однообразной, но преисполненной неотразимаго очарованія и глубокой прелести. Казалось, что до сихъ поръ мое существованіе было лишено сердечной теплоты; первый разъ въ жизни я почувствовалъ юношескій жаръ, восхищеніе красотой, влеченіе къ свѣту и людямъ. Первый разъ я избавился отъ холодной апатіи, бывшей до сихъ поръ единственнымъ признакомъ моего характера... Я не разставался съ Сашей ни на минуту. Время не замѣтно проходило въ безконечныхъ бесѣдахъ. Она любила слушать мои разсказы о непроходимыхъ тайгахъ, о безграничныхъ степяхъ, о чудномъ сѣверномъ сіяніи. Часто, при описаніи патріархальной жизни сыновъ пустыни, она нашептывала: „о, я чувствую, что тамъ лучше, чѣмъ у насъ!..“ Впечатлительность ея была громадная. Она увлекалась моими разсказами какъ ребенокъ, приводя меня тѣмъ въ неописуемый восторгъ...

Пребываніе мое въ домѣ Варламова было, какъ бы однимъ долгимъ, пріятнымъ сномъ. О пробужденіи я не хотѣлъ и думать, предчувствуя и горечь, и страданія. Каждое извѣстіе о продолженіи срока окончанія отцовскихъ дѣлъ наполняло мое сердце радостью, хотя въ этомъ я не смѣлъ сознаться. Въ разговорахъ съ Сашей, мы касались всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ одного... Нельзя допустить чтобы Саша не знала, что я женатъ, такъ какъ это обстоятельство ни для кого не было тайной. Однако, она избѣгала даже намека на это... А я... я тяготился своими супружескими цѣпями, сковавшими мою волю. Когда, изрѣдка, являлась въ моей памяти жена, ожидающая моего возвращенія, я старался отстранить это воспоминаніе, какъ разрушающее гармонію чудныхъ видѣній...

V.

Однажды, мы сидѣли въ оранжереѣ, среди магноліи и камелій, храня глубокое молчаніе, Саша держала въ

рукахъ нѣсколько, только-что сорванныхъ камелій и укладывая ихъ въ букетъ. Я всматривался въ ея лицо ангельской красоты, не смѣя нарушить тишины.

— О чемъ мечтаешь? вдругъ спросила Саша, не отрывая глазъ отъ букета.

Съ перваго дня знакомства, исполняя волю ея отца, мы говорили на „ты", какъ братъ и сестра.

— Я размышляю о непрочности человѣческаго счастья, отвѣчалъ я, и думаю о будущемъ...

— Настроеніе очень философическое, но зачѣмъ заглядывать въ будущее, разъ существуетъ настоящее.

— Но вѣдь настоящее только моментъ...

— Ты правъ, прошептала Саша, опустивъ голову. По ея ясному лицу пробѣжала тучка грусти... Нельзя ли продлить желанные моменты, не доискиваясь этого несноснаго завтра? проговорила она послѣ краткаго раздумья.

— Продлить можно, но рано или поздно, придетъ же имъ конецъ.

Едва я выговорилъ эти слова, какъ на рѣсницахъ ея повисли слезы; тихо покатились онѣ по щекамъ и затерялись въ складкахъ платья.

— Я гадкая эгоистка, шепнула она, думаю только о себѣ, хорошо зная, что тамъ, далеко, вытаютъ твои мысли... Тебя тянетъ въ Иркутскъ чувство болѣе теплое, чѣмъ мое чувство дружбы...

— Тамъ мой отецъ...

— И кто-то еще...

Первый разъ, послѣ нашего знакомства, Саша напомнила мнѣ о моей женѣ. Страданіе, отразившееся на ея лицѣ, подсказало мнѣ ясно, что привязанность сестры, которою она старалась прикрыть свои чувства, была только игрой словъ. Я давно понялъ, что дѣлается въ моей душѣ, но молчалъ, боясь обнаружить мою преступную любовь... Теперь... я чувствовалъ взаимность, и эта страстно желанная взаимность привела меня вдругъ въ горестное смятеніе... Восторгъ взаимной любви

былъ поглощенъ тяжкимъ сознаніемъ, что мое счастье должно быть разбито въ самомъ зародышѣ. Въ первый моментъ, я желалъ броситься къ ногамъ горячо любимой дѣвушки, но разсудокъ остановилъ мой порывъ... Имѣлъ ли я право, обвѣнчанный съ другой, рабъ добровольно принятой присяги, признаться въ своей преступной страсти!? Могъ ли я отплатить за гостепріимство подобнымъ низкимъ, коварнымъ поступкомъ!.. Положеніе мое было ужасное... Послѣ короткой душевной борьбы, повинуясь логикѣ влюбленныхъ, я рѣшился успокоить дѣвушку, не выходя изъ роли друга и брата.

— Ты ошибаешься, дорогая Саша, сказалъ я ей, стараясь придать своему голосу должную твердость. Ты напрасно думаешь, что какое нибудь другое чувство, кромѣ привязанности къ осиротѣвшему отцу, можетъ заставить меня вернуться на родину.

— Однако, возразила она несмѣло, тамъ есть еще лицо, которое, во всякомъ случаѣ, интересуетъ тебя.

— Жена! воскликнулъ я, собравъ для произнесенія этого жгучаго слова, всю силу духа. Дорогая, ты не знаешь моей печальной жизни, если такъ судишь... Правда, я думаю о женѣ, но только какъ о тяжеломъ камнѣ, привязанномъ рукой Провидѣнія къ моему существу.

Саша смотрѣла на меня, и въ ея, подернутыхъ слезами глазахъ блеснули удовольствіе и радость.

— Ты ее не любишь? спросила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Любить ее!? произнесъ я едва слышно. И ты объ этомъ спрашиваешь?..

Я не смѣлъ докончить, но глаза мои досказали, остальное, чего я не могъ произнести.

Этой одной короткой минуты было черезчуръ достаточно, чтобы указать намъ пропасть, на краю которой мы находились. Высказать все, что таилось въ нашихъ сердцахъ, было бы шагомъ, ведущимъ къ гибели.

Саша, болѣе осторожная и осмотрительная, поспѣшила перемѣнить разговоръ, не удаляясь однако отъ прежней темы.

— Если ты чувствуешь себя несчастнымъ, подѣлись со мной своими страданіями: это облегчитъ тебя...

— Ты желаешь этого?..

— Да, если это можетъ успокоительно повліять на твое наболѣвшее сердце. Помни, что участіе друга всегда дѣйствуетъ благотворно.

— Ты права, сказалъ я, ты должна знать все... Когда тебѣ будутъ извѣстны всѣ факты моей жизни, ты не удивишься ни моему равнодушію къ той, съ которой соединила меня непреклонная воля моего отца, ни боязни, которая овладѣваетъ мною при одной мысли, что скоро будетъ необходимо вернуться въ Иркутскъ.

И я началъ ей разсказывать свою печальную исторію. Въ общихъ чертахъ она была вѣрна, но, подъ вліяніемъ овладѣвшаго моимъ сердцемъ чувства, я старался представить себя болѣе несчастнымъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Апатичное равнодушіе, съ какимъ я исполнилъ волю отца, вѣнчаясь на незнакомой дѣвушкѣ, возросло до героизма; обыкновенная сыновняя покорность стала вдругъ въ моихъ устахъ безмѣрной жертвой. Больше скажу: даже то, что составляло красу въ моемъ бракѣ, что естественное влеченіе къ молодой, красивой женщинѣ, какое я испытывалъ къ моей женѣ, я утаилъ отъ Саши, утаилъ съ эгоистическою цѣлью казаться несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ.

Саша слушала меня молча; только на ея прелестномъ лицѣ отражалось глубокое участіе къ несчастному другу. Когда я кончилъ, она взяла мою руку и крѣпко пожала ее.

— Бѣдный другъ! прошептала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

И невольно склонила свою голову на мое плечо. Почувствовавъ ея прикосновеніе, я вздрогнулъ; огонь пробѣжалъ по моимъ жиламъ и, не сознавая, что дѣ-

лаю, я горячо поцѣловалъ въ ея полураскрытыя губы... Одна изъ камелій, бывшихъ въ рукѣ дѣвушки, упала на мои колѣни. Я схватилъ этотъ цвѣтокъ и, страстно прижимая его къ груди, воскликнулъ:

— Пусть этотъ цвѣтокъ будетъ залогомъ нашей...

Тутъ я замялся, не смѣя досказать... Послѣ короткой душевной борьбы, чувство долга переспилило страсть, и я шепотомъ прибавилъ:

— Дружбы...

— Да, дружбы вѣчной, неразрывной! воскликнула Саша. Я тебя люблю... какъ брата... Можетъ быть, больше... едва слышно прибавила она.

Состояніе, въ какомъ мы находились, было однимъ изъ тѣхъ предѣловъ, за которыми часто разыгрывается драма жизни. Сердца наши шибко стучали, рука дѣвушки дрожала въ моей рукѣ; я наслаждался очарованіемъ, овладѣвшимъ всѣмъ моимъ существомъ... Вдругъ раздался громкій голосъ горничной Саши—Прасковьи:

— Алексѣй Кузьмичъ, Александра Егоровна, пожалуйте кушать: супъ на столѣ—папаша васъ ожидаетъ.

Мы встрепенулись отъ пріятнаго полусна и вернулись къ холодной, безцвѣтной дѣйствительности. Удаляясь, мы невольно взглянули назадъ. Эта бесѣдка, обвитая магноліями, была для насъ дорогимъ воспоминаніемъ: въ ней мы поняли всю силу нашей привязанности. Я оставилъ бесѣдку съ необъяснимымъ сожалѣніемъ: мнѣ хотѣлось бы не выходить изъ нея, умереть въ ней...

— Эхъ, дѣти, дѣти! добродушно встрѣтилъ насъ Варламовъ, сидѣвшій уже за столомъ. Нельзя забывать въ болтовнѣ, что уставшій старикъ ѣсть хочетъ... Да, шибко усталъ, и все бѣгавши по дѣлу моего почтеннаго друга Кузьмы. Ну, Алексѣй, такую я, братъ, фортель выкинулъ, что дѣло твое можно считать почти оконченнымъ...

При послѣднихъ словахъ Варламова, по моему тѣлу пробѣжала нервная дрожь. Я взглянулъ на Сашу и *замѣтилъ, что ея прелестное личико покрылось вдругъ смертельною блѣдностью.*

Старикъ, не замѣчая нашего смущенія, продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, много осталось еще коечего додѣлать, и я думаю, что Алексѣю придется прожить въ Петербургѣ еще недѣльки двѣ.

Это насъ немного успокоило. Впереди, насъ ожидало еще двѣ недѣли счастья, упоенья, а послѣ... Но лучше не думать о будущемъ!..

Время проходило, въ сладостной истомѣ взаимной любви быстро, незамѣтно. Мы любили молча сидѣть, безъ страстныхъ порывовъ, безъ сердечныхъ объясненій; наша любовь сдерживалась въ рамкахъ сознаніемъ долга, нарушить который никто изъ насъ не рѣшался...

Письма, получаемыя отъ отца, заставляли торопиться возвращеніемъ въ Иркутскъ. Въ каждомъ изъ нихъ старикъ спрашивалъ, какъ скоро окончится дѣло, не скрывая своего неудовольствія на мое долгое отсутствіе. О женѣ моей писалъ какими-то недомолвками, понять которыхъ я не могъ, да и не хотѣлъ. Кромѣ того въ его письмахъ просвѣчивалась какая-то затаенная печаль, странная, непонятная для меня. Я зналъ моего отца, какъ человѣка исключительно преданнаго своему торговому дѣлу и не поддающагося посторонниимъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ, его, повидимому мучила какая-то мысль, неимѣющая ничего общаго съ занятіями его обыденной жизни... Прикованный къ Петербургу силою любви, какъ Прометей къ скалѣ, я не спѣшилъ домой и не желалъ углубляться въ загадочные намеки отца. Я даже не говорилъ Сашѣ о получаемыхъ письмахъ, чтобы не напоминать о приближающейся разлукѣ...

VI.

Двѣ недѣли прошли, какъ одинъ день!.. Въ одно утро, когда мы сидѣли въ любимой нами бесѣдкѣ, среди тропическихъ растеній, къ намъ подошелъ Варламовъ, сіяющій и радостный.

— Ура! проговорилъ онъ, потирая руки. Побѣда за нами—дѣло выиграно и покончено. Пойдемъ, молодецъ, хватимъ по стаканчику шипучки!.. Право стоитъ спрыснуть столь счастливый оборотъ дѣла...

Если бы мой почтенный хозяинъ менѣе былъ занятъ этой новостью, то непремѣнно увидѣлъ бы, какъ она насъ поразила. Но онъ не обратилъ вниманія на наше смятеніе и весело продолжалъ:

— Это счастливое обстоятельство не должно, однако, вліять на твой скорый отъѣздъ. Крайности никакой нѣтъ, дома подождутъ, а для насъ было-бы грустно такъ скоро разстаться.

Я ухватился за эти слова, какъ за доску спасенія.

— Да, тѣмъ болѣе, что мнѣ необходимо исполнить еще нѣсколько порученій и окончить свое небольшое дѣло, поспѣшилъ я отвѣтить.

— Совершенно вѣрно, согласился добродушный старикъ, погости еще немного, а затѣмъ съ Богомъ въ Иркутскъ... А теперь пойдемъ вспрыснуть окончаніе юридическихъ хлопотъ.

Нужно-ли вамъ прибавлять, что, рѣшившись остаться, я не разсчитывалъ времени. Дни, недѣли шли своимъ чередомъ, а я, забывъ обязанности сына и мужа, жилъ только настоящимъ...

Однако, это безумство должно было имѣть свой конецъ. Развязка наступила быстро и неожиданно. Это было утромъ. Въ мою комнату вошла Прасковья, съ письмомъ въ рукѣ.

— Отъ кого!? спросилъ я порывисто и тревожно, какъ-бы предчувствуя, что письмо приноситъ печальныя для меня вѣсти.

— Принесъ почтальонъ, а какъ никого изъ прислуги не было внизу...

Не слушая болтовни Прасковьи, я выхватилъ письмо изъ рукъ дѣвушки, крайне удивленной моею внезапной раздражительностью. На конвертѣ разсмотрѣлъ штемпель Иркутска. Письмо было отъ отца, слѣдующаго содержанія:

„Алексѣй Кузьмичъ! Изъ газетъ, но не отъ тебя, я узналъ объ окончаніи моего дѣла. Предполагая, что сейчасъ вернешься, я не писалъ къ тебѣ; но, видя, что ты забылъ всѣ свои обязанности, я приказываю тебѣ, подъ страхомъ родительскаго проклятія, быть черезъ двадцать четыре часа, послѣ полученія этого письма, на обратномъ пути".

Прочитавъ это письмо, какъ сумасшедшій, сбѣжалъ внизъ. Я засталъ Сашу въ столовой съ отцомъ.

— Что такое случилось!.. Говори скорѣй, ради Бога! На тебѣ вѣдь лица нѣтъ!.. воскликнулъ старикъ, увидѣвъ меня.

Саша встала съ своего мѣста и съ ужасомъ смотрѣла на измѣнившіяся черты моего лица. Я машинально подалъ Варламову полученное письмо.

— Да!.. Благословеніе родительское — вещь святая! грозно сказалъ старикъ, пробѣгая глазами письмо. Ты долженъ ѣхать немедля!..

— Ѣхать!?.. Куда?.. простонала дѣвушка.

— Въ Иркутскъ... Отецъ его желаетъ того, приказываетъ!..

— Боже мой, Боже! крикнула съ отчаяніемъ Саша, страшно поблѣднѣвъ. Вдругъ она пошатнулась и упала въ обморокъ на диванъ. Я подбѣжалъ къ ней, желая оказать помощь.

— Оставь, сказалъ спокойно Варламовъ, удерживая меня, я знаю что мнѣ нужно дѣлать... И взявъ дочь въ свои сильныя руки, унесъ ее изъ комнаты. Спустя минуту онъ вернулся.

— Я отдалъ Сашу на попеченіе Прасковьи: въ такихъ случаяхъ женщины незамѣнимы. Что-же касается тебя, Алексѣй Кузьмичъ, скажу только: не ты виноватъ, а я самъ!.. Я старъ, занятъ дѣлами и не подумалъ, что можетъ выйти изъ вашего знакомства. Вы оба честные и благородные, но молоды, а молодость разсуждать не любитъ. Тебя я полюбилъ съ перваго нашего знакомства и сердечно люблю до сихъ поръ, но уѣхать ты долженъ немедля...

Растроганный этой необыкновенной добротой, я поцѣловалъ, протянутую мнѣ руку старика.

— Поѣду, простональ я тихимъ голосомъ.

— Необходимо и немедленно!..

— Поѣду!.. повторилъ я... Удалюсь отъ сюда надолго... Можетъ быть навсегда... Позволь мнѣ попрощаться съ нею!..

— Нельзя, твердо проговорилъ Варламовъ. Уѣдешь— не простившись!..

Не видѣть обожаемой дѣвушки, не проститься съ нею, можетъ быть, передъ вѣчной разлукой—превышало мои силы; однако, я сознавалъ, что рѣшеніе старика было справедливо... Я не выдержалъ и заплакалъ, какъ ребенокъ. Мое искреннее горе взволновало старика.

— Больше мужества! проговорилъ онъ съ участіемъ, сжимая мнѣ руку и отирая слезы, невольно катившіеся изъ его глазъ...

Какъ прошелъ остатокъ дня — не помню... Къ вечеру все было готово къ отъѣзду. Варламовъ благословилъ меня и крѣпко обнялъ. Въ послѣдній моментъ моего отъѣзда, меня окружили конторщики, прислуга, добрая Прасковья: всѣ были грустны, всѣ желали проститься со мной... Даже Нептунъ, любимая собака Саши, ласкался ко мнѣ и лизалъ руки, инстинктомъ предугадывая мой отъѣздъ... Не было только той, которую я тщетно искалъ заплаканными глазами!.. Наконецъ, я сѣлъ въ сани. Лошади рванули съ мѣста и понеслись къ Николаевскому вакзалу. На прощанье, я

взглянулъ въ окно Сашиной комнаты, въ надеждѣ увидѣть чудную дѣвушку. Дѣйствительно, она стояла у окна и жестами прощалась со мной, приложивъ одну руку къ сердцу и указывая другой на небо!..

Не нахожу словъ описать состояніе моей души во время длинной дороги до Иркутска. Всякія постороннія впечатлѣнія затирались, исчезали, и въ угнетенномъ мозгу крѣпко сидѣла тяжелая, неотвязчивая мысль: скоро-ли увижу ее опять? Какъ осужденный на смерть считаетъ часы и минуты, приближающія его къ вѣчности, такъ я считалъ версты и станціи, отдалявшія меня отъ горячо любимой дѣвушки. Трудно описать мои невыразимыя страданія. Я, какъ помѣшанный, то желалъ удержать быстрый бѣгъ лошадей, то часто вскакивалъ со своего сидѣнья, съ намѣреніемъ приказать ямщику повернуть обратно; но роковая необходимость мчаться дальше становилась передъ глазами, какъ несокрушимая стѣна, и я безсильно падалъ въ глубину кибитки. Всѣ чувства притупились во мнѣ; осталось только ужасное, давящее всякій признакъ сознательной жизни, чувство безграничнаго, глубокаго отчаянія!..

VII.

Наконецъ, повозка остановилась передъ крыльцомъ отцовскаго дома, въ Иркутскѣ... Ольга выбѣжала на лѣстницу и, рыдая, бросилась въ мои объятія. Я обнялъ жену машинально, даже хорошенько не взглянувъ на нее. Отецъ принялъ меня равнодушно, холодно, съ оттѣнкомъ непріязненности.

— Нужно было возвращаться раньше и не ждать моего приказанія, проговорилъ онъ строго. Теперь постарайся исправить прошлое, вознаградить Ольгу за долгое отсутствіе. Помни, я ее люблю, какъ дочь. Въ твоей женѣ ты владѣешь сокровищемъ, котораго мало достоинъ.

Тогда я только взглянулъ на жену. Она была попрежнему красива, но мнѣ показалось, что яркій румя-

нецъ здоровья исчезъ и смѣнился какой-то матовой блѣдностью. Во всякомъ случаѣ, я не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство, объяснивъ себѣ блѣдность жены понятнымъ душевнымъ волненіемъ, вызваннымъ моимъ пріѣздомъ...

Наступилъ рядъ долгихъ, однообразныхъ дней. Ольга была для меня ангельски доброй женой, отгадывала каждое мое желаніе, предупреждала каждую прихоть. Съ своей стороны, я старался отплатить ей, за ея безграничную привязанность, ложнымъ чувствомъ любви. Часто дарилъ ее насильственной улыбкой, но чаще, печальный и приниженный, я впадалъ въ такую задумчивость, что не слышалъ даже ея словъ. Поняла-ли она, что происходило въ моемъ сердцѣ—не знаю, но, во всякомъ случаѣ, ни словомъ, ни взглядомъ не показала, что отгадала гнетущую тайну моего сердца. Она окружила меня попеченіемъ любящей сестры и друга и съ рѣдкимъ тактомъ избѣгала изъявленій докучливой чувствительности. Но я не понималъ этого, я жилъ только воспоминаніемъ потерянаго счастья... Дни шли за днями, дни мучительные и тревожные. Я продолжалъ томить себя своею преступною страстью, поглотившею все мое существо. Я не жилъ, но постоянно виталъ въ мірѣ воспоминаній. Я наслаждался этими воспоминаніями и, вмѣстѣ съ тѣмъ, терзался ими. Сердце говорило мнѣ, что прошлаго вернуть нѣтъ возможности. Постепенно, невольно, я сталъ обращать вниманіе на настоящее, и вдругъ моему нравственному оку раскрылась ужасная картина моего черстваго эгоизма. Совѣсть стала терзать меня безпощадно за мое, недостойное порядочнаго человѣка, отношеніе къ Ольгѣ, этой лучшей изъ лучшихъ женщинъ, умѣвшей любить беззавѣтно, безропотно, горячо и покорно несть тяжелый крестъ безотвѣтной любви. Въ моемъ растерзанномъ сердцѣ начало зарождаться къ Ольгѣ что-то, похожее на любовь. Чуство это разгоралось все сильнѣй и сильнѣй и, самъ не сознаю какъ, зародилась во мнѣ на-

дежда на возможное счастіе, помимо безвозвратно потерянаго... О, Боже, Боже мой, какъ тяжки эти воспоминанія!.. Возвратъ мой оказался запоздалымъ... Ольга угасала въ злѣйшей чахоткѣ. Я и не подозрѣвалъ въ ней этой ужасной болѣзни, вызванной скрытыми душевными страданіями. Я ужаснулся, когда отецъ, замѣтивъ мое особенное ухаживаніе за женой, проговорилъ тихо и печально:

— Поздно!

Слово это поразило меня какъ громомъ.

„Неужели поздно!? терзала меня ужасная мысль. Неужели я сдѣлался невольнымъ убійцей той, которая отдала мнѣ всю свою любовь и преданность, отдала безкорыстно и, можетъ быть, безъ надежды на взаимность? О, я долженъ вознаградить ее за всѣ страданія, за все зло, причиненное ей мною...“

И я дѣлалъ все, что только въ состояніи сдѣлать человѣкъ, чтобы облегчить душевныя и физическія страданія несчастной Ольги... Пригласилъ лучшихъ докторовъ... Все напрасно!.. Доктора посовѣтовали ей избѣгать всякихъ огорченій, пользоваться полнымъ спокойствіемъ и развлекаться... Развлекаться... какая горькая насмѣшка!.. Развлекаться той, которая съ большимъ трудомъ, и то, опираясь на мое плечо, могла пройти по комнатѣ.

Силы Ольги видимо угасали. Съ каждымъ днемъ ухудшалось ея здоровье. Блѣдность уступила мѣсто какой-то алебастровой прозрачности. Она исхудала; сухой, обрывистый кашель терзалъ ея грудь. Говорила такъ тихо, что слова ея походили на отдаленный шепотъ... Только въ ея чудныхъ глазахъ блисталъ еще лучъ догорающей жизни. Глаза эти были постоянно устремлены на меня съ неизъяснимымъ, божественнымъ выраженіемъ. Казалось, взглядъ ихъ желалъ проникнуть въ глубь моей души, освѣтить своимъ лучемъ самые потаенные уголки моего сердца. Взглядъ этотъ покорялъ меня. Я падалъ къ ногамъ моей жены, скрывалъ въ ея

исхудалыхъ колѣняхъ свое пылающее лицо, и плакалъ, плакалъ какъ ребенокъ. Ольга никогда не мѣшала мнѣ выплакаться: она сознавала, что слезы эти очищаютъ мою душу и сердце. Она не сыпала словъ утѣшенія, а только слегка гладила исхудалой рукой по головѣ. Эта нѣжная ласка производила на меня неизъяснимое впечатлѣніе. Я успокаивался и смотрѣлъ на жизнь нѣсколько бодрѣй... Я не отходилъ отъ Ольги ни на минуту, стараясь вознаградить ее за всѣ испытанныя ею душевныя муки. По ея желанію, я обставилъ ея кровать прелестнѣйшими экземплярами тропическихъ растеній. Восхищаясь ихъ запахомъ и красотой, она постоянно составляла букеты, и были моменты, когда, занятая этой работой, она, казалось, забывала о своихъ страданіяхъ... Однажды мы замѣтили въ Ольгѣ неожиданную, рѣзкую перемѣну. Щеки, постоянно блѣдныя оживились свѣжимъ румянцемъ; потухающіе глаза загорѣлись глубокимъ огнемъ; слабый голосъ зазвучалъ силой здоровья... Увы!.. Это былъ послѣдній проблескъ угасающей жизни!.. Держа въ рукахъ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, она заговорила, какъ бы подъ впечатлѣніемъ пророческой мысли:

— Какъ мнѣ хорошо и отрадно!.. Какое неописанное блаженство охватываетъ мое существо!.. Неужели это начало смерти?.. О, если такъ — благодарю Тебя, Боже, за этотъ моментъ!..

Взявъ затѣмъ руку моего отца, она продолжала:

— Ты меня любилъ и любишь, какъ родную дочь. Ради этой любви, я умоляю тебя, прости Алексѣю его заблужденія и возврати ему прежнюю привязанность...

Отецъ молча протянулъ мнѣ другую, свободную, руку. Я схватилъ ее и упалъ на колѣни. Тогда онъ поцѣловалъ меня въ голову. Я почувствовалъ горячую слезу, скатившуюся съ его рѣсницъ мнѣ на щеку.

Ольга нагнулась ко мнѣ.

— Знаю все, шепотомъ проговорила она, обвивъ руками мою шею, и все прощаю.. Я страдала много...

теперь мнѣ легче... Будь счастливъ и хоть изрѣдка вспоминай свою Ольгу, которая любила и любитъ тебя больше жизни...

Вынувъ камелію изъ букета, она прибавила:

— Этотъ цвѣтокъ пусть напоминаетъ обо мнѣ... Припрячь его, какъ послѣднюю память объ умирающей.

Едва она кончила, глаза ея широко раскрылись и голова склонилась на подушку... Послышался глубокій вздохъ, и Ольги не стало!..

Еслибы я хотѣлъ описать страданія, въ какія погрузила меня смерть жены, я принужденъ былъ бы вырвать изъ глубины ада одну изъ самыхъ страшныхъ тайнъ проклятыхъ. Отецъ мой, помня, вѣроятно, послѣднія слова умирающей, не только не упрекалъ меня за прошедшее, но даже старался пріохотить къ жизни, дѣлу, вдохнуть въ мою измученную душу вѣру въ будущность. Все было напрасно. Я чувствовалъ себя недостойнымъ этого состраданія; совѣсть возстала противъ меня во всеоружіи...

Поглощенный горемъ, я не обращалъ вниманія на перемѣну, происшедшую въ отцѣ послѣ смерти Ольги, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ. Какъ во мнѣ онъ видѣлъ дополненіе своей жизни, такъ въ ней — продолженіе этой жизни. Потерявъ Ольгу, онъ потерялъ все, потерялъ надежду на будущее... Отецъ мой, удрученный горемъ тяжкой утраты, угасалъ тихо, незамѣтно, и я, погруженный въ свою печаль, не предвидѣлъ новаго, грозившаго мнѣ несчастья. Я не замѣтилъ какъ отецъ, прежде такой дѣятельный и энергичный, сдѣлался равнодушнымъ и вялымъ. Голосъ его ослабъ. Голова склонилась на грудь. Полное, румяное лицо его осунулось, а быстрый взглядъ потерялъ живость... Старикъ вскорѣ слегъ и больше уже не всталъ. Нечаянная смерть была дополненіемъ моихъ страданій, описать которыя не нахожу словъ...

VIII.

Вскорѣ послѣ похоронъ отца я уѣхалъ изъ Иркутска; я бѣжалъ изъ него въ надеждѣ разсѣяться путешествіемъ по бѣлому свѣту... Я посѣтилъ всѣ страны Европы, изъѣздилъ, болѣе или менѣе, извѣстные уголки Азіи и Африки, но всюду, по моимъ слѣдамъ бѣжали за мной печаль и угрызеніе совѣсти... Если иногда и мелькалъ въ моей памяти образъ той, которая первая дала мнѣ узнать всю прелесть любви, то это воспоминаніе я старался удалять, какъ оскорбительное для святой памяти умершихъ. Мнѣ казалось, что свѣжія могилы легли между мною и Сашей непроходимой преградой. Между тѣмъ, я продолжалъ ее любить несмотря на протестъ совѣсти. Мысль объ очаровательномъ существѣ часто поглощала воспоминаніе о женѣ и отцѣ... Я чувствовалъ наступленіе момента борьбы печальнаго прошлаго съ заманчивымъ будущимъ. Я старался найти себѣ оправданіе въ постепенномъ забвеніи прошлаго, и наконецъ нашелъ. Я разсуждалъ: „имѣю ли я право, человѣкъ молодой, полный силы и здоровья, жить постоянно, какъ дряхлый старецъ, одними воспоминаніями объ умершихъ? Могу ли я жертвовать любящимъ меня существомъ для прошлаго, которое кануло въ вѣчность безвозвратно?.. Наконецъ, сама Ольга, добрая, ангельская душа, сказала, умирая: «будь счастливъ»... Зачѣмъ же я бѣгу отъ возможнаго счастья, когда оно мнѣ разрѣшено..."

Логика эта рѣшила исходъ борьбы въ пользу будущаго. Что два дня тому назадъ я считалъ преступленіемъ, то теперь казалось не только справедливымъ, но даже обязательнымъ. Я рѣшилъ, что каждая потерянная минута ляжетъ на моей совѣсти новымъ темнымъ пятномъ. Необходимо немедля мчаться на родной сѣверъ и отереть слезы съ прелестнаго лица

любимой дѣвушки и горячими ласками заставить ее забыть горечь невольной разлуки... Черезъ часъ послѣ подобныхъ разсужденій, я уже сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги и мчался въ родной Петербургъ. Сила пара, уносившая меня, казалась мнѣ слабой, остановки на станціяхъ — слишкомъ продолжительными... Я желалъ пролетѣть отдѣлявшее меня отъ Петербурга разстояніе съ быстротою электрическаго тока. Наконецъ, послѣ трехъ томительныхъ сутокъ, я пріѣхалъ. Выскочивъ изъ вагона, сѣлъ въ первый попавшійся экипажъ и крикнулъ извозчику:

— На Большую Морскую... Скачи!.. Рубль на водку...

Сани понеслись стрѣлой. Спустя нѣсколько минутъ, онѣ остановились передъ изящнымъ подъѣздомъ знакомаго дома. Первое лицо, кого я встрѣтилъ, вбѣжавъ въ переднюю, была Прасковья.

— Гдѣ она, гдѣ?.. Говори, ради Бога, прошепталъ я взволнованнымъ голосомъ.

— Сидятъ въ оранжереѣ, проговорила Прасковья, повидимому удивленная моимъ неожиданнымъ пріѣздомъ и въ особенности моимъ безумнымъ видомъ.

Черезъ минуту я уже стоялъ на порогѣ оранжереи, въ которой три года назадъ, провелъ столько блаженныхъ, счастливыхъ часовъ... Саша сидѣла подъ магноліей и, незамѣчая меня, составляла роскошный букетъ. О, какъ она была хороша! Въ три года она очень перемѣнилась и при томъ къ лучшему: изъ прелестной дѣвушки стала роскошнѣйшей, восхитительной женщиной... Я подбѣжалъ къ ней, готовый принять ее въ свои страстныя объятія. Она вскрикнула отъ испуга. Узнавъ меня, оправилась, привстала со скамейки и протянула мнѣ руку... Я ожидалъ другой встрѣчи. Я думалъ, что она съ восторгомъ бросится въ мои объятія...

— Какъ это хорошо съ твоей стороны, что ты не забываешь своихъ старыхъ знакомыхъ, проговорила она

звучнымъ голосомъ, окидывая меня спокойнымъ взглядомъ.

Пораженный этою холодною благосклонностью, я молчалъ.

— Я часто вспоминала о тебѣ, продолжала Саша тѣмъ же ровнымъ голосомъ. Мы не разъ говорили о тебѣ съ отцомъ. Онъ вѣдь любилъ тебя искренно. Онъ вспоминалъ о тебѣ даже за нѣсколько дней до смерти.

— Развѣ онъ умеръ? воскликнулъ я, пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти симпатичнаго Варламова.

— Какъ! Ты развѣ не зналъ объ этомъ несчастіи, посѣтившемъ меня полтора года назадъ?.. Я много горевала, но время сглаживаетъ все .. Во всякомъ случаѣ, не сомнѣваюсь, что ты сохранилъ ко мнѣ расположеніе...

— Я! Ахъ, Саша, можешь ли ты спрашивать объ этомъ!? . воскликнулъ я дрожащимъ отъ волненія голосомъ, крѣпко прижимая ея руку къ губамъ.

Она разсмѣялась:

— Какъ я вижу, ты нисколько не перемѣнился, мой добрый Алексѣй: такой же восторженный и порывистый...

— Я никогда не перемѣнюсь, прошепталъ я, продолжая цѣловать ея руку.

— Это дурно. Лѣта должны давать солидность и разсудительность. Что касается меня, то я уже давно бросила экзальтацію. Теперь я сознаю, что это къ лучшему...

— Ты развѣ счастлива? съ трепетомъ спросилъ я.

— Да, въ полномъ значеніи этого слова. Если-бы не смерть отца, который меня такъ сильно любилъ, если-бы не твое отсутствіе, а ты знаешь, я всегда считала тебя лучшимъ другомъ, то дни мои текли-бы ясно и радостно.

Я рѣшительно ничего не понималъ и стоялъ, стараясь собраться съ мыслями.

Она не затѣтила моей тревоги и, занятая своими чувствами, продолжала съ радостной, счастливой улыбкой:

— Ты его не знаешь, дорогой Алексѣй, ты не знаешь, какъ онъ добръ, какъ онъ горячо любитъ меня!

— Кто „онъ“!? прошепталъ я полусознательно. Сердце мое застучало судорожно и больно.

— Странный вопросъ, удивленно проговорила Саша. „Онъ“—мой мужъ. Ты развѣ не получилъ письма, извѣщавшаго о моемъ бракѣ?.. Въ настоящее время онъ на биржѣ... Онъ очень усердно занимается дѣлами, но, предупреждаю тебя, ничего не предпринимаетъ не посовѣтовавшись со мной. Поэтому, я хорошо знаю о движеніи капиталовъ, процентовъ, умѣю играть на повышеніи и пониженіи разныхъ бумагъ, словомъ, я стала изъ вѣтреной дѣвушки практической женщиной.

Долго говорила она о своей новой жизни, не замѣчая моей блѣдности и моего волненія. Какой-то туманъ застилалъ мои глаза. Мнѣ казалось, что все вокругъ меня кружится и мечется. Я едва стоялъ на ногахъ, придерживаясь за спинку скамейки.

— Но извини, продолжала Саша, я занялась собой, своимъ счастьемъ, говорю тебѣ безъ конца о моихъ дѣлахъ, забывъ, что ты, вѣроятно, измученъ продолжительной дорогой и навѣрное голоденъ. У меня теперь ужасный аппетитъ, не такой, какъ прежде... Ося! крикнула она. Подавай завтракать, только живо!.. Я тебѣ представлю моего ребенка... Истинное сокровище!..

Быстро проговоривъ эти слова, она убѣжала въ залъ. Я обтеръ платкомъ холодный потъ, выступившій на моемъ лицѣ. Скоро Саша показалась на порогѣ, держа за руку крошечную дочку.

— Нравится?.. Что ты молчишь!?.. обратилась она ко мнѣ. Ну, похвали, обними ее, поцѣлуй... Боже мой, какъ время мѣняетъ людей!.. Ты сталъ какой-то странный: только что былъ отъ меня въ восхищеніи, а теперь стоишь молчаливый, грустный, какъ будто-бы равнодушенъ къ моему счастью.

И не ожидая моего отвѣта, она прибавила:

— Сейчасъ пріѣдетъ Николай—онъ тебя расшевелитъ... Мой мужъ умѣетъ быть веселымъ, когда я захочу.

Боже мой, она травила меня, какъ дикаго звѣря. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы она забыла все прошлое.

— Помнишь-ли ты то время, когда мы сидѣли вдвоемъ здѣсь? проговорилъ я черезъ силу, чувствуя, какъ грудь сдавливалась подъ тяжестью скопившихся въ ней мукъ.

— Какъ не помнить, отвѣтила Саша спокойно. Тогда завязалась наша дружба...

— Дружба! воскликнулъ я, почувствовавъ, какъ злая улыбка исказила мои губы. А это помнишь!?..

И я вынулъ изъ бокового кармана остатки высохшей камеліи. Приложивъ къ глазамъ лорнетъ, она начала съ любопытствомъ всматриваться въ залогъ обоюдной привязанности, будто въ какой-то загадочный для нея предметъ.

— Что это такое? спросила она.

— Камелія, которую ты мнѣ дала и которую я съ благоговѣніемъ сохраняю, какъ дорогую память.

— Какое ребячество! воскликнула Саша, разсмѣявшись... Надо быть поэтомъ и фантазеромъ, чтобы носить столько лѣтъ эту горсточку сухихъ листьевъ.

Я схватилъ ее за руку и, невольно, крѣпко сжалъ ее. Мнѣ казалось, что я начинаю сходить съ ума, что меня давитъ ужасный кошмаръ... Саша крикнула отъ боли.

— Будь осторожнѣй въ проявленіяхъ своей дружбы. Вѣрю, что меня любишь, но зачѣмъ такъ крѣпко жать мою руку: вѣдь больно...

Возвращаясь къ былымъ воспоминаніямъ, она прибавила серьезнымъ тономъ:

— Воспоминанія, которыя такъ крѣпко лежатъ на твоемъ сердцѣ, что ты даже забываешь мое положеніе

замужней женщины, были вспышками молодости, маленькими грѣшками, которыхъ много на совѣсти почти у каждаго человѣка... Совѣтую тебѣ, какъ искренній другъ, не вспоминать о нихъ при моемъ мужѣ, потому что Николай, хотя и добръ и преданъ моимъ друзьямъ, но прежде всего онъ купецъ и не любитъ поэзіи...

Каждое слово Саши било въ мое сердце тяжелымъ молотомъ. Она безжалостно разбивала мой кумиръ, топтала въ грязь мои воспоминанія, мою первую любовь... О, какъ я страдалъ!.. Бываютъ минуты, когда человѣкъ, пораженный ужаснымъ душевнымъ ударомъ, не въ состояніи мыслить, издать хоть какой нибудь звукъ, высказать испытываемую сердечную боль. Такая минута наступила для меня. Лишенный воли, силы, я чувствовалъ только одно, что долженъ немедленно оставить домъ, въ которомъ зародилась и согрѣлась моя первая любовь, въ которомъ я сталъ невольнымъ преступникомъ... Съ автоматическимъ спокойствіемъ, направился къ дверямъ. Саша, занятая приготовленіями къ завтраку, не замѣтила этого.

Ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ я вошелъ въ переднюю.

— Ахъ, какой вы блѣдный! крикнула Прасковья, несшая блюдо.

Молча шелъ я дальше... Любимая собака Саши, „Нептунъ", подбѣжала ласкаясь ко мнѣ — я сильно толкнулъ ее ногой... Бѣдное животное жалобно завыло... Я проклиналъ тотъ моментъ, въ который пришла мнѣ мысль пріѣхать къ этой женщинѣ. Если-бы я остался съ моими страданіями, я все-таки жилъ бы дорогими воспоминаніями моей первой взаимной любви... Теперь-же эти воспоминанія были разбиты; теперь только я узналъ, что взаимности не было, а была шалость, жестокая и безпощадная... Если-бы даже я узналъ объ ея замужествѣ, я былъ-бы несчастливъ, но не испыталъ-бы тѣхъ душевныхъ мукъ... Да, быть около любимой женщины и слышать отъ нея гнусное глумленіе надъ былыми, божественно восхитительными моментами пер-

вой любви -страшная мука, понять которую можетъ только испытавшій что-либо подобное. Ея равнодушіе было для меня сравнительно больнѣй ненависти. Прошлаго для нея не существовало... А я!?.. Я за нее такъ много выстрадалъ!.. Она-же была виновницей страданій моей Ольги...

Что было со мной послѣ, ты знаешь. Я воротился на родину въ Иркутскъ; но тамъ все такъ живо напоминало мнѣ жену и отца, что я вскорѣ оставилъ его съ тѣмъ, чтобы никогда не возвращаться... Я бросился искать среди безлюдныхъ степей, непроходимыхъ лѣсовъ и въ сѣверныхъ тундрахъ если не забвенія, то хотя облегченія моихъ душевныхъ страданій... Но нигдѣ не могъ найти его. Я странствовалъ по бѣлому свѣту, подобно Вѣчному Жиду и подобно ему не могъ найти покоя и прощенія... Отъ прошлаго остались только эти два завядшихъ цвѣтка: одинъ говоритъ мнѣ о моей недостойной любви, другой—о возможномъ счастьѣ, растоптанномъ собственными ногами.

Говоря это, Старцевъ показалъ мнѣ двѣ завядшихъ камеліи и нѣсколько пожелтѣвшихъ листиковъ... Съ горькимъ чувствомъ взглянулъ я на несчастнаго скитальца. По его исхудалымъ щекамъ медленно катились двѣ слезы. Опустивъ голову на грудь, онъ, казалось, находился подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній и упрековъ совѣсти...

* * *

Спустя нѣсколько недѣль, скитальца не стало: онъ скончался почти на моихъ рукахъ отъ злѣйшей чахотки, умоляя положить въ гробъ лепестки завядшихъ камелій...

ЗЛОДѢЙ.

Разсказъ изъ жизни «несчастныхъ».

I.

анька Волосатый былъ ужасный злодѣй: по крайней мѣрѣ такимъ считала его вся Усть-Кара, всѣ вольные и невольные обитатели этого каторжнаго гнѣзда, заброшеннаго въ самый глухой уголъ необъятной Сибири. Сосланный въ безсрочную каторгу за убійства на большихъ дорогахъ или за «храбрость», какъ саркастически заявлялъ самъ Волосатый, этотъ разбойникъ не имѣлъ, повидимому, даже понятія о чувствѣ жалости или раскаянія. Сердце его, казалось, было твердо, какъ камень. Лучшимъ времяпрепровожденіемъ въ острогахъ онъ считалъ воспоминанія о своихъ многочисленныхъ разбойничьихъ подвигахъ. Онъ до страсти любилъ разсказывать товарищамъ о «былыхъ дѣлахъ», при чемъ съ отвратительнымъ цинизмомъ останавливался на малѣйшихъ подробностяхъ, особенно, когда описывалъ послѣднія минуты своихъ жертвъ. Слушатели-острожники слѣдили за всѣми перипетіями разсказовъ, затаивъ дыханіе, и невольно увлекаясь сладострастіемъ жестокости. Волосатый, поощряемый общимъ вниманіемъ, раз-

сказывалъ безъ устали, при чемъ и вралъ безъ совѣсти, съ цѣлью разукрасить свои подвиги, частенько отличавшіеся, по разсказамъ, легендарнымъ богатырствомъ.

На каторгѣ Волосатый проявлялъ то же необычайное удальство. Трижды бѣгалъ онъ изъ разныхъ мѣстъ заключенія, былъ битъ плетьми нещадно два раза и розгами сѣченъ безсчетно... Зубоскалы товарищи увѣряли острожныхъ „новичковъ", что на Волосатаго, будто бы, уже истреблена, мало-мало, цѣлая десятина березняка и все безъ толку: только кожа его стала толще и выносливѣе...

Въ офиціальной перепискѣ, злодѣй Усть-Кары значился Иваномъ Непомнящимъ — подъ общей кличкой всѣхъ бродягъ, скрывающихъ всегда свое настоящее имя, званіе и происхожденіе. Въ острогѣ же звали его Ванькой Волосатымъ или Ванькой храбрецомъ. Прозвище „храбрецъ" было дано ему за его былую храбрость на большихъ дорогахъ, а Волосатымъ прозвали товарищи за его удивительную растительность, благодаря которой онъ смахивалъ на орангъ-утанга. Вообще внѣшность его производила на всѣхъ „свободныхъ" обитателей Усть-Кары отталкивающее впечатлѣніе; но товарищи-острожники настолько приглядѣлись къ нему, что находили его „сноснымъ" мужчиной, не смотря даже на отвратительную голову необычной величины, съ копной черныхъ, какъ смоль, всклокоченныхъ волосъ. Надъ этими жесткими волосами не мало мучились острожные брадобреи, стараясь, по требованію начальства, подстричь ихъ „по формѣ" иступившимися ножницами. А когда приходилось выбривать Ванькѣ полголовы „за неисправимость", то брадобреи, совершенно испортивъ нѣсколько обломковъ бритвъ, впадали въ полное отчаяніе и сдержанно злобствовали не только на „строгое" начальство, задавшее „анафемскую" работу, но даже на самого Волосатаго съ его щетиной, не сумѣвшаго „поладить" съ этимъ начальствомъ.

Нижняя половина Ванькинаго лица совсѣмъ исчезла въ лохматой бородѣ, росшей почти изъ подъ самыхъ глазъ, широко разставленныхъ, маленькихъ, быстрыхъ, вѣчно бѣгающихъ и высматривающихъ.

Пронзительность этихъ крохотныхъ, глубоко ввалившихся глазъ была поразительная: никто не могъ вынести пристальнаго ихъ взгляда. „Словно рѣжетъ!“ говорили острожники.

Ванькинъ носъ, громадный, съ толстой переносицей, былъ своего рода острожною достопримѣчательностью: онъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ носовъ своею ужасающею величиною. Недаромъ всѣ каторжники увѣряли, что съ Волосатымъ опасно „кукушку слушать“ *): непремѣнно носъ выдастъ... „Не скроешь этой махины“, острили товарищи, „ни въ долахъ, ни въ горахъ, ни въ дремучихъ лѣсахъ... Вездѣ Ванькинъ носъ будетъ маячить...“ При всемъ этомъ Ванька обладалъ не помѣрной силой: онъ свободно поднималъ своими мускулистыми, мохнатыми руками до двадцати пудовъ въ уровень съ плечами; однимъ ударомъ кулака раскалывалъ двухъ-дюймовую доску; завязывалъ изъ желѣзныхъ прутьевъ узлы, какъ тонкую веревку. Сбить кандалы, вывернуть изъ окна рѣшетку — было для него „плевое дѣло“. Вотъ почему Волосатый бѣгалъ изъ остроговъ, когда хотѣлъ, и никто не могъ удержать его. Бѣгалъ онъ обыкновенно весной. Начальство знало это отлично, но ничего не могло подѣлать. Первое время, съ наступленіемъ теплыхъ дней, за нимъ усиливали надзоръ, но какъ увидѣли, что ничего не помогаетъ, махнули рукой: „пускай бѣжитъ!.. Все равно не удержишь, а только обозлишь“... Поступая такъ, начальство хорошо знало, что Волосатый, набѣгавшись вдосталь по тайгѣ, непремѣнно вернется къ зимѣ въ ближайшій острогъ—„погрѣться“. Такъ дѣйствительно всегда и случалось. Явится Ванька изъ бѣговъ,

*) «Кукушку слушать» — бѣжать съ мѣста каторги весной

получитъ свою порцію плетей и на время присмиритъ, пока вновь не задумаетъ „кукушку послушать"... И такъ продолжалось изъ года въ годъ...

II.

Невдалекѣ отъ мрачнаго острога тѣснился рядъ небольшихъ, полуразвалившихся хижинъ каторжниковъ, наиболѣе благонамѣренныхъ и заслужившихъ снисхожденіе начальства, или отбывшихъ свой срокъ работъ и оставленныхъ на вѣчное поселеніе въ Усть-Карѣ. Неприглядная бѣдность, приниженность и забитость господствовали въ этихъ унылыхъ, грустныхъ жилищахъ, придававшихъ общей картинѣ какой-то, подавляющій душу и сердце колоритъ. На всемъ окружающемъ лежалъ особый отпечатокъ, какъ будто несмываемое клеймо цѣлаго ряда совершенныхъ преступленій и пережитыхъ тяжкихъ наказаній. Въ этомъ отверженномъ углу отсутствовала веселая, привольная жизнь, столь свойственная свободному посѣлянину. Каждый ничтожный предметъ домашняго, почти нищенскаго, обихода указывалъ на тяжелый трудъ, съ которымъ онъ былъ пріобрѣтенъ. Каждая вещь была самодѣльная, вышедшая изъ рукъ поселенцевъ, брошенныхъ злосчастной судьбой въ дѣвственную тайгу, отрѣзанную отъ остальнаго міра. Подневольные обитатели Усть-Кары не жили въ своихъ хижинахъ, а прозябали, съ трудомъ влача свое печальное существованіе. Только немногіе стремились придать своему неприглядному, унылому житью своеобразный, нѣсколько романическій оттѣнокъ. Изрѣдка, каторжникъ сходился съ такой же отверженной и между ними неожиданно возникала искренняя привязанность, зарождалась любовь, которою отщепенцы силились, какъ будто, усладить послѣдніе годы своей испорченной жизни. Такіе счастливцы не унывали въ неприглядномъ мѣстѣ ссылки, старались въ трудѣ забыть прошлое и

приблизиться по возможности къ человѣческому образу жизни.

Къ числу подобныхъ людей принадлежали Иванъ Безродный и Аксинія. Постоянно трудившаяся, дружная чета жила привольно, довольствуясь скуднымъ заработкомъ. Аксинья стиркою бѣлья, а Иванъ плотничьей работой поставили свое хозяйство, можно сказать, на удивленіе другимъ. Хижина ихъ выглядѣла привѣтливѣе, уютнѣе остальныхъ. Всегда веселыя, бодрыя и опрятно одѣтыя дѣтки, прибранныя комнатки и чистенькій дворикъ ясно указывали на то, что обновившіеся поселенцы не тратили время на пустое, а заботливо распредѣляли его на всѣ житейскія надобности. На дружную семью, нашедшую свое счастье въ каторгѣ, частенько заглядывались окружающіе. Даже безпощадный злодѣй Волосатый и тотъ нерѣдко любовался трудолюбивой Аксиньей, возлѣ которой постоянно увивались ея малолѣтки: краснощекій мальчуганъ и двѣ дѣвочки-близнецы. Въ праздничные, свободные отъ работы дни, злодѣй, бывало, не отходилъ отъ оконной рѣшетки и по цѣлымъ часамъ глядѣлъ изъ своего каземата на домикъ Безроднаго. Украдкой отъ всѣхъ, онъ слѣдилъ за жизнью этого мирнаго уголка. Что чувствовалъ злодѣй въ эти созерцательные часы,—трудно сказать. Онъ даже самъ не могъ дать себѣ отчета, что происходило въ его зачерствелой душѣ. Его постоянно тянула къ окну какая-то невѣдомая, таинственная сила и онъ шелъ на свой наблюдательный постъ, смотрѣлъ, не отрывая глазъ, смотрѣлъ, повидимому, безцѣльно, безучастно и при этомъ всегда свирѣпо огрызался, если кто-либо изъ товарищей случайно ловилъ его „на мѣстѣ преступленія". Ему казалось, что товарищи слѣдятъ за нимъ, и онъ приходилъ въ положительную ярость, когда кто либо мѣшалъ ему, можетъ быть, даже совершенно случайно. Онъ боялся, что товарищи могутъ „что то" подмѣтить, но что именно—онъ и самъ не зналъ.

Волосатый только инстинктивно сознавалъ, что онъ

можетъ показаться въ глазахъ товарищей и смѣшнымъ, и глупымъ, потерять передъ ними свой авторитетъ безпощаднаго, безсердечнаго, бездушнаго убійцы, и это сознаніе иногда смущало его, бѣсило и мучило. Тѣмъ не менѣе онъ не могъ оторваться отъ домика Безроднаго.

Трудолюбивая, счастливая семья Безроднаго продолжала поглощать вниманіе злодѣя, неотразимо вліяла на его зачерствѣлую душу. Волосатому невольно приходилось сопоставлять свое безчеловѣчное мрачное, полное позорной праздности, прошлое съ рѣдкимъ трудолюбіемъ людей, сумѣвшихъ и на каторгѣ найти свое счастье и радости семейной жизни. Злодѣй постепенно началъ, какъ будто бы, жить жизнью этихъ счастливыхъ людей, приглядывался къ ней и интересовался ею до малѣйшихъ подробностей. Съ удовольствіемъ онъ слѣдилъ за замѣтнымъ приростомъ ихъ благосостоянія: почти на его глазахъ, отъ двухъ свиней, сновавшихъ по двору, вскорѣ появилось маленькое стадо поросятъ, которымъ такъ заботливо выносила кормъ Аксинья, сопровождаемая забавнымъ, толстенькимъ сынкомъ. Мальчикъ, видимо, ждалъ этого часа съ нетерпѣніемъ. Едва успѣвалъ онъ спуститься съ крыльца, какъ начиналъ съ звонкимъ смѣхомъ гоняться за поросятами, стараясь поймать хоть одного за скрученный въ завитушку хвостикъ. Эта уморительная гоньба вызывала невольную улыбку Волосатаго; ему становилось веселѣе... Въ его напряженномъ мозгу начинали тѣсниться воспоминанія о далекомъ прошломъ, о томъ чудномъ прошломъ, въ которомъ живо выступали яркія картины беззаботнаго, веселаго дѣтства, совершенно заслонившіе собой послѣдующія страшныя картины грабежей и убійствъ. Вѣдь, и онъ бывало, бѣгалъ точно также по двору за рѣзвыми поросятами... Затѣмъ, какъ въ панорамѣ, тянулись въ его воображеніи мельчайшія детали дѣтства: поѣздка въ ночное, гоньба за голубями, захватывавшее духъ катанье съ горъ на салазкахъ и т. д.

Дѣтство пролетало какъ сновидѣнье. Волосатый вспоминалъ себя парнемъ: ему стукнуло двадцать лѣтъ и, неожиданно, онъ сталъ убійцей... „Первое“ убійство проходило передъ его раздраженнымъ воображеніемъ ярко и отчетливо, точно оно было совершено не тридцать лѣтъ тому назадъ, а вчера.

„Судьба сдѣлала меня злодѣемъ!.. Горькая, злосчастная судьба!“ чуть не вскрикивалъ Волосатый, подъ тяжкимъ впечатлѣніемъ разомъ раскрывшейся страшной картины, особенно страшной теперь, когда душа его, какъ будто, размягчилась.

Проклятое „первое“ убійство вспоминалось Волосатому съ удивительными подробностями, давно уже, казалось, забытыми... По сосѣдству съ отцовской избой жилъ старикъ Ерофей съ женой Маврушей, бабой красивой, румяной, что называется, кровь съ молокомъ. Полюбилась Мавруша парню больше всего на свѣтѣ, и сталъ онъ подсаживаться къ ней на заваленку, чаще да чаще: ласковыя слова ей говорилъ, а она слушала, да молчала... Казалось, на томъ бы дѣло и покончить, анъ нѣтъ: вышло иное... Подвернулся на грѣхъ пономарь, да и говоритъ: „что, братъ, на заваленкѣ торчишь?.. Пора бы и въ избу... Не зѣвай, паря!.. Мавруша баба хоть и тихая на видъ, но приступить къ ней можно. Я тоже такой вороной сперва сидѣлъ да опосля догадался; привезъ ей съ ярмарки ситцу на куцавейку, а мужу штофъ съ раскрашенымъ ярлыкомъ, и наша пѣсня скоро спѣлась... Въ полъ года, вишь, все ей перетаскалъ... Теперь хоть себя тащи на бойню, чтобъ мясо продали, а денежки ей.

Вспоминалось Волосатому каждое пономарское слово, сказанное съ ехидствомъ и злобою. Вспоминалъ онъ, какъ зацепили сперва за сердце эти подлыя слова, а потомъ... чортъ попуталъ... Залѣзъ онъ въ материнскій сундукъ свистнулъ красненькую и отдалъ Маврушѣ; та бумажку взяла и стала ласковѣе... Зачастилъ парень въ ея избу. Ерофей помалкивалъ и только косо исгляды-

валъ. Иногда, впрочемъ, подъ хмѣлькомъ, зло подшучивалъ надъ совсѣмъ обалдѣлымъ парнемъ: „а что, паря, вѣдь по тебѣ телята, чай, дома соскучились и ревутъ?.. Ступай себѣ"! Что дальше, то все сильнѣе издѣвался Ерофей. Разъ пришелъ Волосатый къ Маврушѣ не въ добрый часъ. Ерофей былъ дома, пьяно-распьяно, накинулся на парня съ кулаками и сталъ гнать, приговаривая: „ахъ, ты, носатый, куда повадился!.." Парень не стерпѣлъ, схватился съ Ерофеемъ и началъ таскать его по избѣ, какъ собаченку: сила была знатная... Что затѣмъ случилось, Волосатый не могъ вспомнить... Какимъ-то манеромъ онъ хватилъ Ерофея кулакомъ прямо въ високъ... Ерофей свалился, не пикнувъ... Мавруша закричала. На ея крикъ сбѣжалась, почитай, вся деревня... Вспоминалъ Ванька, какъ стали его колотить, кто чѣмъ попало, затѣмъ связали, свезли окровавленнаго въ острогъ, потомъ судили и присудили въ каторгу: за что?—онъ никакъ не могъ тогда догадаться... Неужели за драку, во время которой онъ неловко лишь взмахнулъ богатырскимъ кулакомъ?.. Пошелъ Волосатый въ Сибирь, пошелъ неспокойнымъ: злоба душила. Дошелъ до Сибири—совсѣмъ озвѣрѣлъ... Въ первую же весну бѣжалъ изъ острога, а тамъ пошли грабежи, убійства, воровство, поджоги, словно Волосатый хотѣлъ отомстить на неповинныхъ жертвахъ за все, что вытерпѣлъ.

III.

Всѣ эти воспоминанія, недавно повторяемыя, ради хвастовства, товарищамъ-острожникамъ, теперь дѣйствовали на него угнетающимъ образомъ. Онъ, какъ будто, начиналъ ужасаться, что свершилъ столько напрасныхъ злодѣйствъ. Совѣсть Волосатаго просыпалась, незамѣтно для него самого, подъ впечатлѣніемъ мирнаго довольства счастливой семьи Безроднаго... Одновременно съ наступленіемъ первыхъ теплыхъ дней, онъ сталъ мечтать

о свободѣ. Его тянуло вонъ изъ душныхъ, смрадныхъ стѣнъ ненавистнаго острога въ благоуханную тайгу, на просторъ, гдѣ можно вдохнуть полною грудью, гдѣ можно безбоязненно гаркнуть во все молодецкое горло, прожить безъ указокъ, плетей и розокъ. По мѣрѣ приближенія ясныхъ, весеннихъ дней, Волосатый задумывался о свободѣ все сильнѣй и сильнѣй. Мысль о побѣгѣ съ каторги гвоздемъ засѣла въ его мозгу. Глухая тайга представлялась въ воспаленномъ воображеніи дивно-заманчивою, соблазнительною и сказочно-прекрасною.

Когда „начальство“ разрѣшило оставлять окна въ камерахъ открытыми на всю ночь, Ванькѣ положительно не спалось. Таясь отъ товарищей, онъ, почти до разсвѣта, простаивалъ у завѣтнаго окна, простаивалъ недвижно, не шелохнувшись, всецѣло отдавшись сладостнымъ мечтамъ о свободѣ. Упершись горячимъ лбомъ въ желѣзную рѣшетку, Волосатый упорно, пристально глядѣлъ въ темное, усѣянное звѣздами, небо и жадною грудью вдыхалъ, врывавшійся въ окно, смолистый запахъ распустившихся почекъ. Запахъ этотъ раздражалъ нервы, волновалъ кровь, наполнялъ все существо его дивнымъ, сладостнымъ, неизъяснимымъ ощущеніемъ...

— Уйду! Уйду съ проклятой. Никто неудержитъ!..—мысленно твердилъ Волосатый, чутко прислушиваясь къ таинственной жизни весенней ночи и стараясь уловить призывной крикъ какой-нибудь ночной птицы... Напрасно!.. Кругомъ царствовала мертвая тишина, нарушаемая лишь мѣрными шагами зоркихъ часовыхъ и ихъ протяжными, монотонными перекриками: „слушай“!.. Иногда, Волосатый простаивалъ у окна до солнечнаго восхода, чтобы только услышать въ ближайшемъ лѣсу, захватывающій душу, призывной крикъ кукушки. Ему чудилось, что вѣщая птица зоветъ его въ тайгу, манитъ его, словно плачетъ, и злодѣй прислушивался къ ея зову съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и нервнымъ трепетомъ... Сколько разъ Волосатому хотѣлось крикнуть въ отвѣтъ на этотъ раздирающій при-

зывъ:—Скоро!.. Скоро свидимся, родная моя птаха!.. Дай собраться!..

Какъ ни старался злодѣй утаить отъ товарищей жгучую мысль о побѣгѣ,—это не удалось. Очень скоро болѣе наблюдательные догадались, что творится въ душѣ Волосатаго, но избѣгали какихъ-либо разспросовъ, опасаясь подвернуться подъ здоровый тумакъ раздраженнаго, нервнаго злодѣя. Изъ нѣсколькихъ десятковъ каторжниковъ нашелся одинъ только смѣльчакъ, отчаянный арестантъ, по прозвищу Бомба. Выбравъ время, когда возлѣ Волосатаго никого не было, Бомба подошелъ и вкрадчиво спросилъ:

— О чемъ затосковалъ? Ужъ не кукушку-ли задумалъ послушать?..

Злодѣй вздрогнулъ отъ этого неожиданнаго, черезъчуръ прямого, вопроса и окинулъ смѣльчака страшнымъ взглядомъ. Бомба нисколько не сробѣлъ и вкрадчиво продолжалъ:

— Горе твое, товарищъ,—мое горе: я также задумалъ кукушку послушать... Давай-ка, братъ, выбираться на свободу вмѣстѣ: вдвоемъ куда какъ веселѣе будетъ... У меня въ хоронушкѣ [1]) всего припасено вдостоль: на двоихъ хватитъ .. По рукамъ, что-ли?

— Уйдемъ вмѣстѣ, — просто согласился злодѣй. Бомба даже подпрыгнулъ отъ радости: онъ никакъ не ожидалъ, что дѣло сладится такъ быстро и мирно...

Товарищи сговорились бѣжать въ слѣдующую же ночь: откладывать Волосатому не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что все было готово къ побѣгу. Хоронушки у обоихъ оказались полнехонькими; чего только въ нихъ не было: и веревки, и гвозди, и табакъ, и пилки, и ножи, даже хлѣбъ. Видимо, что опытные каторжники уже давно начали свои сборы къ задуманному побѣгу, понемногу собирая все необходимое для далекаго пути по глухой, безлюдной тайгѣ. Мало-того, у Бомбы былъ

[1]) Хоронушка—потайное мѣсто въ острогѣ.

готовъ и планъ бѣгства; онъ оказался куда хитрѣе Волосатаго и еще съ зимы началъ подготовительныя работы къ побѣгу, съ цѣлью совершить послѣдній безъ шума и риска. Что касается злодѣя, то онъ, надѣясь и разсчитывая лишь на свою богатырскую силу, никакого плана не составлялъ, а намѣревался по обыкновенію, идти напроломъ: вырвать въ глухое, ночное время, изъ окна желѣзную рѣшетку и ухнуть въ ближайшую чашу, чуть не подъ выстрѣлами часовыхъ. Волосатый и въ этотъ разъ хотѣлъ бѣжать съ каторги такимъ же примитивнымъ способомъ, но осторожный, хитрый Бомба настоялъ, чтобы все было слажено толково, осмотрительно безъ всякаго треска и гвалта. Да и не зачѣмъ было рисковать, когда Бомба въ теченіе всей зимы, работая по ночамъ тайкомъ отъ товарищей, успѣлъ подкопаться подъ тюремную стѣну. Работа была истинно-каторжная: преступникъ выбиралъ землю горстями и ловко выносилъ ее днемъ изъ казармы въ голенищахъ сапогъ. Никто и не думалъ даже, что къ веснѣ былъ уже готовъ подземный, кротовый выходъ изъ тюрьмы на свободу. Бомба довѣрилъ свою тайну только Волосатому, желая бѣжать съ нимъ вмѣстѣ, чтобы быть въ тайгѣ не одинокимъ: все не такъ страшно... Вѣдь, неровенъ часъ, и съ хищнымъ звѣремъ можно встрѣтиться: одному и не совладать, а вдвоемъ да еще съ такимъ богатыремъ, каковъ Волосатый, все—трынь-трава, разсуждалъ хитрый Бомба, рискнувъ довѣриться злодѣю...

Слѣдующая ночь, на счастье бѣглецовъ, была совершенно темная: зги не видно. Выждавъ, когда товарищи угомонились, они вползли въ заготовленую кротовую нору, прикрыли входное отверстіе, ловко выпиленными, половыми досками и, уже черезъ полчаса, были на свободѣ. Добравшись до ближайшихъ кустовъ, бѣглецы присѣли „перевести духъ" послѣ только что испытанныхъ волненій и тревогъ.

Пора!.. – шепнулъ черезъ минуту Бомба, собираясь ползти дальше.

— Погоди немного... Глянь-ка!.. Тамъ, какъ будто, огонекъ змѣится, —прошепталъ Волосатый, пристально всматриваясь въ ночную, непроглядную тьму.

— Пускай его змѣится: не про насъ, вѣдь, онъ... Пойдемъ!.. Пойдемъ дальше, пока не хватились!—продолжалъ настаивать Бомба.

— Отстань! — огрызнулся злодѣй, не трогаясь съ мѣста и продолжая вглядываться въ то мѣсто, гдѣ, дѣйствительно, бойко змѣился огонекъ начинающагося пожара. Черезъ короткое время огонекъ уже превратился въ широкій языкъ пламени, жадно лизавшій деревянную крышу одной изъ лачужекъ каторжной слободки. На темномъ небѣ появилось кровавое пятно зловѣщаго зарева. Раздался тревожный набатъ въ колоколъ. Безмолвная до сихъ поръ Усть-Кара разомъ проснулась. Всѣ свободные обитатели каторжнаго гнѣзда торопливо бросились на пожаръ: кто съ топоромъ, кто съ ведромъ, а кто и просто такъ, безъ всякаго пожарнаго инструмента, но зато съ большимъ запасомъ дикаго любопытства. Полуодѣтые солдаты, ссыльные, женщины и дѣти бѣжали къ ярко горѣвшей лачугѣ, что было мочи, задыхаясь отъ бѣга и оглашая воздухъ безпорядочными криками. Въ каторжной слободкѣ поднялась безсмысленная суматоха. Ея встревоженные обитатели заметались безъ толку. Съ просонья никто не зналъ, что предпринять. Всѣ кричали, суетились, ругались, но не находили, какъ помочь неожиданному горю. Огонь, между тѣмъ, дѣлалъ свое страшное дѣло, быстро разростаясь и захватывая близъ лежащія постройки. Тучи искръ вздымались къ совершенно покраснѣвшему небу и крутились въ поднявшемся вихрѣ. Клубы чернаго дыма нависли надъ всей Усть-Карой и грозной тучей тянулись до самаго горизонта...

Волосатый глядѣлъ на пожаръ, какъ прикованный, не обращая вниманія на встревоженнаго товарища, настойчиво твердившаго:

— Пойдемъ... Пойдемъ же!.. Брось... Пойдемъ...

— Подожди малость, дай насмотрѣться,—проворчалъ злодѣй, видимо любуясь, какъ онъ, бывало, пускалъ пѣтуха, пускалъ съ исключительной цѣлью потѣшить себя страшнымъ зрѣлищемъ общаго смятенія мирянъ, чѣмъ-либо не потрафившимъ злодѣю.

Славно горятъ! Ай, славно!..—хрипѣлъ Волосатый съ восторгомъ, охваченный впечатлѣніемъ картины ужаснаго разрушенія. Въ немъ пробуждались звѣрскіе инстинкты. . Онъ наслаждался давно невиданнымъ зрѣлищемъ... Но вотъ неожиданно вспыхнулъ отъ летавшихъ головней домикъ Безроднаго, стоявшій въ нѣкоторомъ отдаленіи. Злодѣй вздрогнулъ, вскочилъ на ноги и сталъ всматриваться. . Вотъ выскочилъ полуодѣтый Иванъ и безтолково заметался по двору, стараясь спасти кое-какое имущество... Почти одновременно, въ одномъ изъ оконъ, освѣщеннымъ заревомъ пожара, показалась растрепанная, перепуганная, Аксинья съ дѣвочками-близнецами на рукахъ. Она, видимо, находилась въ нерѣшимости, что предпринять; но черезъ нѣсколько секундъ послышался трескъ разбиваемыхъ рамъ и стеколъ... Аксинья, охваченная паническимъ ужасомъ, выпрыгнула съ дѣтьми на улицу и ударилась въ безумное бѣгство, не зная—куда и зачѣмъ. Но вотъ, она что-то вспомнила, мгновенно остановилась какъ вкопанная, и закричала, пронзительно, страшно, отчаянно:

— Мальчикъ!.. Мальчикъ тамъ остался!..

Этотъ ужасный, раздирающій душу, вопль пронесся по всей Усть-Карѣ и, словно плетью, хлестнулъ въ уши насторожившагося Волосатаго. Злодѣй затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и рванулся изъ кустовъ къ завѣтному домику, крикнувъ на бѣгу, до нельзя изумленному, Бомбѣ:

— Не поминай лихомъ!.. Пропадай, моя головушка!..

IV.

— Спасите!.. Спасите мальчика!.. Спасите!.. — продолжала неистово вопить Аксинья, ломая въ отчаяньи руки и порываясь броситься обратно въ родную хижину, уже охваченную съ трехъ сторонъ зловѣщими языками пламени. Она рвалась къ забытому сыну; но ее крѣпко держали и не пускали на вѣрную смерть въ бушевавшей стихіи. Она судорожно, съ неимовѣрною силой билась въ рукахъ нѣсколькихъ солдатъ, рвала на себѣ волосы и отчаянно молила:

— Пустите!.. Пустите, ради Христа!.. Тамъ сынъ!.. Мой дорогой, милый мальчикъ... Спасите!.. Спасите его!..

Несмотря на мольбу, Аксинью продолжали держать, и, въ то же время, никто не шевельнулся, чтобы хотя попытаться спасти забытаго мальчика: это казалось всѣмъ немыслимымъ... Что касается Безроднаго, то онъ съ дѣвочками на рукахъ, принятыми отъ совершенно обезумѣвшей Аксиньи, растерянно глядѣлъ на разраставшійся пожаръ, не имѣя силъ двинуться съ мѣста. Онъ окаменѣлъ въ ожиданіи чего то ужаснаго, неотвратимаго и неумолимаго.

— Поберегись!.. — раздался вдругъ грозный, мощный голосъ, и какой-то странный, чудовищный человѣкъ вихремъ ворвался въ оторопѣвшую толпу, отбросилъ могучими руками не успѣвшихъ посторониться и, съ крестнымъ знаменіемъ, ринулся въ окно пылавшей избушки. Толпа ахнула и замерла. Затаивъ дыханіе, всѣ ждали чего то необыкновеннаго, чудеснаго. Человѣкъ, неожиданно появившійся среди огня и дыма, казался сказочнымъ гигантомъ, выросшимъ изъ земли. Въ общемъ переполохѣ никто не призналъ въ немъ, хорошо всѣмъ извѣстнаго злодѣя; да и трудно было признать при такой обстановкѣ.

Сухой домикъ Безроднаго пылалъ, какъ хорошо просмоленный факелъ. Громадный столбъ пламени стоялъ

надъ всей крышей. Зловѣщіе огненные языки уже вырывались изъ всѣхъ оконъ и гневно змѣились по фасаду. Казалось, не было спасенія ни тому отважному человѣку, скрывшемуся среди волны пламени и дыма, ни мальчику, ради котораго онъ бросился въ огонь.

— Погибли!.. Погибли!..—перешептывались всѣ съ ужасомъ.

Аксинья продолжала судорожно биться въ крѣпкихъ рукахъ солдатъ. Совершенно охрипшая отъ страдальческаго, пронзительнаго вопля, она лишь глухо рыдала, не спуская воспаленныхъ глазъ съ родной избушки.

Прошло всего нѣсколько секундъ страшно мучительнаго ожиданія. Вдругъ Аксинья вздрогнула и съ крикомъ, преисполненнымъ надежды и радости, такъ сильно рванулась изъ рукъ державшивъ ее солдатъ, что сшибла ихъ съ ногъ. Въ одно мгновеніе она очутилась возлѣ пылавшаго домика, въ одномъ изъ оконъ котораго неожиданно появился тотъ, кто сосредоточивалъ на себѣ жгучее вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ. Въ этотъ только моментъ всѣ признали Волосатаго, ярко освѣщеннаго огненными языками. Въ рукахъ его было что-то, плотно завернутое въ полушубокъ. Материнское чуткое сердце разомъ отгадало въ этомъ „что-то“ свое родное, дорогое, возлюбленное... Аксинья почти вырвала изъ рукъ выпрыгнувшаго на улицу злодѣя драгоцѣнный свертокъ, мгновенно развернула его и съ радостнымъ воплемъ прильнула къ совершенно невредимому сыну, забывъ даже поблагодарить спасителя. Эгоизмъ осчастливленной матери поглотилъ все ея существо. Она ничего не видѣла, кромѣ нѣсколько перепуганнаго, но, въ то же время, радостнаго личика спасеннаго сына; ничего не слышала, какъ только милый дрожащій лепетъ:

— Мамочка... Мамочка...

А Волосатый, угорѣвшій въ избѣ, тутъ же у окна повалился безъ чувствъ на землю.

Безродный, съ дѣвочками на рукахъ, стоялъ подлѣ, не спуская съ сына глазъ, переполненныхъ счастливыми

слезами. Семейная картина приковала общее вниманіе. Каждый, наперерывъ передъ другими, желалъ взглянуть на чудесно спасеннаго мальчика. Первое время всѣ совершенно забыли о виновникѣ торжества.

— А гдѣ же Волосатый?—вспомнилъ вдругъ кто-то.

— Гдѣ? Гдѣ мой благодѣтель?—опамятовалась, въ свою очередь, осчастливленная мать.

— И впрямь, гдѣ онъ?—встрепенулся также Безродный, изумленно оглядывая любопытныхъ зѣвакъ, тѣснившихся вокругъ.

— Батюшки!.. да онъ самъ, сердешный, горитъ!—раздался чей-то крикъ.—Подайте ведро воды!

Нѣсколько человѣкъ подбѣжало къ злодѣю, недвижно лежавшему на землѣ. Кто-то плеснулъ на него водой, стараясь залить тлевшія рубища. Неожиданный холодный душъ произвелъ рѣшительное дѣйствіе. Волосатый зашевелился и застоналъ.

— Ишь, какъ его, сердешнаго, полыменъ-то охватило... Бѣдняга! Несчастненькій! Благодѣтель ты мой!—начала причитать Аксинья, склонившись надъ сильно обожженнымъ злодѣемъ.

— Пить... Все нутро жжетъ... Пить...—едва слышно простоналъ Волосатый.

Безродный поспѣшилъ поднести ему воды. Съ трудомъ приподнявшись, при помощи Аксиньи, злодѣй прильнулъ къ ведру и сталъ жадно глотать освѣжающую влагу, спѣша залить ею страшный, внутренній пожаръ.

— Отнесите его въ лазаретъ! Нечего ему тутъ валяться!—раздался властный голосъ неожиданно подошедшаго начальства.

Стоявшіе по близости люди засуетились. Откуда-то появились парусинныя носилки. Нѣсколько солдатъ приподняли стонавшаго злодѣя, бережно положили на носилки и осторожно понесли его въ тюремный лазаретъ. Безродный, оставивъ дѣтей на попеченіе матери, послѣдовалъ за страдальцемъ, сердечно желая чѣмъ-

нибудь помочь ему. Онъ не спускалъ съ Волосатаго благодарныхъ глазъ и все время поддерживалъ его обезображенную огнемъ голову. Послѣдняя убавилась почти на половину, такъ какъ щетинистые волосы и борода обгорѣли до самыхъ корней. Среди опаленнаго лица рѣзко выдѣлялся лишь сильно припухшій носъ, еще болѣе страшный и безобразный, чѣмъ прежде.

V.

Врачъ не замедлилъ прибыть въ лазаретъ. Внимательно осмотрѣвъ Волосатаго, докторъ покачалъ головой и профессіональнымъ тономъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Не выживетъ... Ожоги смертельные.

Замѣтивъ стоявшаго по близости Безроднаго, онъ спросилъ, кивнувъ на злодѣя:

— Товарищъ твой, что ли?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе... Благодѣтель онъ мой,—прошепталъ Иванъ, опасаясь, повидимому, нарушить громкимъ голосомъ покой больного.

Докторъ вопросительно взглянулъ на Безроднаго, очевидно недоумѣвая по поводу слова „благодѣтель".

— Сына онъ моего спасъ съ пожару. Прямо изъ огня выхватилъ,—поспѣшилъ Иванъ разсѣять недоумѣніе „начальства".

— Вотъ какъ!—удивился врачъ и недовѣрчиво взглянулъ на Волосатаго, стараясь уяснить себѣ: какимъ образомъ могъ такой отъявленный и закоренѣлый преступникъ рѣшиться на геройскій, самоотверженный подвигъ?

Злодѣй, уже пришедшій въ себя, поймалъ этотъ недовѣрчивый взглядъ и проговорилъ прерывающимся голосомъ, будто оправдываясь:

— Сердце не выдержало, ваше высокоблагородіе... Мать-то завопила такъ страшно,—ножемъ по сердцу полоснула... Оно и не выдержало!.. Какъ я въ огонь

попалъ, какъ сынишку ее спасъ — право не помню... Въ головѣ такой вертунъ пошелъ, что и разсказать нельзя... Совсѣмъ очумѣлъ!.. Вѣдь не щенокъ, ваше высокоблагородіе, мальчишка-то... Да и мать-то евонную страсть жалко стало...

— Ладно, ладно, не волнуйся, отдохни,—ласково перебилъ докторъ, невольно подкупленный простыми словами злодѣя. Богъ дастъ, поправишься.

— Куда мнѣ, ваше высоблагородіе, о поправкѣ думать: пѣсенка моя спѣта. Хорошо знаю, что конецъ мой пришелъ.

— А, вѣдь, я кукушку задумалъ слушать,—съ улыбкой обратился онъ къ Безродному.

— Вотъ, поди-жъ ты! куда попалъ за мѣсто тайги!?— добавилъ онъ послѣ короткаго раздумья, удивляясь превратностямъ судьбы.

— Все отъ Бога,—тихо замѣтилъ Безродный.

— Вѣрно!—оживился злодѣй.—Передъ Богомъ я провинился и Богъ покаралъ меня по дѣламъ...

— Ваше высокоблагородіе, сдѣлайте Божескую милость, запросилъ вдругъ злодѣй доктора:—пошлите за отцомъ Николаемъ...

Къ утру слѣдующаго дня Волосатый умеръ. Ожоги, полученные имъ, оказались дѣйствительно смертельными.

2007041405